Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований

Материалы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019) (Барнаул, 5-6 мая 2022 г.)

Под редакцией Д.Л. Проказина

Барнаул, 2022

© ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022

Об издании – 1, 2

УДК 34:94(5)
ББК 67.401.133.12–1я45
С 399

Редакционная коллегия:
Тяпкин М.О., доктор исторических наук, доцент
Лен К.В., кандидат исторических наук, доцент
Сизова А.А., кандидат исторических наук
Тяпкина О.А., кандидат исторических наук

С 399 **Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований** : материалы второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019) / под ред. Д.Л. Проказина. – Электрон. текст. дан. (2,4 Мб). – Барнаул : ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – 1 электрон. опт. диск (DVD). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

В сборник включены материалы участников второй Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), проходившей в г. Барнауле 5-6 мая 2022 г.

УДК 34:94(5)
ББК 67.401.133.12–1я45

ISBN 978-5-94552-501-6

© ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022

Редактор Е.Г. Авдюшкин
Корректура,
компьютерная верстка С.В. Калининой
Дизайн обложки О.А. Розум

Дата подписания к использованию:
18.08.2022

Объем издания: 2,4 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)

Тираж 10 дисков

ФГКБОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 7
Приветственное слово участникам конференции: *Чернышов Ю.Г.* Александр Владимирович Старцев: коллега, заведующий кафедрой, ученый 9

Пленарное заседание

Шерстова Л.И. Евразийская основа русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в. 12
Гончаров Ю.М., Климова О.Г. Барнаульская школа изучения истории предпринимательства в Сибири 17

Секционные доклады

Бойкова Е.В. Монголия в исследованиях офицеров Генерального штаба (вторая половина XIX в.) 22
Цыбенов Б.Д., Курас Л.В. Даурская революционная молодежь в СССР и МНР 27
Владимирски И., Кротова М.В. Неосуществленный монгольский проект Якова Фризера 31
Кузьмин Ю.В. Монголо-русский словарь иркутского переводчика А.В. Игумнова 36
Гурулева Т.Л. Концепция высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования) 40
Наземцева Е.Н. Русские торговые фактории в Синьцзяне: особенности и проблемы политико-правового статуса во второй половине XIX – начале XX в. 45
Бояренок К.А., Горбова К.Т. «Великий чайный путь»: экономика и культура 50
Черникова Л.П. Судьбы репатриантов из Китая в сибирских городах после Второй мировой войны (часть 2) 53
Ли Линь Этнокультурная специфика Северо-Восточного Китая: основные этапы формирования 64
Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. 68
Моисеев С.В. Вооруженные силы Афганистана в конце XIX – начале XX в. по извлечениям из сочинения «Афганский вопрос» (военно-географический и политический этюды) Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитана П.А. Риттиха 74
Проскурин В.Н. Загадочные сюжеты биографии светописца Ордэна 79
Ярков А.П. О системе отношений власти и уммы Урала и Сибири 84
Балин М.А. (Епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима) Обычное право коренного населения Степного края в имперской политике аккультурации конца XIX – начала XX в. 89

Недзелюк Т.Г. Материалы для изучения вероисповедной политики Российской империи в архивохранилищах Сибири 95
Денякин Ю.А. Особенности духовного окормления экспедиционных частей в российской армии на примере Шарасумэского отряда, находившегося в Алтайском округе Западного Китая с 1913 по 1917 г. 99
Траудт Е.А. Основные направления изучения алтайского шаманизма в советской историографии 109
Дроботушенко Е.В. Материалы к истории обновленческого раскола на территории Иркутской области в середине 1920-х гг. 114
Зиберт Н.П. Материальное положение общин Русской православной церкви г. Красноярска в конце 1950-х – начале 1960-х гг. 118
Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Социальная деятельность Русской православной церкви в Новосибирской области (Сибирь) в 1990-е гг.: к постановке проблемы 123
Виницкая Н.В., Литягина А.В. О воспитании толерантности у учащихся и студентов в ходе изучения гуманитарных дисциплин 126
Аюшиева И.Г., Жанцанова М.Г. Сибиреведение в Японии: основные направления исследований 131
Путилин М.С. Методологический аспект изучения сюжета о царе-старце 135
Демчик Е.В., Дубик И.М. Формы, методы и результаты вытеснения частного капитала в конце 1920-х годов (на материалах Алтая) 140
Санкин Е.В., Зиновьев В.П. Рыбообрабатывающая промышленность Западной Сибири в XIX – начале XX в. 144
Меженина О.В. Роль мещанства в организации мыловаренного производства в Российской империи в дореформенный период (на примере Томской губернии) 155
Цинцадзе Н.С. Государственная оценка ресурсного потенциала Сибири в условиях модернизации позднеимперской России 160
Тяпкин М.О. «Желая быть несколько полезным для всеобщей народной пользы…»: предложения тобольского мещанина П.Ф. Ревнивых о борьбе с лесными пожарами 164
Румянцев П.П. Проект генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова по реформированию территориальных жандармских управлений 170
Демчик Е.В., Липский С.А. 1917 год в Леньковской волости в воспоминаниях современников 174
Суверов Е.В. Поддержание порядка сотрудниками НКВД в г. Томске (1944-1945 гг.) с помощью патрулирования 179
Румянцева Е.Н. Деятельность томского нотариата в период перестройки 182

Старцев Александр Владимирович
(1956-2019)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник материалов Второй всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), состоявшейся в Барнаульском юридическом институте МВД России в мае 2022 г.

Предложение организаторов первой конференции о том, чтобы проводить это мероприятие на постоянной основе с периодичностью один раз в два года, было поддержано участниками. В результате в мае 2022 г. состоялась вторая конференция, уже получившая в научной среде неофициальное название «Старцевские чтения». В газете «Вечерний Барнаул» за 21 мая 2022 г., в № 70 была опубликована статья «Познавая Сибирь», в которой содержится подробная информация о проведенном мероприятии.

Организаторами конференции традиционно выступили кафедры теории и истории права и государства и истории и философии Барнаульского юридического института МВД России.

Учитывая складывающуюся эпидемиологическую обстановку, организаторы приняли решение провести конференцию в онлайн-формате, что позволило, несмотря на огромные расстояния, объединить ученых из разных уголков нашей страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Сургута, Томска, Новосибирска, Барнаула, Иркутска, Улан-Удэ, а также привлечь ученых из Израиля, Китая, Германии. Примечательно, что часть исследователей уже во второй раз принимают участие в данном мероприятии, тем самым подчеркивая его значимость в своей профессиональной деятельности.

Пленарное заседание началось с демонстрации фильма об Александре Владимировиче, где он предстал в разных ипостасях: как ученый, преподаватель, коллега и отец. После фильма своими воспоминаниями поделился коллега А.В. Старцева, доктор исторических наук заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ Ю.Г. Чернышов, который затронул некоторые моменты из жизни ученого и его работы заведующим кафедрой востоковедения в АлтГУ.

Пленарное заседание продолжила выпускница АлтГУ, а ныне доктор исторических наук, профессор ТГУ Л.И. Шерстова с темой доклада об евразийской основе русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в. Те выводы, к которым пришла исследователь, напрямую касаются современных отношений народов в Сибири, которые в своей основе всегда строились на терпимости, т.к. для огромной территории Сибири всегда важны были люди. Тему евразийства продолжил кандидат исторических наук А.А. Казаков, который на основании археологических данных обосновал существование Европы и Азии как самостоятельных мультикультурных провинций. Наконец, выступление

доктора исторических наук, профессора Ю.М. Гончарова было посвящено барнаульской школе изучения предпринимательства в Сибири, в историю создания которой имя А.В. Старцева вписано золотыми буквами.

В этот раз организаторы конференции решили выйти за традиционные рамки секционных заседаний, когда доклады группируются по тематике исследований, и предложили ученым «одну трибуну» для того, чтобы расширить междисциплинарные связи. Этот формат был с энтузиазмом поддержан коллегами, что говорит о желании историков разных направлений слышать друг друга.

Впервые в работе конференции приняли участие молодые исследователи из Алтайского и Бурятского университетов, которые со временем, надеемся, займут достойное место в ряду исследователей Сибири и Востока.

Практически каждый участник отметил особую дружескую атмосферу конференции и актуальность представленных проблем, потому что сегодня социально-экономические проблемы Сибири, а также вопросы взаимодействия нашей страны со странами Востока занимают важнейшее место в политике России.

Участники конференции предложили придать ей международный статус, т.к. исследовательская география и круг изучаемых проблем уже вышли за рамки всероссийского масштаба.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Чернышов Юрий Георгиевич, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
ashpi@hist.asu.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ СТАРЦЕВ: КОЛЛЕГА, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ, УЧЕНЫЙ

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить Оргкомитет за приглашение выступить на конференции, посвященной памяти профессора Александра Владимировича Старцева. Сейчас много говорят и пишут о «политике памяти», о необходимости мемориализации значимых событий и т.д. Это действительно важно и нужно, однако я хотел бы подчеркнуть важность того, чтобы такие инициативы исходили не только сверху, от официальных кругов, но и снизу – на уровне регионов, городов и даже отдельных профессиональных коллективов. Потому что память о замечательных людях, сделавших много полезного не только для себя, но и для окружающих, заслуживает того, чтобы давать пример гражданственности новым поколениям, в частности, поколениям молодых выпускников вузов, только еще приходящих на работу в сферы образования и науки.

И в той, и в другой сфере вообще издавна сложилась благородная традиция сохранять память о научных школах, выдающихся профессорах и внесенном ими вкладе. Мы на кафедре всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, например, тоже всегда старались посвятить памяти ушедших коллег (профессор Е.М. Залкинд, профессор Е.П. Глушанин, доцент А.В. Шестаков) сборники научных статей, опубликовать их неизданные труды [1, 2, 3]. И то, что коллеги Александра Владимировича Старцева проводят уже вторую научную конференцию, посвященную его памяти, заслуживает, на мой взгляд, всяческой поддержки.

Когда вспоминаешь о каких-то людях, иногда удается восстановить в памяти цельный и яркий личностный образ, а иногда – нет. В случае с Александром для меня этот образ всегда был позитивным и понятным, тем более что мы знакомы были и общались (правда, с перерывами) более 30 лет. Еще во время учебы на историческом факультете (Александр учился на курс старше) он запомнился как активный, общительный, наделенный талантами студент. Одно только его участие в замечательном вокально-инструментальном ансамбле «Ваганты» говорило уже само за себя. Вот этот артистизм, и юмор, и в то же время непреходящая простота в общении, мне кажется, во многом вписываются в характеристики идущего от крестьянской среды «алтайского характера». Этот характер был хорошо описан (да и проявлен) такими нашими из-

вестными земляками, как Василий Шукшин, Михаил Евдокимов, Валерий Золотухин…

После окончания университета наши дороги надолго разошлись: аспирантура в разных городах, преподавание в разных вузах (Александр учился в аспирантуре Томского университета, затем работал в Алтайском государственном институте культуры, Барнаульском юридическом институте МВД России). С 2000 года он стал преподавать в АлтГУ, а в 2007 году был избран на должность заведующего кафедрой востоковедения [4]. Стоит отметить, что две наших кафедры и две специальности – «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» – всегда были тесно связаны. И в этих условиях конструктивное сотрудничество между нами во многом зависело от того, насколько заведующие кафедрами готовы были сохранять позитивный настрой и соблюдать профессиональные этические нормы. В этом отношении я очень благодарен Александру Владимировичу: никогда с его стороны не было каких-то «тайных интриг», попыток что-то «присвоить» и т.д. Мы всегда спокойно и конструктивно решали все возникавшие рабочие вопросы и нормально сотрудничали. А иногда и просто встречались, чтобы обменяться мнениями о том, в каком направлении движется в последнее время система образования.

Александр Владимирович в этих беседах не скрывал своего критического отношения к последствиям бюрократизации и коммерциализации, к тому, что многое стало превращаться в имитацию ради погони за «рейтингами» и формальными «показателями». Как человека, болеющего за «настоящее» дело, его не могло не тревожить это, а также и то, что постепенно изменилась и сама миссия заведующего кафедрой. Если раньше это был, как правило, известный ученый, профессор, руководивший целой научной школой, то теперь на эту должность требуется скорее просто «менеджер», который может эффективно «выбивать» из преподавателей все те же формальные «показатели». При этом у самого «менеджера», как правило, вообще не остается времени на занятия наукой. Все это, вероятно, повлияло на решение Александра Владимировича оставить заведование кафедрой востоковедения. Сам он, по воспоминаниям друзей, говорил так: «Я хочу писать не для отчетов, а для вечности».

Настоящему ученому действительно теперь часто не хватает времени и сил, чтобы заняться серьезной наукой, основанной на глубоком изучении фактов, на взвешенной оценке разных подходов и разных точек зрения. Но именно работы, основанные на таких подходах, и оказываются в итоге наиболее ценными. Именно они переживают все причудливые повороты политической конъюнктуры и остаются актуальными даже через многие десятилетия. Мне кажется, что из более чем пятисот публикаций А.В. Старцева по истории Сибири и связям сибирских регионов со странами Востока многие будут интересны и последующим поколениям историков. Вот, например, в теме «Большого Алтая» он отмечал исторический аспект «буферной зоны», о которой пи-

сал: «…Территория, объединявшая современное понятие “Большой Алтай”, представляла собой пример взаимодействия российской и китайской периферий, а это порождало новое качество, “зону конвергенции”, где экономические и социальные процессы протекали не так, как в России, но и не так, как в Китае» [5, с. 30]. Важное наблюдение: коллеги отмечают и то, как умно и бережно работал Александр Владимирович с архивными документами, заботясь о том, чтобы все его наработки были доступны последующим за ним ученым.

Часто бывает, что видные ученые занимаются еще и общественной, просветительской деятельностью. Александр Владимирович с его темпераментом не был исключением. Он был действительным членом Сибирской ассоциации монголоведения, председателем Алтайской краевой общественной организации «Общество русско-китайской дружбы», членом координационного совета по развитию туризма при администрации г. Барнаула, членом редколлегии литературно-художественного, научного и историко-просветительского альманаха «Бийский вестник» (г. Бийск) и т.д. [6]. Многое еще из сделанного им (например, участие в создании учебников и энциклопедических изданий) можно было бы назвать здесь.

Завершая, хотелось бы пожелать, чтобы память о наших достойных ученых продолжала жить и продолжала давать пример высокого служения своему делу. Всем участникам конференции – интересных дискуссий и новых настоящих достижений!

Список источников и литературы

1. Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е.П. Глушанина. Барнаул, 2007. 143 с. URL: http://www.hist.asu.ru/faculty/cafedrs/war_peace.html (дата обращения: 04.05.2022).

2. Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул, 2012. 242 с. URL: http://kvimo.hist.asu.ru/wp-content/uploads/zalkind.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

3. Шестакова Л., Шестаков А. И в шутку, и всерьёз. Барнаул, 2014. 76 с. URL: http://kvimo.hist.asu.ru/wp-content/uploads/avsstihi.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

4. Старцев Александр Владимирович // Библиотека сибирского краеведения. URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/starcev-aleksandr-vladimirovich (дата обращения: 03.05.2022).

5. Старцев А.В. Проект «Большой Алтай»: историческая ретроспектива и современное состояние // Развитие территорий. 2016. № 1 (4). С. 29-37.

6. Старцев Александр Владимирович // Общественная палата Алтайского края. URL: http://www.opaltai.ru/opak/people/4sostav/Startzev.html (дата обращения: 03.05.2022).

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор
Томский государственный университет (г. Томск)
Sherstova58@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ ОСНОВА РУССКО-АБОРИГЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В XVII В.

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (проект-номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

***Аннотация*:** В статье рассматривается политическая, экономическая, ментальная основа русско-аборигенных отношений в Южной Сибири. Делается вывод о том, что общее евразийское наследие тюркских народов и русского способствовало взаимопониманию интересов обеими сторонами, налаживанию коммуникаций, благоприятствовало культурному обмену. Результатом этих процессов стало не только быстрое продвижение русских по Сибири и основание ими городов и острогов, но и принятие аборигенами политического подданства и определение их места в сословно-податной структуре Московского царства.

Ключевые слова: евразийская концепция, Сибирь, Центральная Азия, Московское царство, Китай.

Проблема присоединения Сибири и установления русско-аборигенных контактов, несмотря на обилие литературы, остается все такой же актуальной, как и в XVIII в., когда появились первые обобщающие труды по сибирской истории. По-прежнему открытым остается вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским, о причинах стремительности завершения этого процесса [1, с. 129-130]. Уже в 1640-е гг. русские вышли на Тихоокеанское побережье, основав десятки городов, зимовий, острогов и объясачив большинство сибирских народов.

Рассмотрение этой проблемы напрямую связано с определением характера московской государственности конца XVI–XVII вв., с выяснением ее идеологических, социально-политических и ментальных истоков. Выявление механизмов взаимодействия русской власти и русских пришельцев с аборигенным населением Сибири позволяет определить не только сущностные стороны московской власти, но и особенности средневековой русской политической культуры.

Следует заметить, что вопрос об уровне и специфике социально-политических институтов тюркских народов Сибири обычно решается в пара-

дигме эволюционного или формационного подходов, заранее помещенных на стадии догосударственного развития и обреченных на роль статистов московской политики в Сибири. Между тем в социальных коммуникациях, в т.ч. и межэтнических, передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон.

В связи с этим актуализируется проблема такого феномена, как евразийство, понимаемого как результат синтеза разновременных культурных контактов элементов народов Северной Евразии. При этом следует отметить, что евразийство – это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Формирование евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса начинается задолго до походов Чингисхана и Батыя и связано с восточными миграциями ранних индоевропейцев (ямники-афанасьевцы, прототохары), ранних индоиранцев (срубники-андроновцы, «арии»), с взаимодействием народов Степи с первыми китайскими государствами Шан-Инь и Чжоу. Позднее движение гуннов и других центральноазиатских народов, в т.ч. и монголов на Запад, усилило процессы культурного синтеза и актуализировало евразийское наследие, особенно в ходе завоеваний Батыем Северо-Восточной Руси и принятия русскими князьями политической зависимости от Золотой Орды. Более двухсот лет вся жизнь русских земель во многом определялась ее политикой.

Однако относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Вопрос же о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и в социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился.

Между тем оказавшимся в Сибири русским не нужно было внедрять систему «господства-подчинения», создавать систему даннических отношений. У большинства ее народов она исправно функционировала, подкрепленная уже существовавшими административно-фискальными образованиями, которые в русских документах получили названия «землиц», «родов», «волостей», «улусов», в основе организации которых лежал не территориальный принцип,

а само наличие зависимого населения. Ранняя аборигенная ясачная волость, по своей сути, не отличалась от центральноазиатского улуса.

Понимание Москвой сущности социального устройства сибирских народов привело к формированию таких административно-фискальных образований аборигенных социумов, в основе которых лежали два основных принципа. Первый – это несвязность населения и территории, когда в качестве административно-фискального образования ясачные приписывались к сибирскому городу или острогу и при этом они могли менять территорию своего обитания, что было вызвано как основными их занятиями и необходимостью выплаты пушного ясака (охота, рыболовство, скотоводство), которые обуславливали большую их подвижность, так и стремлением укрыться от произвола власти. К тому же первоначально Москва не обладала значительным военным контингентом в Сибири, чтобы контролировать местные народы. Второй принцип – это принцип невмешательства во внутреннюю социальную структуру сибирских народов, а также сохранение власти местной элитой при условии ее полного подчинения. Российская власть настолько глубоко восприняла этот принцип, что он окончательно закрепился в имперском законодательстве в виде «Устава об управлении инородцев», принятого в 1822 г.

Можно констатировать, что положение аборигенного населения Сибири уже в составе Московского царства во многом соответствовало институту унаган-богол в империи Чингисхана, анализ которого дал еще Б.Я. Владимирцов [2, с. 81], и который был распространен монголами на Русь. Непрерывность этой центральноазиатской традиции организации населения позволила, например, тюркскому населению Горного Алтая воспроизводить и сохранять джунгарскую модель государственного устройства, уже находившемуся в составе Российской империи, вплоть до начала XX в. [3, с. 241-243].

Перед служилыми людьми стояла задача не создания даннической системы, т.к. она уже существовала в дорусский период, а ее переориентация на Москву. И это удалось сделать достаточно просто – через ритуал. Символом богатства державы, согласно евразийской традиции, выступало количество подарков, которыми сюзерены наделяли новоподданных, что символизировало богатство и щедрость власти, подчиниться которой не считалось унижением. Это был особый ритуал, призванный сакрализовать принятие политического подданства. С самого начала русского присутствия в Сибири доставка ясака в русский город (острог) или приезд аборигенной элиты в Москву обязательно сопровождались раздачей даров: кафтанов, шуб, тканей, посуды и т.д. – всего, кроме оружия, и устройством для них пышного приема, заканчивавшегося приглашением на многолюдный и щедрый пир.

Следует отметить, что публичное принесение даров (дани) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих дань, у всех центральноазиатских народов имело форму и смысл сложного ритуала [4, с. 165]. Истоки этого явления следует искать в сложных взаимоотношениях Древнего Ки-

тая с многочисленными варварами, предками тюркских и монгольских народов [5, с. 497-498]. Усвоенная тюркскими и монгольскими народами Центральной Азии система подчинения, подкрепленная строгим ритуалом и подарками, позже, через ордынцев, была перенесена в «посольский обычай» Московского царства и определила содержание и форму взаимоотношений русских со своими ясачными Сибири, тем более что последние воспринимали «законность» своего подданства в форме архаичного дарообмена.

Народы Сибири, принеся шерть – клятву на верность Москве традиционным образом, т.е. согласно своим обычаям, пройдя ритуал принесения дани и отдаривания и приняв участие в богатом пире, занимали свое место в социальной структуре Московского государства, образуя сословие «ясачных». Москва обозначила в Сибири три основных принципа своей аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были известны в раннесредневековой Центральной Азии, они же функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились не без влияния Золотой Орды: переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще – местными князьями, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получение взамен ярлыка – права на княжение; фактическое сохранение монголами административно-политического устройства Руси и невмешательство в ее религиозные дела, участие русских дружин в военных походах монголов; долговременные и обязательные пребывания князей или их родственников в Сарае, в Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т.е. то же аманатство. Страх постоянных, порой беспричинных, набегов ордынцев и т.д. – все это общеизвестные явления российской истории XIII–XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводниками явились уже русские власти. Поэтому важно подчеркнуть, что ничего принципиально нового русские власти в отношения с сибирскими народами не внесли: те и другие были наследниками общего евразийского этнокультурного комплекса.

Устойчивости общей евразийской традиции русских и народов Сибири способствовали и аналогичные ментальные представления о власти и о земле. Власть, прежде всего, воспринималась как *нравственная категория,* что было связано с архаичным концептом Неба, который имелся в картине мира ранних индоевропейцев, древних китайцев, средневековых тюрков и монголов. Небо одинаково справедливо относится ко всем, правитель лишь, как самый достойный, осуществляет волю Неба. В отличие от западной общественно-политической мысли, в которой уже в античном Риме власть основывалась на законе, евразийская традиция сохраняла неразрывную связь власти с моралью. Этим объясняются попытки в русской истории «найти настоящего царя», признания вождей, победивших Китай «варваров», китайскими императорами, выборы Темучина монгольским ханом. В Сибири это проявилось в переходе

значительной части местной элиты в подданство Москвы. Стоило Ермаку победить Кучума, как ближайшим окружением последнего это было воспринято как «воля Неба». Небо помогает достойным. Служить недостойному – идти против «воли Неба», но, став достойным, нужно, как Небо, оставаться беспристрастным и справедливым по отношению ко всем. Поэтому власть, согласно евразийской традиции, должна быть не столько законной, сколько справедливой, что сохранилось и в современной российской картине мира.

Не менее важным был и концепт Земли, также имеющей евразийский генезис. Земля у всех народов Евразии осмысливалась как «живая», значит, с ней можно было вступать в коммуникационные отношения. Но она была «Мать – сыра земля», что тождественно тюркскому *Jep-cyy,* т.е. «живая», «плодородная», «способная дать жизнь». Она осмысливалась как начало всего живого, в т.ч. и человека. Отсюда устойчивая установка, что *землю нельзя продавать*. В традиционном обществе часть ее на какое-то время можно было получить в результате дарообмена с духами Земли. Право на землю определялось освоенным пространством, вложенным в нее трудом. Невозделанная земля, ее недра принадлежат всем, никто не имеет на нее особых прав, а вернее, все могут ими пользоваться. Думается, с этим связана и неудавшаяся реформа П.А. Столыпина, и «насаждение» частной собственности на землю в 1990-е гг., которое основная часть населения России считала «несправедливым», а вернее, не соответствующим глубинным представлениям о неприкосновенности Земли как части сакрального пространства.

Представляется, что именно общая евразийская основа социально-политических и культурных традиций народов Московского царства и большинства сибирских этносов, формирование которой уходит в раннюю и средневековую историю Северной Евразии, общее евразийское наследие ее народов, во многом способствовала успешности освоения русскими Сибири.

Список источников и литературы

1. Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997. 544 с.

2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. М. – Л., 1934. 233 с.

3. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // История и культура народов Степной Евразии: мат-лы II междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 240-248.

4. Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Mongolica. М., 1986. С. 160-168.

5. Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 494-529.

Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Алтайский филиал (г. Барнаул)
yuriig@yandex.ru
Климова Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный технический университет (г. Барнаул)
climovolga@yandex.ru

БАРНАУЛЬСКАЯ ШКОЛА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

***Аннотация*:** Исследованы формирование и развитие барнаульской научной школы истории дореволюционного предпринимательства в Сибири как единый процесс производства знания, в ходе которого сохраняются традиции, изучаются новые проблемы, формируются подходы к решению научных проблем. Определены основные вехи и подведены предварительные итоги работы барнаульской школы.

Ключевые слова: историография, история предпринимательства, Сибирь, научная школа.

Научные школы играют важную организующую и направляющую роль в развитии науки. Формирование и развитие научной исторической школы – это единый процесс производства знания, в ходе которого сохраняются традиции, изучаются новые проблемы, формируются подходы к решению научных проблем.

Обобщая взгляды исследователей, можно выделить следующие признаки научной школы. Во-первых, наличие лидера – известного ученого (или ученых). Во-вторых, существование пространственно-временного единства (город, вуз, лаборатория, кафедра). Например: Барнаул, Алтайский государственный университет, кафедра отечественной истории. В-третьих, подготовка научных кадров, т.е. защита кандидатских и докторских диссертаций. В-четвертых, наличие нескольких поколений ученых. В-пятых, принципы, характеризующие исследовательские подходы научной школы. В-шестых, публикация специализированных изданий, посвященных общей теме или отдельным проблемам, проведение научных конференций (секций в конференциях) [1].

Таким образом, под научной школой следует понимать союз исследователей, являющихся единомышленниками, придерживающихся единых методологических принципов и взглядов. Научные школы можно разделять как по отраслям знаний, так и по более узкому критерию – по отдельным исследовательским направлениям.

Очевидно, что таковой является барнаульская школа исследователей предпринимательства дореволюционной Сибири. Пространственно-временное

единство школы, как было указано, – это город, институт, лаборатория, кафедра. Барнаульская школа – это кафедра отечественной истории Алтайского государственного университета.

Появление и развитие исследовательской школы – сложный и продолжительный процесс, благодаря которому сохраняются лучшие традиции вуза. Объединяться в школу могут ученые разных кафедр, факультетов, а также разных институтов и исследовательских организаций и даже разных городов. Алтайский государственный университет был создан в 1973 г., исторический факультет – в 1980 г. в результате разделения специализации на историческую и филологическую историко-филологического факультета. Исследование социально-экономической истории Алтая стало основным направлением деятельности ученых, организационным центром – кафедра отечественной истории, а вдохновителем – профессор А.П. Бородавкин, который в 1973 г. из Томского университета был приглашен на работу в Барнаул. В Алтайском университете он выступил инициатором исследований по социально-экономической истории и городоведческих исследований. Его ученики – известные сибирские историки Г.Х. Рабинович, А.Н. Жеравина, В.А. Скубневский, В.Н. Разгон, А.В. Старцев и др.

Например, В.А. Скубневский в 1971 г. под руководством А.П. Бородавкина защитил кандидатскую диссертацию, обратившись к теме социального и экономического развития города, а в настоящее время является известным ученым по истории сибирских городов и истории предпринимательства. Им написано несколько сотен статей, выделяющихся глубиной погружения в прошлое Сибири, основательностью. Историк создал исследовательскую школу в Барнауле, его заслуги были отмечены, ему присвоено почетное звание «Основатель научной школы» решением президиума Российской академии естествознания [1].

Яркий представитель барнаульской школы А.В. Старцев начал работу в Алтайском государственном университете в 1979 г. Его кандидатская и докторская диссертации, как и все научные труды, посвящены непосредственно истории предпринимательства дореволюционной Сибири. Ученый рассмотрел новые аспекты изучения дореволюционного предпринимательства Сибири: нормативно-правовое регулирование предпринимательской деятельности, отношение современников к купцам, влияние на общественную и культурную жизнь городов, участие деловых людей в благотворительности, историю частных фирм Алтая и биографии предпринимателей и другие, актуальные для исторической науки.

Другой барнаульский историк, В.Н. Разгон, проанализировав труды историков США и Великобритании, посвященных генезису и развитию российской буржуазии, рассмотрел сюжеты о численности, составе, происхождении купечества, о торговле и кредите как сфере деятельности сибирского купечества, о купеческом капитале в торговле сельскохозяйственными и промысловыми

товарами, о подрядно-откупных операциях, о промышленном предпринимательстве купцов периода XVIII – первой половины XIX в. [2].

К истории ярмарочной торговли, взяв за основу рассмотрение сети сельских ярмарок в Западной Сибири, обратилась Т.К. Щеглова, опубликовавшая две монографии. В ее анализ вошли материалы более чем 150 ярмарок, проходивших по деревням и селам [3, 4].

К следующему поколению относятся последователи В.А. Скубневского, талант которого проявился «как в подборе учеников, так и в выборе исследовательских направлений» [1, с. 136]. Профессор направлял научные интересы молодых историков к не изученным ранее проблемам. Таким образом продолжалась работа школы по изучению теоретических вопросов экономической истории и предпринимательства. Исследования его учеников (Е.В. Гальских, М.А. Барсуковой, Ю.М. Гончарова, А.М. Мариупольского, Е.А. Носовой, Р.Д. Галиевой и др.) посвящены различным сторонам предпринимательской деятельности в дореволюционной Сибири: истории отдельных сегментов торговли и отраслям промышленности Западной Сибири – текстильной, мукомольной, винокурению и виноторговле, хлебной торговле, а также социально-правовому статусу коммерсанта, купеческой семье, быту купцов, благотворительности предпринимателей, социально-экономическому развитию городов, торговой службе.

Достаточно серьезный вклад в развитие проблематики школы внес Ю.М. Гончаров, развивавший изучение сибирского купечества и сопутствующих проблем социально-экономической и бытовой истории. Монографии и научные статьи автора стали основой для дальнейшей разработки проблематики по истории сибирского предпринимательства. Под руководством профессора 16 историков защитили кандидатские и докторские диссертации [5].

Своеобразным подведением итогов изучения предпринимательства стали монографии барнаульских историков А.В. Старцева [6], В.Н. Разгона [2], Ю.М. Гончарова [7], Т.К. Щегловой [3, 4], коллективные монографии авторов В.А. Скубневского, А.В. Старцева, Ю.М. Гончарова [8, 9, 10], учебные пособия А.В. Старцева и Ю.М. Гончарова [11, 12]. Отдельные труды историков Барнаула опубликованы в зарубежных изданиях [14, 15].

Как известно, каждая исследовательская школа специализируется на разработке своей проблематики. Среди изучаемых барнаульскими историками направлений были эволюция отраслей промышленности и торговли, развитие ярмарочной торговли, социально-правовой статус предпринимателя, особенности купеческого сословия, история купеческих родов, этническое предпринимательство, купеческая семья, благотворительность, менталитет деловых людей. Значимую роль в объединении усилий барнаульских ученых в изучении предпринимательства имеют конференции и, соответственно, публикация материалов конференций. Так, вышли в свет сборники статей: «Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е годы» (1993 г.), «Предприниматели и предпринимательство в Сибири» (1994, 1995, 1997, 2001 гг.), «Экономиче-

ская история Сибири XX – начала XXI века» (2006, 2009, 2012, 2015, 2018 гг.), «Актуальные вопросы истории Алтая» (2017 г.) и др.

Таким образом, представителями барнаульской школы изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири опубликованы монографии, статьи, тезисы, доклады, библиографические указатели, энциклопедические и справочные издания, в советах защищаются кандидатские и докторские диссертации по различным проблемам этого направления. Жанровое многообразие научной литературы о деловых людях является отражением широкого профессионального и общественного интереса к торговле и иным предпринимательским занятиям, что способствует дальнейшему развитию и координации исследовательской деятельности барнаульцев. Положено начало осмыслению историографического опыта изучения предпринимательства [16].

Можно утверждать, что для представителей барнаульской научной школы изучения истории предпринимательства дореволюционной Сибири наиболее важными остаются следующие парадигмальные принципы: гуманизм как ориентир в организации школы; приоритетность темы истории предпринимательства; востребованность научным сообществом результатов исследовательской деятельности; диалогичность как обеспечение диалога, дискуссии и взаимодополняемости. Таким образом, в изучении истории купечества и предпринимательства барнаульские историки добились определенных успехов, наработав обширную историографическую базу. В частности, у историков Алтая были научные достижения советских лет по исследованию буржуазии, а это позволило им стать лидерами по изучению истории предпринимательства.

Работы историков исключительно разнообразны по своей тематике, теоретическим подходам, источникам. Историография современных исследований представителей барнаульской школы необычайно широка и включает изучение различных проблем истории предпринимательства. Представляется, что значимые научные разработки по изучению дореволюционного предпринимательства явились предпосылкой создания в 2006 г. в Алтайском государственном университете Центра экономической истории, руководителем которого стала профессор Е.В. Демчик. Несомненно, изучение истории предпринимательства в настоящее время актуально. Барнаул сохраняет статус научной исторической школы, деятельность которой направлена на изучение истории предпринимательства Сибири во всем многообразии аспектов и проблем, а связь между историками сохраняется на уровне преемственности «учитель – ученик».

Список источников и литературы

1. Гончаров Ю.М., Климова О.Г. Валерий Анатольевич Скубневский как историк предпринимательства в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 5 (97). С. 134-138.

2. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 660 с.

3. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX в.: из истории российско-азиатской торговли. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2002. 234 с.

4. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. 501 с.

5. Климова О.Г. История предпринимательства в Сибири в научных трудах Юрия Михайловича Гончарова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 22. С. 133-139.

6. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 308 с.

7. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: ИЭА РАН, 1999. 240 с.

8. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.

9. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Алтай купеческий. Барнаул: Изд. центр КГУ «Алтайский бизнес-инкубатор», 2007. 172 с.

10. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. 240 с.

11. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 214 с.

12. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2010. 214 с.

13. Старцев А.В. Социально-культурные основы предпринимательства. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 236 с.

14. Skubnevskii V.A., Goncharov Y.M. Siberian Merchants in the Latter Half of the Nineteenth Century // Sibirica. 2002. Vol. 2, № 1. P. 21-42.

15. Goncharov Y., Klimova O. The historiography of the history of the entrepreneurship in prerevolutionary Siberia // Przeglad wschodniouropejski. 2020. № XI/1. P. 59-67.

16. Климова О.Г. Организация изучения истории сибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: АлтГТУ, 2021. 334 с.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

Бойкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН (г. Москва)
e.boykova@hotmail.com

МОНГОЛИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Аннотация: Статья посвящена исследовательской деятельности в Монголии российских военных – офицеров Генерального штаба России – во второй половине XIX в. Данные, собранные каждой военной экспедицией в различных регионах Монголии, становились значительным вкладом в развитие географической науки об этой стране, а также картографии Центральной Азии. В первую очередь военные исследователи выполняли рекогносцировочные задачи; наряду с этим, они собрали обширные данные и уникальные научные материалы по истории, экономике, этнографии Монголии. Участники военных экспедиций внесли значительный вклад в развитие отечественного монголоведения в дореволюционный период, создав самостоятельное направление в этой отрасли знаний – военное монголоведение.

Ключевые слова: Монголия, военные экспедиции Генерального штаба России, рекогносцировки, география, история, экономика, этнография Монголии, российское военное монголоведение.

Со второй половины XIX в. исследование Азии велось главным образом по линии Военного министерства Российской империи или же при его поддержке. Сбором и публикацией материалов по Востоку, т.е. страноведческими изысканиями, занимался Генеральный штаб. Известными учеными-востоковедами, участниками экспедиций в страны Востока, авторами фундаментальных трудов впоследствии стали офицеры Генерального штаба. Работа в рамках военного ведомства постоянно расширялась, т.к. оно, будучи заинтересованным в углублении научных и практических знаний о Востоке, поддерживало развитие этого направления. Как считает доктор исторических наук А.А. Колесников, развитие востоковедной и военной науки в России второй половины XIX в. и начала XX в. было тесно и неразрывно связано [1, с. 34]. Исследователи Центральной Азии – Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов – были офицерами Генерального штаба и в то же время совершили свои экспедиции в Монголию по поручению Русского географического общества.

Во второй половине XIX века, в условиях обострения военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, Россия начала предпринимать шаги для укрепления своих позиций в этом регионе и, в частности, в Монголии. Именно в этот период начали более активно развиваться российско-

монгольские торгово-экономические отношения, для чего России нужны были подробные сведения о своем торговом партнере. Перечисленные обстоятельства повлияли на то, что с середины XIX в. Россия начала детально изучать соседнюю страну, предвидя, что Монголия рано или поздно может стать театром военных действий, где столкнутся интересы России и цинского Китая. Прежде всего, для Военного ведомства России было важно изучить Монголию в географическом отношении и издать «верную и точную карту» этой страны [2, л. 5]. Военные исследователи должны были изучить самые благоприятные для дислокации российских войск территории, описать маршруты путешествий и местности, по которым проходили экспедиции.

Начиная со второй половины XIX в. в Монголию было направлено несколько, как их называли, разведывательных экспедиций, основной целью которых был сбор географических, топографических и статистических данных о тех районах страны, которые могли впоследствии стать зонами военных действий между Россией и Китаем, создание географических карт этих районов. А так как угроза военного конфликта на российско-китайской границе действительно существовала, необходимость сбора актуальной информации о Монголии, или стратегическая разведка, была крайне важной и необходимой. По сути, речь шла об оперативной военной разведке, включавшей в себя исследование природных условий и путей сообщения, сбор данных о быте, нравах, обычаях, религиозных верованиях местных жителей. Очень важной частью разведки было изучение политических настроений местного населения и перспектив российско-монгольских отношений, а также отношение монголов к русским и китайцам.

Участниками научно-рекогносцировочных экспедиций Генерального штаба, как называл их Пржевальский [3], были российские старшие и младшие офицеры-исследователи. Цель экспедиций – быстрое и максимально объективное исследование той или иной страны для дальнейшего изучения ее значения с точки зрения общей стратегической линии России. Специфика их исследовательской деятельности заключалась в том, что они не были профессиональными востоковедами, в частности, страноведами-монголоведами. Характер военной службы не давал им возможности постоянно заниматься сбором сведений только об одной стране.

Особенностью исследовательской деятельности офицеров Генерального штаба был секретный характер их экспедиций. Их результаты, представлявшие собой отчеты о пребывании в Монголии и проделанной там работе, были предназначены для весьма узкого круга должностных лиц, т.к. материалы имели военно-аналитический характер. Полученные сведения затем обобщались в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий. Материалы экспедиций долгое время хранились под грифами «Не подлежит оглашению» или «Секретно».

Нельзя не отметить, что в деятельности военных, изучавших Монголию, тесно переплелись политика и наука, главным образом географическая. Многие военные исследователи пытались выйти за рамки поставленных перед ними рекогносцировочных задач и стремились понять, что собой представляет Монголия, расширить знания о ней в историческом и этнографическом аспектах. Работая в этой стране, они все же сумели выйти за границы изучения только географической среды обитания монголов. Подготовка военных исследователей позволяла им систематизировать сведения о Монголии, которые были важны не только для формирования внешней политики России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, но и на монгольском направлении.

Рекогносцировочные поездки организовывало Главное управление Генерального штаба. В 1870-1890-е гг. в Монголии побывали экспедиции под руководством офицеров Генерального штаба: штабс-капитана П.Д. Орлова (1879), поручика Евтюгина (1882), командира драгунского полка А.А. Баторского (1888), подполковника А. Бернова (1889), полковника Д.В. Путяты (1891), подполковника И.И. Стрельбицкого (1894) и др.

Штабс-капитан Орлов провел огромную научную работу, уделив большое внимание изучению горной и водной систем Северо-Западной Монголии и проведя цикл географических, геологических и орографических исследований этого региона [4]. Поручик Евтюгин изучал в Монголии, прежде всего, дороги, которые можно было бы использовать для продвижения российских войск в направлении Китая [5]. Также он провел гидрографические и климатические наблюдения. Особый интерес представляет исследование командира 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка А.А. Баторского «Опыт военно-ста-тистического очерка Монголии» в двух частях, представляющее собой первый в монголоведении XIX в. опыт комплексного исследования Монголии [6, 7]. В работе дан физико-географический очерк Монголии: сведения по гидрографии и орографии, топографии, флоре и фауне, по административно-террито-риальному устройству страны и пр. Также автор подробно описал различные народности, населявшие страну. Физико-географические исследования проводил в Монголии подполковник Бернов [8]. Рекогносцировку провели также экспедиции полковника Путяты [9, 10] и подполковника Стрельбицкого [11].

По своим масштабам и объемам работ, целям и задачам экспедиции Генерального штаба были довольно скромными, если сравнивать их с экспедициями Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло, М. В. Певцова, П. К. Козлова и других известных путешественников, т.к. имели прикладной характер. Следует заметить, что некоторые офицеры в большей степени сосредотачивались на рекогносцировочных наблюдениях, но многие военные все же проводили комплексные исследования.

Несмотря на четко обозначенные в первую очередь стратегические задачи, конкретные разведывательные цели соединялись с научно-исследова-

тельскими. Большинство военных исследователей изучало Монголию комплексно, для них важно было все: топографические данные и климат, внутренняя и внешняя политика государства, его экономическое положение, численность и социальная структура населения, национальные особенности и пр. Результаты экспедиций во многом зависели от их продолжительности. За редким исключением военные экспедиции были краткосрочными, как правило, от нескольких недель до нескольких месяцев; чем длиннее была поездка, тем больше материалов могло быть собрано. Многие маршруты проходили по ранее мало или совсем не изученным районам Монголии. Тем ценнее были полученные результаты.

Заметим, что именно военные начали в XIX в. системное физико-географическое изучение Монголии. Проведенные ими исследования позволили собрать важные данные для обобщения географии Монголии. Участники экспедиций определили и подробно изучили многие горные хребты, нагорья, пустынные районы страны, реки и озера, охарактеризовали климат. Ими были описаны населенные пункты и пути сообщения между ними, многие географические районы Монголии. Фактически результаты исследований российских военных, наряду с материалами экспедиций Н.М. Пржевальского, Г.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцова, П.К. Козлова и других известных путешественников, явились научным фундаментом для создания физической географии Монголии.

В первую очередь военные экспедиции изучали пограничные с Китаем районы Монголии. И хотя отчеты руководителей военных экспедиций заметно отличались от масштабных работ известных востоковедов, материалы каждой поездки становились вкладом в российское монголоведение.

Монгольское направление было одним из основных в комплексе исследований, проводившихся российскими военными специалистами в сопредельных с Россией странах Азии. Они собрали большой фактический материал, который имел не только самостоятельное значение для военного ведомства России, но и послужил источниковедческой базой для изучавших Монголию специалистов. Офицеры рассматривали эту страну, руководствуясь, прежде всего, методикой и задачами военного исследования, занимаясь решением практических задач, и то, что они сумели выйти за рамки исполнения военных поручений, явилось их несомненной заслугой перед российской наукой. Сказанное позволяет выделить проводившиеся офицерами Генерального штаба исследования в Монголии в отдельную отрасль востоковедения – военное монголоведение.

Военное монголоведение было по форме своей практическим, прикладным, страна изучалась «в полевых условиях», на месте. Отличие военных специалистов от представителей классического монголоведения заключалось в том, что они не имели специальной страноведческой подготовки, и в то же время сходство с монголоведами академической школы проявлялось в том, что многие из них стремились изучать страну комплексно. Опыт военного монго-

ловедения в дореволюционной России совершенно уникален, т.к. ни одна другая страна не вела подобных исследований в Монголии.

Российские военные исследователи значительно расширили научные и практические знания о Монголии в области географии, истории, этнографии, тем самым внеся неоценимый вклад в развитие российского дореволюционного монголоведения.

Список источников и литературы

1. Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек: Раритет, 2006.

2. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 593.

3. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима (Четвертое путешествие в Центральной Азии). СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888.

4. Орлов П.Д. Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году штабс-капитаном Корпуса военных топографов Орловым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 7. СПб., 1884.

5. Евтюгин И.А. Краткая записка о путях, ведущих из Забайкальской области в г. Пекин, пройденных летом 1882 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883.

6. Баторский А.А. Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1889.

7. Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1891.

8. Бернов Э.И. Поездка Подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 45. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1891.

9. Путята Д.В. Заметка об операционном направлении в районе Хингана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 50. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1892.

10. Путята Д.В. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 50. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1892.

11. Стрельбицкий И.И. Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 67. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1896.

Цыбенов Базар Догсонович, кандидат исторических наук, доцент
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
bazar75@mail.ru
Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
kuraslv@yandex.ru

ДАУРСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛОДЕЖЬ В СССР И МНР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер госрегистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7.

Аннотация: Революции в России 1917 г., революционные процессы в Сибири, Монгольская революция 1921 г. не могли не оказать влияния на молодое поколение даурского народа. Даурская молодежь выросла в Хулун-Буире в условиях борьбы региона за независимость и в 20-30-е гг. XX в. училась в СССР и МНР. Среди молодых революционеров был Мэрсэ, который под впечатлением величия Байкала написал в его честь стихотворение «Ода Байкалу».

Ключевые слова: дауры, Хулун-Буир, революционеры, молодежь, СССР, МНР, Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Первая треть XX в. ознаменовалась радикальными изменениями в Байкальском регионе. В ходе революций 1917 г. и Гражданской войны наметились новые, социалистические очертания будущего региона. Под влиянием событий в Советской России произошли ожидаемые революционные перемены и в соседней Монголии, провозгласившей независимость в 1921 г. К Монголии традиционно тяготел Хулун-Буир – один из приграничных регионов Маньчжурии, населенный монголами (баргутами), даурами, эвенками. Стоявшая во главе Хулун-Буира даурская элита не могла не испытать влияния революционных событий. Князь Цэндэ, амбань Шэньфу, даурские чиновники Минбу, Линшен, Гуйфу и другие активно включились в борьбу за независимость Хулун-Буира. Таким образом, молодое поколение дауров, воочию видевшее захват Хайлара и Маньчжурии баргинскими повстанцами в 1912 г. и осведомленное о ходе переговоров хулун-буирской администрации с Богдо-гэгэном, было воспитано в духе национального освобождения, объединения всех монгольских народов в единое государство.

Первыми из даурской молодежи, кто встал на путь революции, были Мэрсэ и Фумынтай. Они, как и ряд других молодых дауров, прошли обучение в Цицикаре, Пекине; с 1918 г. поддерживали связи с бурятскими руководителями (Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано), были знакомы с будущим руководите-

лем Монголии Чойбалсаном. Благодаря возвышению Ринчино в революционном руководстве, Мэрсэ и Фумintаю удалось установить контакты с советскими дипломатами, членами монгольского правительства. Мэрсэ в 1923 г. был в Москве, на обратном пути задержался на некоторое время в Верхнеудинске. Во время пребывания в Советской России Мэрсэ устанавливал контакты со многими функционерами, которые в будущем могли быть полезны в революционной работе во Внутренней Монголии [1, с. 30-31]. Кипучая революционная деятельность Мэрсэ требовала много сил, и, очевидно, определенное время отводилось отдыху. Так, во время пребывания на Байкале (хотя, возможно, он мог видеть озеро и проездом из Иркутска в Верхнеудинск. – *авт*.) он сочинил небольшое стихотворение «Ода Байкалу» *(Baiγal dalai-yin maγtaγal)*. Нам больше известны работы Мэрсэ, посвященные социально-политической ситуации в Хулун-Буире и Монголии, поэтому это его сочинение показывает нам даурского революционера с другой стороны. Величие и красота озера Байкал сильно впечатлили Мэрсэ, хотя на его родине имелись крупные озера Хулун и Буир, собственно, давшие название региону Хулун-Буир. В начале стихотворения Мэрсэ отмечает, что во всем мире имеется много озер и морей, среди них некоторые выделяются своими размерами, прозрачной водой, красивыми горами и замечательными пейзажами. Далее он указывает, что на первом месте во всем мире по своей чистоте и ясности будет наш знаменитый Байкал. Мэрсэ восторгается байкальской водой цвета голубого неба, его глубокой и прочной благородной основой. Поразили его и чистота, и прозрачность воды Байкала, просматривающаяся до самого дна, где виден животный мир озера [1, с. 78]. Примечательно, что в стихотворении Мэрсэ называет озеро «наш Байкал». Скорее всего, этот момент указывает на тесное, очевидно, во многом уже дружеское, взаимодействие даурской молодежи с бурятскими лидерами. В целом это стихотворение Мэрсэ, несмотря на краткость, очень точно отражает величие и красоту Байкала, и по праву это произведение можно включить в сокровищницу богатого духовного наследия даурского народа.

После поездок Мэрсэ и Фумintая в СССР и Монголию началась отправка даурской молодежи на обучение. Так, примерно летом 1924 г. были отправлены на учебу в Ургу (Улан-Батор) 4 даура: Башоро (др. имя Бочиро. – *авт*.), Хасбатор, Тыинтай, Алинтай. Осенью 1924 г. были посланы учиться в Ургу восемь человек: Мердин, Соелтай, Хоболо, Баянбатор, Чаганлама, Улгу и др. [2, л. 5об.-6]. Тогда же, в ноябре 1924 г., в Улан-Батор приехали Мэрсэ и Сулфанга для переговоров с ЦК МНРП о необходимости активных действий в Хулун-Буире с весны 1925 г. [3, с. 308].

Большую роль в обучении молодежи Хулун-Буира сыграли контакты с бурятскими функционерами. Так, помимо работы Ц.-Е. Цыдыпова, известно учительство в Хулун-Буире Софьи Сахьяновой, сестры бурятской революционерки Марии Сахьяновой; русской учительницы по имени Лена, бурята Будадари. Они были приглашены в с. Мэхэртэ Цэндэ-гуном примерно в 1918 г. для

обучения его старшей дочери Субад (Сунсянь) и племянницы – Саран (Мэнсянь; сестра Фуминтая) [4, с. 144]. Благодаря знакомству с ними местная молодежь расширила свой кругозор и осознала открывающиеся перед ней новые горизонты революционного мира. Софья Сахьянова вернулась в БМАССР зимой 1924 г. Вскоре за ней нелегально последовали в Верхнеудинск пять ее учениц (Хайруи, Гуруй, Субад, Саран, Ринчин) и трое юношей из других школ. Побег был организован Ц.-Е. Цыдыповым и Адъябаиром. СССР притягивал к себе внимание молодежи Востока. Страна делала ставку на подготовку кадров [5, с. 47-48]. Прибыв в СССР, ученицы С. Сахьяновой обучались в Бурятском педагогическом техникуме в г. Верхнеудинске, затем в 1928 г. – в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве [4, с. 270].

Даурские исследователи А. Энхэбату и Сэбуцзинтай выявили имена 41 студента, из которых 33 человека дауры. Остальные – пять эвенков и три монгола – из числа старых баргутов. Среди имен студентов встречаются как будущие борцы антияпонского подполья Хайлара (Хас-Батор, Эрдэн-Билиг, Сухэ-Батор, Хайруи, Элдэнгэ), так и малоизвестные лица, связь которых с Хулун-Буиром оборвалась по невыясненным причинам. Большинство из них (14 человек) уехали на учебу в Монголию и бесследно исчезли [6, с. 138]. Таким образом, революционная группа отправила на учебу в СССР и МНР более 40 молодых людей. В их числе были как члены молодежной организации Хулун-Буира, так и рядовая молодежь. По другим данным, к зиме 1925-1926 гг. нелегально выехали на учебу от 50 до 60 человек [4, с. 268]. Об их учебе известно, что Мердин (Бодачжап) окончил в Москве КУТВ, Таинтай – партшколу в Верхнеудинске [2, л. 91]. Сестра Фуминтая – Саран – после обучения в Бурятском педагогическом техникуме с 1925 по 1930 г. и с 1931 по 1934 г. преподавала в новом сельскохозяйственном техникуме в МНР. С 1935 г. училась в Омском пединституте [7, л. 5]. Другие девушки, которые выехали из Хулун-Буира вместе с ней, после окончания учебы в СССР также приехали работать в МНР. Хайруи и Субуд работали учителями в школе, Гуруй преподавала медперсоналу Центральной поликлиники, Ринчин работала в детском саду. Один из троих юношей, прибывших в СССР вместе с даурскими девушками, Элдэнтай, сын Цэндэ-гуна, также учился в КУТВ. Заболев туберкулезом, он прибыл в Улан-Батор и учился в 1926-1928 гг. в Центральной партийной школе [4, с. 270-271]. Таким образом, большинство даурских учащихся, включая и тех, кто учился в СССР, после окончания учебы работали в МНР. В 1924-1926 гг. в стране наблюдалась острая нехватка педагогических кадров, которые могли бы работать в созданных в эти годы образовательных учреждениях педагогического, сельскохозяйственного, военного и партийного профиля. Поэтому привлечение к педагогической деятельности молодых дауров – выпускников советских и монгольских учебных заведений, как и молодых специалистов из числа южных монголов и бурят, имело важное значение для подготовки профессиональных кадров в МНР [4, с. 271-272]. Следует заметить, что известный

монголовед Н.Н. Поппе, работавший в Улан-Баторе летом 1927 г., сумел при помощи ученого секретаря Монгольского Ученого Комитета Ц. Жамцарано собрать материалы среди группы находившихся там хайларских дауров. Общаясь с ними, исследователь отмечал прекрасную образованность информантов, знавших не только маньчжурский и старописьменный монгольский языки, но и китайский, эвенкийский (солонский), русский. Среди них были лица, несколько лет жившие в Улан-Баторе, а также прибывшие из Хайлара недавно, т.е. примерно в 1926-1927 гг. [8, с. 3-4]. Позже, в годы репрессий, многие из этих людей были расстреляны. Известно, что в 1938 г. были расстреляны Боширо вместе с братом Дугар-Бато, Гобол Эрхим-Бато [3, с. 348], талантливый художник Б. Соелтой [9, с. 34].

В первой трети XX в. даурская молодежь последовала примеру Мэрсэ и Фумынтая, отправившись на учебу в СССР и МНР. Они учились в Верхнеудинске, Москве, Омске, Урге. Большая часть квалифицированных кадров оставалась работать в Монголии. Они внесли существенный вклад в развитие образования и культуры МНР. Мэрсэ, как показывает его «Ода Байкалу», был не только выдающимся революционером, но и прекрасным поэтом. Она является наглядным подтверждением пребывания Мэрсэ в 1923 г. на территории Бурятии.

Список источников и литературы

1. Zikmundova K. Merse a Mongolská otázka [Merse and the Mongolian Question]. Bakalářská práce. Praha, 2018. 94 p.

2. Центральный архив ФСБ. Д. Р-34587. 166 л.

3. Кузьмин С.Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Товарищество научных знаний КМК, 2021. 407 с.

4. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.

5. Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ, 2002. 67 с.

6. **阿 恩和巴**图, **色布精太. 呼**伦贝尔 **青年党赴** 苏联, **蒙古 学**习情况 // **民国**时期的 **达斡**尔族. **史料** 专辑 / **卓仁 主**编. – **呼**伦贝尔: **内蒙古 文化 出版社**, 2019 [Эньхэбату Э., Сэбуцзинтай. Обучение членов партии молодежи Хулун-Буира в СССР и Монголии // Дауры в период Китайской Республики: сборник исторических материалов. Хулун-Буир, 2019. С. 137-143].

7. Центральный архив ФСБ. Д. Р-39318. 135 л.

8. Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Л., 1930. 178 с.

9. Идшинноров С., Цэрэндорж Г. Үйлс нь мөнх гавьяатан [Его дела остались навечно] // Соел урлаг. Ажил үйлс, асуудал, зорилт. 1990. № 4. С. 34-36.

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор
Академический колледж Ахва (Израиль)
irena@achva.ac.il
Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(г. Санкт-Петербург)
mary_krot@mail.ru

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ЯКОВА ФРИЗЕРА

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

***Аннотация*:** Статья посвящена одному из проектов решения «еврейского вопроса» в России путем создания района компактного проживания евреев на территории Монголии в начале XX в. Проект был предложен сибирским золотопромышленником Я.Д. Фризером с учетом опыта сибирских евреев, не испытывавших на себе проявлений антисемитизма. Анализ документов и источников позволяет сделать вывод, что монгольский проект Фризера, несмотря на его экономическую целесообразность, не мог быть осуществлен без соответствующей поддержки еврейских организаций, отвечавших за переселение евреев.

***Ключевые слова*:** Восточная Сибирь, Монголия, купечество, евреи, Я.Д. Фризер.

Сибирское купечество традиционно имело тесные экономические и культурные связи с Монголией благодаря обширной границе, наличию путей сообщения, активной торговле [1, 2, 3]. Не последнюю роль в торговых связях с Монголией играли сибирские евреи. Авторы исследования «Евреи в Иркутске» указывали, что в «в сношениях Иркутска с Монголией евреи проявляют особенно большую активность и нередко выступают пионерами… Играет ли тут роль способность евреев к колониальной торговле, или тут действуют иные причины, но обороты еврейской торговли в Монголии быстро растут» [4, с. 109]. Они же отметили, что евреи оказались пионерами и проводниками европейской культуры в Монголии: еврейская фирма спустила во внутренних водах Монголии первый пароход, евреями была устроена первая молочная ферма на 200 коров; они же начали обрабатывать землю под посевы [4, с. 110].

В жизни баргузинского купца 1 гильдии, золотопромышленника Якова Давидовича Фризера (1869–1932) Монголия занимала важное место. Еще будучи совсем молодым, летом 1889 г. Фризер встретился с известным сибир-

ским ученым и общественным деятелем Н.М. Ядринцевым на пароходе при переезде в Иркутск по Байкалу. Ядринцев возвращался из своего путешествия в Монголию, где он открыл развалины Каракорума, столицы Чингиз-хана. Яков Фризер вспоминал, что он «не ограничился только ролью немого слушателя, и вскоре у нас завязалась оживленная беседа и знакомство. В г. Иркутске мы обменялись визитками и часто встречались в музее, где он помог мне ориентироваться в этнографических и археологических коллекциях» [5, л. 22-23]. Хотя Фризер заметил, что больше всего его в беседе с Н.М. Ядринцевым интересовала не археология, а геология и золотые запасы Монголии.

После открытия знаменитых в 1898 г. Королонских приисков в Баргузинской тайге Фризер послал несколько партий в разные части Восточной Сибири, в т.ч. экспедицию в Монголию [6, с. 7]. Золотыми запасами Монголии интересовались многие предприниматели, однако здесь монопольные позиции занимало акционерное общество «Монголор» (Акционерное общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии), созданное в 1900 г. для разработки золотых запасов в Монголии, Северном Китае и России. Акции этого общества находились в руках полуправительственных банков: Русско-Китайского и Международного [1, с. 53-61]. В своей «Записке о путях сообщения», подготовленной в декабре 1906 г. для совещания при иркутском генерал-губернаторе, Фризер писал о том, что «Монголор» «усердно» оберегает свои монопольные права в Монголии и других предпринимателей «допускает к поискам и работам в своих обширных пустынных латифундиях лишь на очень тяжелых условиях» [7, с. 22].

После объявления независимости Внешней Монголии в декабре 1911 г. среди сибирского купечества интерес к Монголии усилился. Фризер решил образовать «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество» для производства в Монголии торгово-промышленных операций, а также разведки и разработки залежей полезных ископаемых, в которое вошли, кроме Я.Д. Фризера, А.В. Витте, И.Д. Камов, А.Л. Кринкевич, Я.Г. Патушинский, В.М. Посохин, Б.П. Шостакович [8, с. 125-126]. Стоит заметить, что проект Устава общества был подготовлен в 1912 г., а утвержден после многочисленных согласований только в марте 1915 г. [9, л. 66]. Общество построило в Иркутске в 1915 г. большой кожевенный завод («Сибиро-Монгол»), и во время Первой мировой войны завод, работавший на нужды государственной обороны, считался одним из лучших в Сибири. Он занимал двухэтажное кирпичное здание с водопроводом, канализацией, вентиляцией, имел электростанцию, 2 паровые машины и производил в год 25-30 тысяч кож подошвенных и юфти [1, с. 39-40]. Фризер писал в эмиграции в 1932 г., что, «по слухам, теперь этот завод сильно увеличился, и на нем вырабатывается кож более, чем на других советских заводах в Сибири» [6, с. 7].

Однако Фризер имел и другие виды на Монголию. После русской революции 1905–1907 гг., сопровождаемой еврейскими погромами, у него появилась мечта: «Ознакомившись по литературным источникам и расспросам с Монголией, я полагал там положить начало еврейской колонии. На первое время хотел скомплектовать десятки или более семей из колоний в Южной России, знакомых кроме земледелия также с скотоводством. Кое-какие приготовительные шаги сделал, обменявшись письмами с некоторыми знакомыми на юге России» [5, л. 13-13об.]. Для окончательного решения вопроса Фризер обратился к Давиду Фадеевичу Фейнбергу (1840–1916), представителю Еврейского колонизационного общества, который заведовал приемом и отправкой колонистов в Аргентину, и сам лично бывал в еврейских колониях в Аргентине.

Еврейское колонизационное общество (ЕКО) было основано в 1891 г. в Лондоне бароном Морисом де Гиршем для того, чтобы способствовать эмиграции евреев из стран, где они подвергались политическим и экономическим ограничениям. ЕКО основало несколько десятков еврейских сельскохозяйственных колоний, в основном в Аргентине и Канаде. Отделение ЕКО было открыто в Санкт-Петербурге в 1892 г., возглавил его известный банкир и общественный деятель барон Гораций Гинцбург. Д.Ф. Фейнберг был генеральным секретарем и связующим звеном между центральным комитетом ЕКО в Петербурге и Парижским советом (бароном Гиршем). По словам Г.Б. Слиозберга, Фейнберг был «единственным источником для справок и сведений, касающихся России и тех лиц, которые имели руководящую роль в русском еврействе. … Фактически набор колонистов (для аргентинской колонии) производился исключительно Фейнбергом, который разъезжал по югу России для этой цели» [10, с. 107].

Обществу разрешалось учреждать в России комитеты, целью которых было способствовать переселению русских евреев в другие страны. Всего за 1899–1912 гг. из России выехало 967 857 человек, в основном в США, Канаду, Палестину, Аргентину, Южную Африку [11, л. 1]. В среднем эмиграция из России евреев составляла в тот период до 100 тысяч человек в год [11, л. 16]. Пиком выезда были годы русской революции 1905–1907 гг. В письме С. Шриро из Швейцарии в июле 1906 г. объяснялись мотивы отъезда: «Спокойствие и порядок еще не скоро установятся в России… Погромы не прекратятся… Нам придется много и долго работать, пока мы культурно устроимся на новой земле, быть может, лишь наши дети смогут вполне насладиться плодами нашей работы… Работая в поте лица своего, будем иметь то утешение, то сознание, что мы создаем для грядущих поколений право-охраненное убежище, где просторно и свободно будет развиваться еврейский гений» [12, л. 4-5].

Выбор Фризером Монголии для переселения евреев, по-видимому, не был случайным. Судя по воспоминаниям, до 1917 г. «русским в Монголии жилось исключительно хорошо. Тихое мирное житье, полное материального благопо-

лучия при минимуме труда. В стране не было ни грабителей, ни убийств» [13, с. 176]. Фризер предполагал затратить несколько десятков тысяч рублей на создание колонии евреев в Монголии, где не было никаких политических и религиозных ограничений и стеснений. Он считал, что через несколько лет колонисты экономически окрепнут и будут в состоянии обходиться без субсидий, что колония будет служить «базой для развития скотоводства и коневодства на капиталистических началах», а также станет центром, «откуда будут производить поиски золота и других горных богатств в Монголии» [5, л. 14об.]. Однако Д.Ф. Фейнберг, расспросив подробно Фризера о целях устройства предполагаемых колоний в Монголии, условиях жизни там, заработка и т.п., как «опытный человек» раскритиковал его план. По словам Фризера, он указал, что «быть может, и интересный опыт с еврейской колонизацией в Монголии неприемлем; он почему-то считал, что десятку еврейских семей необходимо иметь школу, синагогу и т.п.» [5, л. 15]. Дело в том, что в вопросах переселения и колонизации евреев восторжествовала точка зрения, что необходимо заботиться не только о материальном устройстве колонистов, но в первую очередь о сохранении культурно-национальных ценностей, «чтобы на чужбине не испарялась еврейская национальная сущность» [14, с. 19].

Фризер оставил эту идею, хотя позже жалел, что не сделал попытку осуществить свой проект. Его только утешало то, что потенциальные колонисты избежали участи евреев в Урге и других местах, погибших от рук Азиатской дивизии барона Р.Ф. Унгерна в начале февраля 1921 г. [15]. По воспоминаниям, перед наступлением на Ургу Р.Ф. Унгерн отдал приказ: «При занятии Урги всех коммунистов и евреев уничтожать на месте, имущество их забирать. Одну треть забранного сдавать в штаб, а две трети оставлять в свою пользу», так что унгерновцы учинили избиение евреев всех полов и возрастов [13, с. 222].

Амбициозный проект Я.Д. Фризера о переселении евреев в Монголию остался неосуществленным, но сам факт его появления можно считать показательным. Во время Первой мировой войны, когда сотни тысяч евреев западных частей Российской империи оказались в положении беженцев, Фризер как представитель Сибири принял участие в съезде Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) в августе 1915 г. в Петрограде, чтобы поддержать проект переселения беженцев в Сибирь (так называемый план Бруцкуса) [16, с. 157]. Однако и этот план выглядел утопичным. Судя по материалам съезда ЕКОПО, большинство его членов считали, что опыт эмиграции в Палестину, Аргентину, Гальвестон (порт в штате Техас, США) показал, что рекомендовать эмигранту определенное место нецелесообразно, необходимо было «предоставить эмигрирующему свободу выбора будущего места жительства» [14, с. 18-20], а еврейская эмиграция традиционно тяготела к индустриально развитым и культурным центрам (Нью-Йорк, Лондон, Ливерпуль и пр.). Так что мон-

гольский проект Фризера вряд ли имел бы успех и смог бы осуществиться в полной мере.

Список источников и литературы

1. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994. 400 с.

2. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. 305 с.

3. Единархова Н.Е. Русские в Монголии. Основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). Иркутск, 2003. 252 с.

4. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 393 с.

5. Личный архив Тамар Александер-Фризер и Дана Фризер (ЛА). Воспоминания Я.Д. Фризера. Тетрадь 3.

6. Фризер Я.Д. Где и как искать и добывать золото. Золотопромышленные перспективы Маньчжурии. Харбин, 1932. 80 с.

7. Фризер Я.Д. Железнодорожные варианты от Сибирской магистрали в Ленский бассейн. Иркутск, 1911. 40 с.

8. Старцев А.В. Документы по истории российско-монгольских отношений 1912–1923 гг. // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2. Иркутск – Улан-Батор, 2014. 218 с.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 12. Д. 1871.

10. Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Том 2. Париж, 1933. 331 с.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 458. Оп. 1. Д. 23.

12. РГИА. Ф. 458. Оп. 2. Д. 6.

13. Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М., 2004. 336 с.

14. Еврейская неделя. 1915. № 17.

15. Bisher J. White Terror. Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London and New York: Routledge, 2005. 452 p.

16. Завадикер П. Сибирь как «новый еврейский центр»: план переселения беженцев в годы Первой мировой войны// Judaic-Slavic Journal. 2021. № 1 (5). С. 148-172.

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
kuzminuv@yandex.ru

МОНГОЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ИРКУТСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА А.В. ИГУМНОВА

Финансирование. Грант РФФИ 20-59-44008 (Монг_а): Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии.

Аннотация: Представлена современная информация о монголо-русском словаре иркутского переводчика А.В. Игумнова. Предложена новая версия о начальном этапе становления российского монголоведения и роли А.В. Игумнова, его научном вкладе в создании первых грамматик и словаря монгольского языка. Словарь А.В. Игумнова определяется как первый многотомный словарь в российском монголоведении.

Ключевые слова: переводчик А.В. Игумнов, монголо-русский словарь, российское монголоведение, Я.И. Шмидт, творческая биография.

В последние тридцать лет российское монголоведение значительное внимание уделяет истории развития российского монголоведения, в т.ч. его начальному этапу научного становления. В историографических исследованиях Н.П. Шастиной, Ш.Б. Чимитдоржиева, Д.Б. Улымжиева, М.И. Гольмана, А.Г. Сазыкина, В.В. Грайворонского, Б.В. Базарова, Н.Н. Крадина, В.Д. Дугарова, И.В. Кульганек, О.Н. Полянской, Т.И. Юсуповой, Ц.П. Ванчиковой, М.К. Басханова, Л.В. Кураса, Е.И. Лиштованного, Е.В. Бойковой и др. восстановлены многие страницы традиционного российского монголоведения. Современная наука возвращается к тематике русского востоковедения и монголоведения, восстановлены творческие биографии забытых и репрессированных российских монголоведов первой трети XX в. Однако по-прежнему остаются еще белые пятна в ее истории, особенно начального периода развития.

Вопрос о создании первых грамматик монгольского языка, первых монголо-русских и русско-монгольских словарей остается еще открытым при общей известности данных исторических событий и конкретных фактов науки. Творческая биография иркутского переводчика Александра Васильевича Игумнова (1761–1834 гг.) в целом изучается в российском монголоведении [1; 2; 3], но, тем не менее, целый ряд периодов его научно-исследовательской деятельности в сфере монголоведения, особенно судьба монголо-русского словаря в 4 томах и грамматик монгольского языка нуждаются в уточнении и дальнейшем изучении. Судьба его некоторых и других рукописных работ до сих пор не ясна. Специального изучения заслуживает и вопрос о статусе первого российского монголоведа. Кто занимает эту позицию: немецкий ученый Я.И. Шмидт или русский переводчик А.В. Игумнов? Чьи словарь и грамматики были первыми

в русском монголоведении? В большинстве публикаций в российском монголоведении называется имя Я.И. Шмидта и только в редких случаях А.В. Игумнова.

А.В. Игумнов родился в Забайкалье, в Кударинской крепости на границе с Цинской империей. Его дед и отец служили переводчиками монгольского и маньчжурского, китайского языков, поэтому он с детства овладел этими языками, живя среди монголов и бурят. Отец Василий Константинович в 1749–1774 гг. служил пограничным комиссаром, трижды сопровождал православные миссии в Пекин. Дед и отец Игумновы составляли словари восточных языков и накопили значительный словарный материал по монгольскому языку. В 1771–1777 гг. А.В. Игумнов учился в специальной школе монгольского языка и служил толмачом в Кяхтинской пограничной канцелярии [2]. В 1781–1782 гг. он в качестве переводчика сопровождает в Пекин Русскую духовную миссию, изучает восточные языки, собирает этнографический материал, наблюдает жизнь народов Монголии и Китая. С 1787 г. А.В. Игумнов стал составлять словарь монгольского языка, значительно раньше немецких ученых. Затем А.В. Игумнов служит переводчиком и чиновником в различных городах Сибири: Верхнеудинске, Кяхте, Нерчинске, Иркутске, Чите.

Постоянно занимался переводческой и преподавательской деятельностью. Переводил на русский язык фольклор монгольских народов, опубликовал монгольские поговорки и пословицы, переводил законы степных народов. Издал первое в России историко-этнографическое описание страны – «Обозрение Монголии», ставшее настольным пособием для дипломатических работников Российской империи. А.В. Игумнов сформировал 4-томный словарь монгольского языка по корням слов, затем стал создавать его по алфавиту [3]. В Кяхтинском музее сохранилось 3 тома монгольского языка, 4-й том сгорел во время пожара, а третий том частично поврежден пожаром [4]. Данный словарь был передан А.В. Игумновым в училище китайского языка в Кяхте в 1832 г., а бумага, на которой он изготовлен, 1819 г. Это свидетельствует о приоритете русского переводчика в подготовке первого словаря монгольского языка.

В современной российской историографии пальма первенства отдается в основном первому академику России в области монгольского языка и тибетского языка Я.И. Шмидту. Совсем немногие исследователи (Н.П. Шастина, Ш.Б. Чимитдоржиев, Ю.В. Кузьмин) придерживаются другого мнения на этот счет и называют первым российским монголистом иркутского переводчика А.В. Игумнова. Попробуем обосновать свою позицию по этому вопросу.

В российской историографии сложилось устойчивое положение, что первым российским монголоведом является Я.И. Шмидт (1779–1847 гг.) [5].

Считается, что первый российский монголист является составителем первой грамматики и первого словаря монгольского языка. В коллективной монографии по истории российского востоковедения, в частности, отмечается, что «важным событием в истории монголоведения стали публикации первой в России грамматики монгольского языка (в 1831 г. на немецком языке, а в 1832 г. на русском) и монгольско-немецко-русского словаря (1835 г.) Шмидта» [5, с. 275].

Исаак Якоб (Яков Иванович) Шмидт родился в Амстердаме в семье немецкого торговца, в 19 лет был вынужден поступить в торговую контору и приехать в Россию. В Петербурге он выучил русский язык и по поручению фирмы был направлен в калмыцкие степи, где провел три года и выучил калмыцкий язык, традиции и обычаи кочевого народа, стал интересоваться историей и культурой калмыков. В 1812 г. по поручению Библейского общества приступает к переводу на монгольский язык четырех книг Евангелия, и постепенно он стал его основным занятием.

Перевод сложных христианских текстов на монгольский язык натолкнулся на значительные языковые препятствия. Для помощи он привлек переводчиков-бурят из Забайкалья. Как сегодня известно, Я.И. Шмидт привлек в Петербург для этой работы бурятских переводчиков – учеников А.В. Игумнова. Эти переводчики имели рукописные словари, подготовленные на основе монголо-русского словаря А.В. Игумнова. Необходимо отметить, что Я.И. Шмидт был хорошо информирован о состоянии изучения монгольского языка в Сибири не только через администрацию Восточной Сибири, но также родственников жены и участников Британской духовной миссии, работавшей в Забайкалье, которая высылала ему собственные качественные наработки монголо-английских словарей и грамматик.

Можно предположить, что ученики А.В. Игумнова, привлеченные Я.И. Шмидтом в Петербург для перевода священных книг, использовали части рукописного монголо-русского словаря своего учителя. Факт обращения Я.И. Шмидта к иркутским переводчикам для сбора русско-монгольских словарей, а затем привлечения их к работе свидетельствует о выявлении немецким академиком всех рукописных материалов по монгольскому языку в Сибири, привлечение носителей и практических знатоков монгольского языка для составления научного словаря и грамматики монгольского языка. Иркутский переводчик Василий Новоселов еще в 1817 г. составил Я.И. Шмидту записку «о маньчжуро-монгольских лексиконах» и возможности их приобретения [6, с. 8-9].

В обстоятельной книге сибирского священника В.Н. Флоренсова «Из истории переводческого дела в Иркутской епархии» (1908 г.) дана оценка уровня познаний монгольского языка и качестве переводов священных текстов А.В. Игумновым и Я.И. Шмидтом. В.Н. Флоренсов – знаток монгольского и бурятского языков, известный сибирский монголист, плотно переписывался с известными монголоведами Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем, Ц. Жамцарано. Известна низкая оценка А.В. Игумнова качества переводов Я.И. Шмидта на монгольский язык: «Рассматривающими в Иркутске перевод этот признан до того неудовлетворительным, что опытнейший из цензоров переводчик статский советник Александр Игумнов выразился о переводе таким образом: “В самоважнейших местах и словах против подлинного Нового Завета сделаны в переводах сих перемены, излишности, упущения и даже самые вопиющие нелепости, каковых не токмо слух благочестивого Христианина, но даже слух грамотного идолопоклонника без возчувствования особенного негодования

переносить не могут”» [7, с. 19]. Также довольно болезненно реагировал А.В. Игумнов, когда академик Я.И. Шмидт пригласил двух бурятских переводчиков, его учеников, в Петербург для перевода священных текстов, а также подготовил подробный критический анализ перевода Я.И. Шмидта. В архиве ГАИО сохранилась рукопись А.В. Игумнова с подробным анализом данного перевода, которую стоит опубликовать.

Профессор В.Л. Успенский об источниках «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского называет несколько рукописных и опубликованных словарей, в т.ч. рукописный неоконченный словарь А.В. Игумнова. «О.М. Ковалевский имел возможность ознакомиться с неопубликованными словарями во время пребывания в Восточной Сибири в 1828–1833 гг. По-видимому, все эти словари были утрачены, поскольку отсутствуют во всех имеющихся архивах» [8, с. 1335]. Ранее, в Каталоге монгольских рукописей, изданном в Японии в 1999 г., В.Л. Успенский предположил, что «хранящийся под шифром F72 в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ трехтомный рукописный монгольско-русский словарь не является словарем А.В. Игумнова, хотя подобное предположение высказывалось. Судя по имеющимся на словаре автографам, он принадлежит В. Татаурову, который приехал в Петербург в 1817 г. для участия в работе по переводу Нового завета на монгольский язык» [8, с. 1335]. Знаменитый словарь О.М. Ковалевского также базировался на основе Словаря и грамматик А.В. Игумнова, что подтверждал и его составитель.

Таким образом, имеются довольно веские исторические основания для уточнения начального этапа становления российского монголоведения и определения достойного места иркутского переводчика А.В. Игумнова в истории русской науки о Востоке.

Список источников и литературы

1. Пучковский Л.С. Александр Васильевич Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник III. М., 1960. С. 166-195.

2. Чимитдоржиев Ш.Б. Монголовед А.В. Игумнов // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 155-160.

3. Кузьмин Ю.В. А.В. Игумнов – первый иркутский монголовед // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: мат-лы междунар. науч. конф-ции (Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г.). Барнаул, 2013. С. 156-163.

4. Хохлов А.Н. А.В. Игумнов – составитель первого в России большого монгольско-русского словаря // VI Международный конгресс монголоведов. Докл. рос. дел. Ч. 1. М., 1992. С. 222-225.

5. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, 1990. 435 с.

6. Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб., 1994. 144 с.

7. Флоренсов Н.В. Из истории переводческого дела в Иркутской епархии. Иркутск: Тип. А. Сизых, 1908. 51 с.

8. Успенский В.Л. Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского // Ученые записки Казанского университета. 2018. Т. 160. Кн. 6. С. 1334-1340.

Гурулева Татьяна Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент
Институт Дальнего Востока РАН (г. Москва)
gurulevatatiana@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ВЫСШЕГО ЯЗЫКОВОГО ВОСТОКОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЕВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Аннотация: В статье представлена авторская концепция высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования). Кратко охарактеризованы компоненты концепции: теоретико-методологическая основа, цель, принципы, парадигма и образовательное пространство высшего языкового востоковедческого образования.

Ключевые слова: высшее языковое востоковедческое образование, поликультурная языковая личность, человек духовности нового евразийства, евразийское поликультурное образовательное пространство, принципы и парадигма высшего языкового востоковедческого образования.

Разработка концепции высшего языкового востоковедческого образования обусловлена расширением сотрудничества нашей страны в восточном направлении [1], а также рядом педагогических проблем, существующих в области формирования личности в системе востоковедческого образования. Указанная концепция была разработана нами в рамках диссертационного исследования [2].

С.В. Бобрышов определяет педагогическую концепцию как «теоретико-методологическую и эмпирическую систему взглядов, суждений и идей, которая обусловливает целостное понимание и интерпретацию педагогических явлений и процессов; раскрывает их сущность, структурно-содержательные особенности, механизмы и общие правила их целенаправленного осуществления, организации и преобразования; операционализирует предполагаемые в них изменения через раскрытие сути технологического пути преобразований. Концепция является базисом педагогической теории, её содержательным ядром, выполняет функцию своеобразного предтеоретического оформления и описания научного знания» [3]. В технологическом плане педагогическая концепция отражает взаимосвязь ряда компонентов, обеспечивающих ее функционирова-

ние [4]. Применительно к целям конкретного исследования компоненты педагогической концепции получают определенное наполнение.

Исходя из определений педагогической концепции, можно констатировать, что концепция высшего языкового востоковедческого образования содержит следующие компоненты:

– теоретико-методологическую основу высшего языкового востоковедческого образования;

– цель высшего языкового востоковедческого образования;

– принципы высшего языкового востоковедческого образования;

– парадигму высшего языкового востоковедческого образования;

– образовательное пространство высшего языкового востоковедческого образования.

Основой разработки концепции высшего языкового востоковедческого образования стал диалоговый подход. В исследовании мы опирались на концепцию диалога цивилизаций, активно разрабатываемую академиком М.Л. Титаренко и его коллегами. Диалог цивилизаций рассматривается как активная, мирная, конструктивная форма взаимодействия локальных цивилизаций. Ему противостоят такие деструктивные и негативные формы взаимодействия, как идейное противостояние, политическая конфронтация и крайняя форма – военное столкновение цивилизаций. Диалог есть безальтернативная форма развития сотрудничества цивилизаций. Высшей формой диалога выступает партнерство цивилизаций в решении общих глобальных проблем [5, с. 7].

М.Л. Титаренко, опираясь на идеи евразийства Л.Н. Гумилева и учение В.И. Вернадского о единстве биосферы и ноосферы, нарастании разнородности в способах существования народов, этносов и свободно мыслящих индивидуумов, сформулировал теорию современного российского евразийства, выступающего «культурно-цивилизационным феноменом, отражающим новое качество и новую ступень развития цивилизации на основе естественно-научных законов развития этногенеза и взаимодействия биосферы и ноосферы – сферы разума в определенных социально-экономических, межцивилизационных и международных отношениях» [6, с. 9]. Он заключил: «Отличительные черты современного российского евразийства, отражающего геополитическое и геокультурное положение России на стыке крупнейших мировых региональных цивилизаций (российско-русской, славянской, европейско-американской, китайской, индийской, японской, тюркско-мусульманской, арабо-персидской, угро-финской, грузинской, армянской и т.д.), включают такие основополагающие принципы, как симфонизм, преемственность, соборность, мирное сосуществование различных культур, их взаимовлияние и взаимообогащение [6, с. 11].

Современная теория нового российского евразийства – результат взаимодействия целого ряда наук, она выступает как междисциплинарная теория, принята в научном сообществе, применяется в различных отраслях научного знания. Правомерность использования этих идей в педагогических исследованиях определяется, прежде всего, тем, что в современных условиях новое рос-

сийское евразийство разрабатывается учеными как методология межцивилизационного общения, что непосредственно связано с поликультурным языковым образованием, основная цель которого – формирование поликультурной языковой личности, способной осуществлять такое общение.

Теория нового евразийства определяет главную цель языкового востоковедческого образования – формирование личности новоевразийского типа. Личность новоевразийского типа – разновидность поликультурной языковой личности, формируемая в системе высшего языкового востоковедческого образования. Поликультурная языковая личность – это личность, обладающая новоевразийским мировоззрением, владеющая, наряду с родным языком и культурой, иностранными языками и культурами (западными, восточными), способная к самостоятельной жизни и профессиональной деятельности в поликультурном интеграционном пространстве в условиях как российского, так и иноязычного социума и культуры в процессе эффективного межкультурного взаимодействия с представителями различных культур на основе идеологии нового евразийства, органически сочетающей ценности российской, европейской и восточной цивилизаций.

Личность новоевразийского типа – гражданин России, человек духовности нового евразийства (М.Л. Титаренко), который обладает евразийским мировоззрением, содержащим систему взглядов, основные жизненные позиции убеждения, идеалы, принципы, ценностные ориентации нового евразийства в отношении межкультурного взаимодействия.

Методология нового евразийства обусловливает специфические принципы высшего языкового востоковедческого образования. В дополнение к систематизированным И.С. Лунюшкиной принципам поликультурного образования [7, с. 11] – глобальности культурно-образовательного процесса, поликультурной толерантности и интеробразовательной перспективы, поликультурной идентификации и самоактуализации личности, сохранения и увеличения многообразия культурных ценностей, становления культурной идентичности – теория нового российского евразийства обусловливает следующие принципы:

– принцип межцивилизационного диалога;

– принцип симфонии культур, направленный на взаимовлияние и взаимообогащение культур, их единство, мирное сосуществование, погашение возможности межкультурных конфликтов;

– принцип преемственности культур, обусловливающий передачу и усвоение социальных и культурных ценностей представителями разных культур;

– принцип соборности как общий принцип устроения бытия, характеризующий множество, собранное силой любви в «свободное и органическое единство» (единство во множестве);

– принцип признания равноценности больших и малых народов и культур;

– принцип уважения выбора друг друга;

– принцип признания многообразия форм сосуществования человеческих сообществ, многообразия в единстве, конвергенции и дивергенции локальных цивилизаций;

– принцип признания многообразия систем культурных ценностей условием выживания и развития общечеловеческой цивилизации;

– принцип взаимной учебы, соразвития и сопроцветания;

– принцип евразийской самоидентификации личности, глубокого понимания национальных особенностей своей культуры, нового открытия собственных традиций;

– принцип воспитания национального достоинства, национальной идентичности и самобытности, патриотизма.

Исходя из идей нового российского евразийства, а также из содержания понятия «педагогическая парадигма» как концептуального представления о целевых педагогических установках, о характере взаимодействия в учебном процессе, о логике и характере организации образовательного процесса, о направленности образования и др. (Н.В. Бордовская, Г.Б. Корнетов, И.А. Колесникова, И.К. Дракина, А.В. Самойлов и др.), определяем основные характеристики парадигмы высшего языкового востоковедческого образования – новоевразийской поликультурной образовательной парадигмы:

– создание условий осознания личностью своей культурно-исторической евразийской идентичности;

– становление и развитие евразийского мировоззрения личности;

– формирование у личности культурных ценностей нового российского евразийства;

– удовлетворение образовательных и познавательных потребностей личности в усвоении культурного опыта и достижений и стран ЕС, и стран СВА, АТР, и мировых достижений;

– создание условий, механизмов и технологий интеграции личности и в европейское образовательное пространство, и в образовательное пространство СВА и АТР, и мировое образовательное пространство, как в западную, так и восточную и мировую культуры посредством образования для самостоятельного поиска сфер самореализации и самовыражения, на благо развития и процветания России не только в контексте ЕС, но и во взаимодействии с СВА в рамках АТР и с мировым сообществом;

– перспективное развитие личности путем ее интеграции в мировую культуру через изучение западной и восточной культур.

На основе взглядов О.В. Гукаленко, Ю.Е. Шабалина и других об определении поликультурного образовательного пространства, под евразийским поликультурным образовательным пространством мы понимаем единое целостное поликультурное образовательное пространство России в системе внутренних (этнических) и внешних (мировых) образовательных отношений (как с европейским образовательным пространством, так и с образовательным пространством АТР), которое отражает специфические характеристики этниче-

ского многообразия России, евразийскую природу ее культуры, служит образовательной средой, способствующей осознанию обучаемым евразийской природы его культурно-исторической идентичности и позволяющей успешно интегрировать его как в европейское образовательное пространство, так и образовательное пространство АТР и иные образовательные пространства, в инокультурную среду посредством образования [8, 9, 10].

Таким образом, теоретико-методологической основой поликультурного высшего языкового востоковедческого образования выступает теория нового российского евразийства. Главной целью высшего языкового востоковедческого образования является формирование личности новоевразийского типа. Личность новоевразийского типа – разновидность поликультурной языковой личности, формируемая в системе высшего языкового востоковедческого образования, обладающая межкультурной коммуникативной компетенцией, включающей субкомпетенции этнической (китайской) языковой личности [11]. Методология нового евразийства обусловливает специфические принципы и парадигму высшего языкового востоковедческого образования, в качестве которой выступает новоевразийская поликультурная образовательная парадигма. Мировоззренческое планетарное поле, создаваемое новоевразийской теорией и новоевразийской поликультурной образовательной парадигмой, образует область образовательного пространства системы высшего языкового востоковедческого образования и формирования личности новоевразийского типа – евразийского поликультурного образовательного пространства [12, 13, 14].

Список источников и литературы

1. Гурулева Т.Л., Макаров А.В. Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР). М.: Юрист, 2011. 335 с.

2. Гурулева Т.Л. Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): дис. ... д-ра пед. наук. Улан-Удэ, 2011. 451 с.

3. Бобрышов С.В. Методология историко-педагогического исследования развития педагогического знания: автореф. дис. … д-ра пед. наук. URL: http://studentbank.ru/view.php?id=3162БО (дата обращения: 22.05.2016).

4. Солодухина Т.К. Этнокультурное образование русских школьников в Бурятии: опыт разработки и реализации концепции. Улан-Удэ: БГУ, 2005. 249 с.

5. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.

6. Титаренко М.Л. Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 6-22.

7. Лунюшкина И.С. Формирование поликультурной компетентности будущих педагогов в процессе обучения иностранному языку: автореф. дис ... канд. пед. наук. Томск, 2009. 25 с.

8. Гурулева Т.Л. Единое образовательное пространство в АТР // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 134-140.

9. Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего Востока России и северо-восточных провинций Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 6 (57). С. 85-92.

10. Гурулева Т.Л. Система образования КНР и российско-китайское образовательное сотрудничество: монография. М.: ИД ВКН, 2018. 464 с.

11. Гурулева Т.Л. Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ: монография. М.: ИД ВКН, 2019. 160 с.

12. Гурулева Т.Л. Технологии социокультурной интеграции иностранных студентов: опыт российско-китайского образовательного сотрудничества // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 148-153.

13. Гурулева Т.Л. Педагогические технологии интеграции иностранных студентов в образовательное пространство вуза (на примере студентов из КНР) // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 144-153.

14. Гурулева Т.Л. Методы адаптации российских и китайских студентов к образовательному пространству КНР // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: мат-лы первой Всерос. научной конф-ции, посв. памяти А.В. Старцева / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. С. 87-93.

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН (г. Москва)
elenanazz@mail.ru

РУССКИЕ ТОРГОВЫЕ ФАКТОРИИ В СИНЬЦЗЯНЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: Установление и последующее развитие отношений Российской империи с Китаем способствовало росту торговли между двумя странами. Особенно динамично это происходило на Северо-Западе Китая – в Синьцзяне (Восточном Туркестане) во второй половине XIX – начале XX в. В городах провинции возникали русские торговые фактории, купцы из Российской империи активно конкурировали с местными торговцами. Это закономерно вызывало недовольство последних, а также китайской администрации. Открытие рус-

ских торговых факторий и последующее урегулирование их политико-правового статуса стали одной из важнейших задач российских консулов в провинции.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян, Российская империя, русская торговля, правовой статус.

Заключение во второй половине XIX в. между Россией и Китаем серии двусторонних договоров и соглашений определяли не только границы между двумя империями, правовой статус подданных, проживающих на их территориях, но и развитие торговли, в особенности с Западным Китаем. Это имело большое значение, т.к. как к середине XIX в. вопросы торговли с этим регионом занимали важное место в русско-китайских отношениях [1, с. 102].

Так, уже Трактат о торговле, заключенный между Россией и Китаем 25 июля 1851 г. в Кульдже и Чугучаке, не только позволял учреждать консульства Российской империи в этих городах, но и разрешал русским купцам торговать в Синьцзяне [2, с. 60].

В это же время Россия добивалась разрешения на торговлю в Кашгаре и устройство там торговой фактории, однако указом богдыхана Сяньфэна от 13 января 1851 г. этот город пока был закрыт для русских купцов. Тем не менее торговля с Кашгаром велась довольно активно. Она была сосредоточена в руках татарских купцов, которые направлялись в Кашгар через так называемую Оренбургскую линию. Другой путь в Кашгарию шел через Бухарское ханство [3, с. 141].

В 1852 г. в Кульдже и Чугучаке начались переговоры об отводе мест под строительство зданий консульств, русских торговых факторий, выгонов для скота, участков для кладбищ и т.п. Несмотря на разрешение, предоставленное Трактатом 1851 г., переговоры проходили не без трудностей. Но уже в начале августа 1852 г. при собрании всех русских служителей и торговцев на месте будущего здания консульства в Кульдже был водружен российский флаг [4, с. 24]. Параллельно начала застраиваться и русская торговая фактория.

В Чугучаке место под консульство было отведено на берегу реки Карасу, довольно далеко от торгового двора и базарной площади [4, с. 25]. Там же располагалась и русская фактория, на территории которой постепенно расселились русские купцы и возникли различные постройки [5, с. 64, 67]. В 1855 г. фактория в Чугучаке была сожжена во время дунганского восстания, но затем восстановлена. Со временем, как утверждал путешествующий по провинции И.Ф. Бабков, она стала настоящим украшением города [6, с. 88].

Последующие русско-китайские договоры подтверждали уже полученные права, уточняли детали, а также предоставляли новые преференции русским торговцам в Синьцзяне. Например, Пекинский дополнительный договор от 2 ноября 1860 г. разрешал свободную и беспошлинную меновую торговлю «на протяжении всей граничной линии» на западе Китая – в Синьцзяне – между подданными обоих государств [2, с. 72]. Кроме того, согласно статье 6 этого

договора, открывалась торговля в Кашгаре «на тех же самых основаниях, как в Или и Тарбагатае». Китайское правительство отводило землю для постройки русской фактории, со всеми нужными при ней зданиями для жилищ и складов, церкви и т.п., а также места для кладбища и пастбища [2, с. 73].

По русско-китайскому Ливадийскому договору от 20 сентября 1879 г. России предоставлялось право назначать консулов в Сучжеу, Кобдо, Улясутай, Хами, Турфан, Урумчи и Гучен. На эти города распространялись статьи 5 и 6 Пекинского договора 1860 г. относительно отвода участков для консульств, а также пастбищ [2, с. 449]. Русским подданным в этих городах разрешалось строить дома, лавки, амбары и т.д. Они также получали право беспошлинной торговли в Илийском, Тарбагатайском, Кашгарском, Урумчинском и других округах [2, с. 450].

Часть статей прежних соглашений подтверждалась в статьях Санкт-Петербургского договора от 12 февраля 1881 г. Права русских подданных, торгующих в Китае, существенно расширялись в Договоре 1883 г.: согласно статье 6 данного Договора предполагалось расширение территории русской торговой фактории в Чугучаке, «если через 10 лет число живущих в Чугучаке русских подданных умножится», до этого эти земли застраивать запрещалось [2, с. 145]. Факт возможного отведения дополнительных земель для русской торговой фактории имел большое значение в расширении прав русских факторий в провинции.

8 ноября 1896 г. было заключено специальное «Соглашение об отводе земельных участков для постройки русского консульства и фактории в Урумчи», которое официально открывало здесь русскую торговую факторию [2, с. 217]. Первоначально место под неё было отведено в южном предместье города. Однако позже она была перенесена из грязных предместий города в другое место. Российский консул в Урумчи В. Успенский, характеризуя русскую торговую факторию в столице Синьцзяна, в своем сообщении директору Первого департамента МИДа А.К. Базили от 7 ноября 1898 г. отмечал следующее: «Фактория представляет уже целую длинную улицу, одна сторона которой занята консульскими и конвойными зданиями в количестве десяти отдельных флигелей и хозяйственных помещений, а другая – сплошь застроена лавками, складами, сараями для сырья и жилыми и хозяйственными помещениями торговцев. Все здания, за исключением некоторых специальных сартовских приспособлений для женских половин, построены на европейский манер, и фактория как по внешнему, так и по внутреннему фасону представляет отрадный вид европейской улицы какого-либо богатого торгового местечка или даже городка». При этом он сетовал на то, что ему пришлось приложить много усилий и материальных затрат именно для того, чтобы нанятые им местные строители при строительстве зданий фактории соблюдали «европейский фасон». Причем это делалось не столько из эстетических соображений, сколько из гигиенических: помещения должны были быть светлыми и хорошо проветриваемыми [7, л. 41].

В дальнейшем русская торговая фактория в Урумчи стала одной из лучших русских торговых факторий в Синьцзяне. Как отмечал в 1914 г. российский консул А.А. Дьяков, «русская фактория здесь по своему внешнему виду и благоустройству занимала самое лучшее место в ряду других городов в Синьцзяне, где имеются русские консульства» [8, л. 46].

Когда в 1898 г. все здания фактории были построены, сотрудники консульства и конвой «с особенным удовольствием и радостью отнеслись к своему переходу в новые помещения», т.к. удалось «покинуть тесные, темные и нездоровые помещения, опротивевшие всем до отвращения». В то же время торговцы, за единичными исключениями, отнеслись к переселению апатично, скорее даже враждебно. Некоторые купцы апеллировали к тому, что из-за удаления от центра города возникнут затруднения для покупателей [7, л. 42].

Однако истинной причиной враждебного отношения к переселению на территорию русской торговой фактории, по мнению российского консула, было нежелание многих группироваться в чисто русскую общину, т.к. это влекло за собой обязательные правила подчинения требованиям законов Российской империи. Между тем здешние торговцы – русские подданные – десятки лет тому назад заброшенные в Китай, отвыкли от России и ее порядков, но в то же время не привыкли и к китайским требованиям, а со временем составили отдельные кружки с собственными представлениями о правах и обязанностях. Они довольно спокойно относились к местным китайским законам и требованиям, т.к. эти законы не были для них особенно строгими и проявлялись периодически, а в периоды ослабления требований каждый такой кружок считал себя вольным и ни от кого независимым: не было ни регистрации, ни налогов и повинностей, ни ответственности за преступления и проступки. С открытием же здесь консульства русские торговцы охотно стали прибегать к посредству консула, но только в тех случаях, когда этого требовали их личные интересы или когда это не противоречило традициям мусульманства, т.к. большинство из них исповедовали ислам. Во всем остальном они продолжали вести почти ту же жизнь и не питали к консульству особых симпатий [7, л. 43].

В начале XX в. в Синьцзяне появлялись новые русские торговые фактории. Например, недалеко от столицы Алтайского округа – г. Шара-Сумэ – в устье р. Бурчум русскими подданными очень быстро застраивалась новая русская фактория [9, л. 42]. В результате уже в начале 1915 г. российский посланник в Пекине В.Н. Крупенский ходатайствовал в МИД о необходимости утверждения при опоре на русское законодательство «Муниципального Устава русской колонии на фактории Бурчум в Китайском Алтае на Черном Иртыше» [10, л. 64]. Однако руководство Российской империи посчитало это пока нецелесообразным.

Интенсивная русская торговля в Синьцзяне приводила к тому, что к началу Первой мировой войны многие фактории были полностью заселены выходцами из России. Но русские купцы продолжали прибывать в провинцию. В результате к 1916 г. закономерно обострился вопрос о приобретении русскими подданными земельных участков вне факторий. Желающим приобрести уча-

сток, несмотря на упомянутую выше ст. 6 договора 1883 г., предусматривающую по крайней мере в Чугучаке расширение территории русской фактории, приходилось прибегать к различным уловкам и ухищрениям, т.к. китайскоподданным под страхом наказания было запрещено продавать свою землю русским [8, л. 137-138].

Расширение русских торговых факторий в Синьцзяне и их правового статуса раздражало не только часть русских подданных, составлявших основу русских торговых факторий и вынужденных подчиняться соответствующим правилам проживания и торговли, но и, разумеется, китайскую администрацию, а также, собственно, самих китайских купцов. Например, по мнению Г.Е. Грум-Гржимайло, заключение Трактата 1881 г. вызвало недовольство китайских купцов и местных китайских властей: «Выговоренное трактатом 1881 г. право русских торговать в крае беспошлинно давно уже является бельмом на глазу» [11, с. 6].

Одной из важных причин была боязнь местных властей расширения влияния России на Китай и непосредственно на Синьцзян. Об этом российский консул в Урумчи Н.В. Богоявленский писал директору Азиатского департамента МИДа Н.Г. Гартвингу в своем донесении от 18 ноября 1903 г.: «Китайское население даже и в Урумчи глубоко убеждено в агрессивных по отношению к Китаю намерениях России и потому всякую меру Русского правительства, имеющую в виду поддержку русских интересов и торговли в Китае, оно объясняет желанием России подчинить себе Китай» [7, л. 129].

Иногда и сами китайские купцы открыто выступали против расширения прав торговли для русских подданных и расширения их торговых факторий. Например, проживающие в г. Гучен торговцы считали, что «что русские не должны приобретать у китайскоподданных вообще и китайцев в частности недвижимость, как то: дома и вообще постройки и участки земли» [8, л. 15]. Российский консул в Урумчи А.А. Дьяков вынужден был напоминать китайским властям о заключенных договорах между китайским и российским правительствами и правах торговцев – подданных Российской империи.

Таким образом, к концу XIX в. русские подданные официально получили право приобретать землю и недвижимость в Китае. Это, безусловно, способствовало развитию российско-китайской торговли и в провинции Синьцзян и, соответственно, расширению русского экономического влияния в регионе. В то же время это негативно сказывалось на российско-китайских политических и общественных связях как на местном уровне, так и на официальном. Кроме того, купцы – подданные Российской империи – долгое время проживавшие в провинции, часто были против организации их жизни и торговли в Синьцзяне российскими властями, т.к. это влекло за собой строгое подчинение российским законам, увеличение налогового бремени и жесткий политический контроль, которых они стремились избегать, находясь на территории Китая.

Список источников и литературы

1. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. 455 с.
2. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004. 696 с.
3. Шкунов В.Н. Синьцзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 139-145.
4. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. 345 с.
5. Кудрявцева Е.П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 59-71.
6. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: Разграничение с Зап. Китаем 1869 г. СПб., 1912.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 426.
8. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429.
9. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 639.
10. АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 139.
11. Грум-Гржимайло Г.Е. Русская торговля в Китае вообще и в Джунгарии в частности. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1910. 15 с.

Бояренок Кристина Андреевна
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ)
voloshinak2002@gmail.com
Горбова Ксения Тимофеевна
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ)
gorbovakk@yandex.ru

ВЕЛИКИЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ: ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

Аннотация: В данной статье рассматривается культурное и экономическое значение Великого чайного пути как важного явления в истории Востока и Запада. Особый акцент был сделан на роль чая как основного товара, ввозимого из Китая в Россию, а также на трансформацию культуры чаепития с возникновением мощной цепи товарооборота. Кроме этого, в статье поднимается вопрос важности Великого чайного пути на образование и рост приграничных или находящихся на пути городов и иных населенных пунктов с точки зрения развития культуры и науки.

Ключевые слова: Великий чайный путь, Россия, Китай, чай, «Один пояс – один путь».

Великий чайный путь – караванный путь, раскинувшийся на территории всей Евразии и даже за ее пределами. Берущий свое начало с XVI в. и опоясывающий более одиннадцати тысяч километров наземного и водного пространства, он связывал между собой Восток и Запад, уступая по товарообороту только своему собрату – Великому шелковому пути. Но чайный путь – это далеко не только об экономической сфере общественной жизни, но и культурной.

Вопрос важности чая как основного культурного элемента русской культуры не поддается критике и опровержению. Русская история застала различные вариации чая. Сначала это были травяные чаи, например, иван-чай, который пользуется популярностью и сейчас. В XVI в. классический китайский чай начал проникать в Сибирь из Китая, первые описания чая были сделаны казаками в середине того столетия. Но особый культ того напитка, который знает каждый из нас, пришелся на XVII в. Чтобы понять, насколько великой была роль чая для населения, можно привести в пример локальные конфликты в те периоды, когда по политическим причинам чай завозился не напрямую из Китая, а через Европу, что, очевидно, увеличивало его стоимость в несколько раз.

Вкушение чая для русских – не просто повседневное мероприятие, это целый ритуал. Наравне с различными вариациями восточных и английской чайных церемоний существует также русская, с традиционным самоваром и большим количеством гостей. Она служила инструментом объединения людей, ведь за чаем можно было не только хорошо потрапезничать, но и обсудить деловые или личные вопросы, и даже попеть. Кроме того, это важный показатель гостеприимства, такой вывод в своем исследовании делает Ду Цзяци [1].

Чай – важный элемент и китайской, и русской культуры, но до того, как стать привычным и доступным каждому покупателю товаром, прошло несколько веков, а становление самого Великого чайного пути порой требовало сложных политических шагов и с одной, и с другой стороны.

Нерчинский договор, заключенный в 1689 г. между Россией и Китаем, разрешал не только пограничные споры, но и стал сильным толчком для экономического взаимодействия. Города Троицкосавск (Кяхта), Ургa (Улан-Батор) и Маймачен, образованные на границах государств, стали важными транзитными пунктами иностранных товаров, а на пути выросло большое количество мелких населенных пунктов. Так появились, например, села Кабанск и Мысовая, расположенные на территории современной Бурятии. Отсюда, из приграничных Бурятии и Забайкалья путь пролегал через Хамар-дабан и Байкал далее на запад, в Центральную Россию и Европу. Перевозка чая была достаточно трудным делом, однако, несмотря на расстояние и иные неблагоприятные условия, которые могли повлиять на качество товаров, прибыль от подобной торговли была фантастической. В статье М.Н. Балдано приведены данные о том, что окупаемость китайской продукции, завезенной в Россию, составляла около 300% [2]. Положение Кяхты как удобного для торговли, а значит, богатого и густонаселенного центра, стало важнейшим аспектом для его социального и культурного развития. Так, Э.А. Батоцыренов в своей статье «Кяхта и Великий чайный путь» при-

водит данные об учебных заведениях города в XIX веке: «Здесь было 9 учебных заведений, содержавшихся на средства купечества. В 1835 г. по инициативе русского китаеведа Н.Я. Бичурина открылась школа китайских переводчиков, в 1876 г. – Алексеевское реальное училище и другие. В 1862 г. вышла первая забайкальская газета “Кяхтинский листок”, в 1887 г. открыта первая публичная библиотека. В 1890 г. по инициативе ссыльных народовольцев И.И. Попова и Н.А. Чарушина создан Краеведческий музей. 13 июня 1894 г. открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического отдела» [3]. Подобная тенденция прослеживается и в истории других крупных городов, находящихся на Великом чайном пути, однако после открытия Суэцкого канала и постройки Китайско-Восточной железной дороги они теряли свое значение как транзитный пункт между Россией и Китаем.

На современном историческом этапе Великий чайный путь – сеть автомагистралей, нить железных дорог и морских путей, по которым все еще происходит транзит товаров с Востока на Запад, но торговля далеко не та, что была еще в XIX в. Многими учеными и экспертами до сих пор проводятся исследования и анализ актуальности возрождения Великого чайного пути в XXI в., и большинство аргументов за. Начиная с прошлого десятилетия правительство КНР активно продвигает создание нового сухопутного и морского пути, проект которого получил название «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века», или, иначе говоря, «Один пояс – один путь». Маршрут проекта пролегает в основном по маршруту Великого шелкового пути, участками затрагивая исторические дорожные цепи чайного пути [4].

Список источников и литературы

1. Ду Цзяци Чайная культура России и Китая: сравнение и анализ // Вестник науки и образования. 2020. № 5-1 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chaynaya-kultura-rossii-i-kitaya-sravnenie-i-analiz (дата обращения: 27.04.2022).

2. Baldano M.N. The Great Tea Road: history of formation and revival prospects // Issues of Social-Economic Development of Siberia. 2018. № 4 (34). P. 93-99 (дата обращения: 28.04.2022).

3. Батоцыренов Э.А. Кяхта и Великий чайный путь // Байкал как участок Всемирного природного наследия: 20 лет спустя: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции, посв. Году экологии, Году особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации и 60-летию Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, 26-30 июля 2017 г.). Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2017. С. 109-112.

4. Епифанова Г.В. Великий чайный путь: история и современность // Цивилизация – Общество – Человек. 2016. Т. 1. № 2-3-02-03. С. 36-42 (дата обращения: 29.04.2022).

Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН (г. Москва)
Larisa-che@mail.ru

СУДЬБЫ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ КИТАЯ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация: В статье рассматриваются этапы репатриации из Китая, условия перемещения, маршруты движения и города, принимавшие репатриантов-целинников 1950-х гг., и почему репатрианты в большинстве перемещались в города, как местное население встретило прибывших граждан, как репатрианты относились к увиденным порядкам и уровню жизни населения. Показано стремление молодежи к высшему образованию, вопросы женского труда, быт сибирского населения.

Ключевые слова: фильтрационные лагеря, репатрианты из Китая, целинная эпопея, физический труд, интеллектуальный уровень, бытовые условия, урбанизация, вклад репатриантов в развитие Сибири.

Репатриация из Китая в Россию – СССР пережила несколько этапов, о чем известно достаточно достоверно благодаря многочисленным публикациям исследователей российской эмиграции. Об этих этапах мы писали в первой части нашей темы [1, с. 137-145]. Известны также послевоенные акции депортации из Китая нескольких тысяч эмигрантов в СССР числом от 3 до 17 тысяч (данные неполные) [2, с. 693-707].

Нельзя не согласиться с утверждением журналиста об извечной российской расхлябанности и безалаберности, которые сопровождали весь процесс репатриации с Запада и Востока в послевоенные годы, да и в целом на протяжении первой половины XX века. «Наверное, ни одна страна в мире не прилагала таких титанических усилий, как СССР, для удержания своих граждан в пределах границ, а также для возвращения тех, кто все-таки оказался за рубежом. Самое примечательное заключалось в том, что средства и усилия на репатриацию из-за границы тратились почти безо всякого экономического смысла, но с характерной отечественной безалаберностью» [3, с. 60].

Еще по окончании Гражданской войны объявленная репатриация создавала впечатление заботы новой власти о «новых рабочих руках, способных внести вклад в ликвидацию разрухи». Однако парадоксальной проблемой стало не приумножить, а обеспечить работой имеющиеся в избытке трудовые кадры. «В деревне главным дефицитом также были отнюдь не люди. В те годы создать сельскохозяйственные колонии в СССР пыталось множество групп иностранцев. И все они предлагали ввезти передовую сельхозтехнику, начать возделывание новых, приносящих приличный доход культур, а также обустроить отданные им в аренду села и дороги. Однако впускали сравнительно небольшое число – несколько сотен в год, чью идейную близость подтверждали зарубежные

коммунисты. Остальным отказывали по единственной причине – свободной земли в благодатных местах, на Украине и Северном Кавказе, попросту не было. *А осваивать неудобья в Сибири и прочих отдаленных местах не хотели ни русские, ни иностранцы* (курсив наш. – *авт.*)» [3, с. 60]. Увы, и через 30 лет проблемы неудобий в Сибири оставались на своем месте, поэтому в 1950-е гг. и была объявлена кампания по ликвидации целинных и залежных земель...

«Передача в 1952 г. Китаю советской стороной прав на бывшую КВЖД спровоцировала превращение слабого ручейка реэмиграции из Маньчжурии в полноводный поток. Некоторое охлаждение двухсторонних отношений после смерти И.В. Сталина способствовало дальнейшей активизации отъезда русских. Последняя наиболее значительная волна возвратных миграций из Маньчжурии относится к 1956 г. Этому благоприятствовал курс советского руководства на интенсификацию развития республик Средней Азии и Казахстана. Переселенцы из Китая также направлялись и на освоение целинных земель» [3, с. 60].

Перечислим маршруты репатриации из Китая в СССР (1940-1950-е гг.):

1) Харбин – пос. Маньчжурия [граница: ст. Отпор/Забайкальск (проверочно-фильтрационный лагерь[1])] – СССР;

2) Южные порты: Шанхай – Находка (проверочно-фильтрационный лагерь) – СССР; или Нинбо – Шанхай – Находка; или Гуанчжоу – Шанхай – Находка (проверочно-фильтрационный лагерь) – СССР; Циндао – Находка – СССР;

3) Синьцзян – Казахстан [Караганда (проверочно-фильтрационный лагерь)] – СССР; Семипалатинская область – СССР[2];

4) закрытые каналы выезда в годы Второй мировой войны. По косвенным данным, в СССР выезжали отдельные известные люди (А. Вертинский с семьей, В. Пентковский (юрист, бизнесмен и спецсотрудник), персонал консульств и советских учреждений, советские специалисты, коминтерновцы).

Интересен также вопрос: кто именно и при каких обстоятельствах репатриировался в СССР из Китая? Решение вернуться в СССР А. Попов мотивировал так: «…в отличие от СССР, *бесплатно никто никого никуда не вез* (курсив наш. – *авт.*). Исключением была Австралия, но приезжие давали подписку, что первые два года будут работать там, где им укажут... В Шанхае мы видели, что все, у кого имеются паспорта, – англичане, американцы, французы, итальянцы – защищены своей страной. И большинство из них имели право экстерри-

[1] Сами спецлагеря НКВД были созданы в 1941 г. по решению ГКО № 1069 от 27 декабря 1941 г. для проверки бывших военнослужащих Красной армии, находящихся в плену и окружении. Спецлагеря подчинялись Отделу спецлагерей НКВД, с февраля 1945 г. [4].

[2] Так, например, в мае 1954 г. семья Сковородниковых-Сушко выехала в СССР на разработку целины в Семипалатинскую область Казахстана. Осенью 1954 г. Александр Сковородников (сын Натальи Яковлевны Сушко) поступил учиться в Красноярский пединститут. Вслед за ним отправилась семья в Красноярск. Сегодня А.П. Сковородников уже 47 лет трудится в вузе (Сибирский федеральный университет), доктор наук. Многие красноярцы имеют корни с репатриантами из Китая [5, с. 22-23].

ториальности. А у меня был китайский вид на жительство, и если бы я попал в тюрьму, то меня бы судил китайский суд. И потом, многие почему-то думали, что после войны все перетряслось и тоталитарный режим должен смягчиться. Такая коллективная вера толкнула людей на отъезд (в СССР. – *авт.*)» [6].

Репатриант Танкред Голенпольский вспоминал, что из советских граждан (бывших эмигрантов), желавших поехать в СССР, иные ожидали въездную визу, не получая ответа, годами. «Много лет спустя некоторых я встречу в США, Израиле, другие окажутся в Австралии, в Латинский Америке. Так что *гипноз марксизма* все же действовал не на всех одинаково. Видать, я, благодаря родительскому воспитанию и воздействию среды, оказался более гипнабельным, чем иные. Впрочем, об этом я ничуть не жалею. Во всяком случае, те из нас, кто был в *Советском клубе* с 30-х годов, в основном оставались верными той самой красивой утопии, которую придумал и пытался так уродливо воплотить человек. Иных я встречу в России, чтобы узнать о весьма трагичных, хотя и типичных судьбах для страны Советов тех лет: родители, да и сами ребята оказались сосланными без права жить в столичных городах…» [7]. (Действительно, большинство мечтало поселиться в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Одессе, Крыму, но это было запрещено. – *авт.*). Далее он называет имена успешно адаптировавшихся в СССР репатриантов: Михаила Зингера (Московская филармония), Василия Чиликина (заведующего московской типографией), Олега Лундстрема и его оркестр (Москонцерт) и многих других. «Да мало ли было тех, кто оказался нужным стране и устроил свою жизнь совсем не хуже, чем там (в Китае. – *авт.*). Начавшаяся репатриация советских граждан и тех, кто хотел ими стать, увезла, по некоторым данным, *около 37 тысяч человек* (курсив наш; имеются в виду 1940-е гг. – *авт.*)» [7].

Но если репатриантов сотрудники советских консульств вполне могли обманывать намеренно (в ходе выполнения определенных задач), то многие репатрианты и сами были «обманываться рады», создавая в своем воображении образы чудесной снисходительной родины, ожидающей заблудших своих детей. «Благодаря нашему участию в Советском клубе, мы получали информацию о стройках СССР, о советском строе, о замечательных людях, героически сражавшихся на фронтах войны… Все как один рвались на фронт! За годы войны резко увеличилась численность участников Советского клуба (в Шанхае. – *авт.*). Под руководством В.Н. Рогова, благодаря нашей газете “На Родину!”, мы все больше и больше охватывали молодежь и людей, искренне сочувствовавших СССР», – говорил Олег Лундстрем[1] [8].

Так, по прибытии в Находку репатрианты 1940-х гг. были определены в города центральной части России, Урала и Сибири («по выбору» – главным образом, в Казань, Пермь и Свердловск), но часть была распределена и по Сибири. Интересен факт, что когда репатриант желал поселиться в Краснодаре, то его направляли в Красноярск. К месту назначения ехали в теплушках, питаясь весь-

[1] Лундстрем О.Л. Возвращение. Дорога домой. Из цикла телепередач «Осенние портреты». Телекомпания «Альма-Матер», 1998.

ма скудно (выданной им селедкой и тем, что удавалось выменять на вокзалах, жертвуя, главным образом, своей дефицитной в те послевоенные годы одеждой).

Однако, судя по воспоминаниям Н. Ильиной, Л. Хаиндровой и других переселенцев, это не очень их смущало: ведь они ехали на Родину. В СССР, стране, где только что окончилась тяжелейшая война, трудно было рассчитывать на материальное благополучие и комфортные условия жизни, и люди это понимали. «Неправильно было бы думать, что эмигранты, тысячами возвращающиеся на Родину в конце сороковых годов, ехали домой только потому, что они за границей с голоду умирали, были не устроены. Немало вернулось людей вполне состоятельных, сумевших даже в труднейших условиях заграничного существования создать себе какое-то материальное благополучие. Они, едучи сюда, прекрасно понимали, что здесь им придется все начинать сначала. И все-таки ехали. Почему же? Справедливое устройство мира – человечества сон золотой... Так хотелось верить, что выдумали! Почитайте Роллана – как хотел обмануться!.. Сила этого строя – в его неправдоподобии. Поверили сталинской конституции 36-го года. Отечество!..» [9].

«Мы еще в Шанхае рассуждали так: если в России такая разруха, может быть, стране не до джаза и надо дома строить, – тогда будем строить дома. Весь оркестр, между прочим, готов был идти в строители!». Когда мы приехали в СССР, репрессии нас не коснулись…. Из нас не пострадал никто, *никто из тех, кто молчал…*» – говорил Олег Лундстрем[1] [8].

Танкред Голенпольский иронично рассказал о не совсем законных действиях советских таможенников, предложивших мальчику неэквивалентный «обмен» коллекции марок и американской винтовки мальчика на фотоаппарат ФЭД в Находке. Вечером репатриантов собрали и зачитали распределение. «Оказалось, что не все мы едем вместе. Часть ребят и девочек оставляли в Находке. Некоторые из них были определены в мореходку, у кого хватало образования, иные в ФЗУ или ремесленное. Нас, человек десять, определили в Читу, в Читинский детский дом для детей фронтовиков. Как сейчас помню адрес – улица Смоленская, дом 26. По какому принципу нас делили, я так и не смог все эти годы понять. Не подходили никакие критерии. То, что они были, я не сомневаюсь. В любом случае направленные в детдом выгадали, поскольку все мы пошли в школу. И уже после моего отъезда из Читы, когда немногим более чем через год приехали мои родители, ребята имели возможность ее окончить. А дальше был детский дом». После ни в какие вузы юношу не брали, но его спасло хорошее знание английского, благодаря которому его приняли без экзаменов на филфак ленинградского пединститута… [7].

Льготы переселенцам давались всего лишь на 2 года [10, л. 181], по истечении этого срока репатрианты превращались в простых советских людей на общих правах, и это были уже затяжные трудности...

[1] Лундстрем О.Л. Возвращение. Дорога домой. Из цикла телепередач «Осенние портреты». Телекомпания «Альма-Матер», 1998.

Константин Гордеев справедливо пишет, что «репатриация стала таким же разрушителем семьи, как Гражданская война. Часть эмигрантов не хотела ехать в СССР, а бóльшая часть – очень хотела. Старшее поколение помнило зверства Гражданской войны, а молодежь рвалась на родину…» [11, с. 30-31]. Желание возвращения на родину зиждилось на убеждении, что на родной земле «наши дети жили [бы] в русской среде, учились в наших институтах и говорили на родном языке». В то же время брат К.С. Гордеева с семьей уехал в Бразилию. Так разделялись семьи, рушилось совместное будущее поколений одного семейного клана…

Согласно документам архивов, в сибирские области и края в 1954 г. въехали репатрианты, разместившись в самых разных городах и поселках. Рассмотрим карту СССР 1950-х годов, визуально дающую представление о географии размещения.

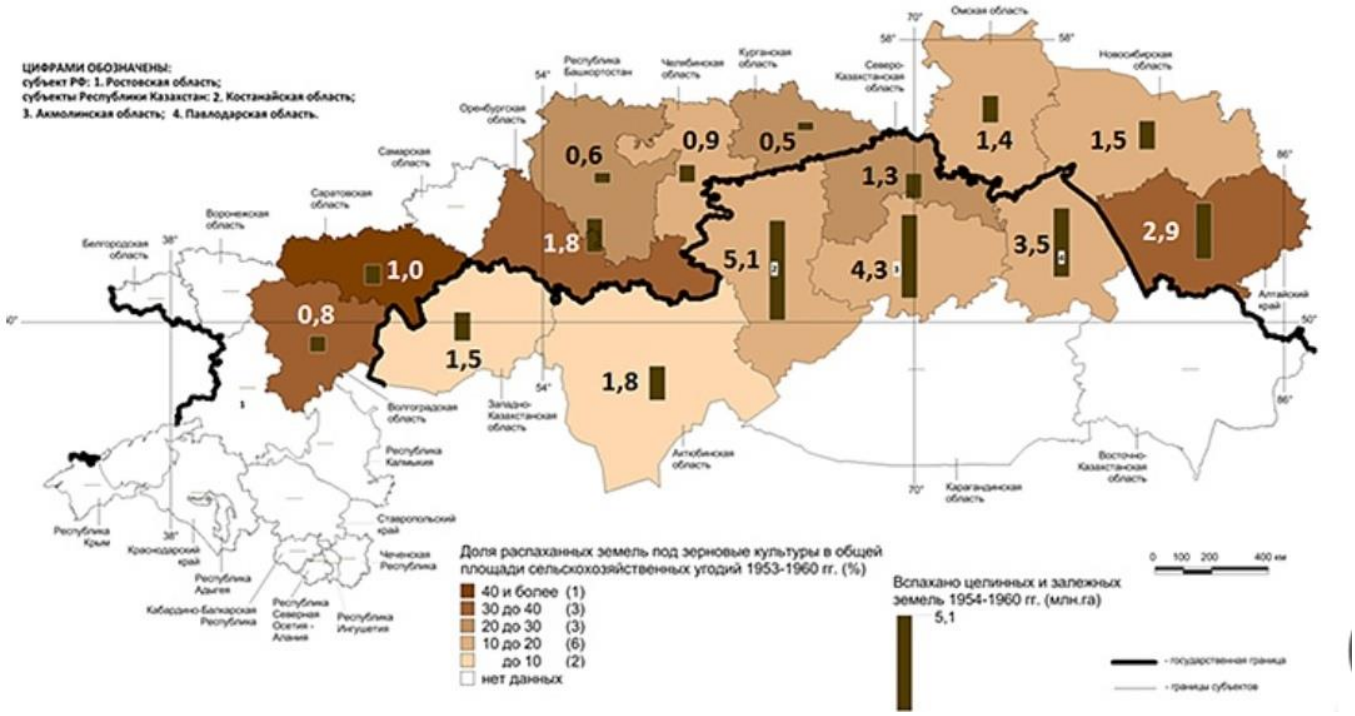

Рисунок 1. Масштабы освоения целинных земель в степных зонах РСФСР и Казахстана

«*На дальней станции сойду – трава по пояс!*». Города азиатской части СССР – Ачинск, Барнаул, Иркутск, Ишим, Кемерово, Красноярск, Курган, Нижнеудинск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Чита, другие поселки и местечки сибирских областей и краев. Прибывшие в дальние поселки и полевые станы репатрианты из крупных китайских мегаполисов приходили в изумление, настолько «перемещение» в полевые условия сибирских регионов было нецелесообразным, вместо применения в хозяйстве технически и интеллектуально высокообразованных переселенцев их заставляли заниматься неквалифицированным трудом, терять навыки профессии и квалификацию.

Алтайский край. Среди краев и областей, осваивающих целинные земли, Алтайский край занимал одно из первых мест. В 1954 г. на Алтай приходилась половина общего количества целинных земель, распаханных в Западной Сибири, 23% от РСФСР [12]. Всего, например, Алтайский край принял 4100 семей (больше, чем планировалось) репатриантов [13, л. 120, 153].

Красноярский край. Семья Гордеевых въехала в СССР в июле 1954 г. в г. Заозерный Красноярского края «на двух грузовых машинах на Рыбинский молмясосовхоз». Семье дали «подъемные» 3000 руб. на семью и по 600 руб. на члена семьи (т.е. 5400 руб. – очень неплохие деньги по тому времени, однако в магазине не было товаров). Семье предоставили комнату с кухней и кладовку. На полевых работах за месяц муж с женой получили 27 рублей ввиду того, что машины приходили в совхоз очень редко, заработать было невозможно. (Многие «целинники» рассказывали, что первый небывалый целинный урожай не смогли вывезти с полей, и он так и ушел «под снег». – *авт.*)[1]. Через месяц жена Гордеева отправилась в райцентр, захватив фельдшерский диплом мужа, зашла в райздравотдел. Гордеева сразу отправили в другой совхоз, дали хорошую квартиру. Через три года Гордеевы решили вернуться на старое место в райцентр в санэпидемстанцию, строить новый дом. В 1961 г. муж поступил на вечернее отделение Красноярской медакадемии. Семья продала дом в Заозерске, переехала в Красноярск. Жена закончила монтажный техникум; подросшая старшая дочь поступила на архитектурный факультет в Новосибирск, а младшая дочь стала врачом. Через 13 лет после возвращения в СССР Константин Гордеев стал заместителем главного врача противотуберкулезного диспансера, занимается и врачебной практикой. «Может, для кого-то это покажется странным, – считает К.С. Гордеев, – но я ни разу не пожалел, что переехал в Россию, хотя была возможность уехать в более богатую и стабильную страну – США, Канаду, Австралию, но я выбрал Родину. Временами было непросто, но здесь мои дети и внуки жили среди соотечественников, учились в нашей культурной среде, говорили по-русски, а это большое дело» [11, с. 30].

Иркутская область. Озерлаг. На станции Вихоревка Иркутской области сидели в лагере так называемые «враги народа», а в 1956 г. сидело около 400 «маньчжурцев»-репатриантов после Второй мировой войны. Это был год XX съезда и год освобождения безвинно лишенных свободы людей. С 1957 г. начались свадьбы, когда невесты находили своих мужчин в Вихоревке и люди создавали семьи: харбинцы с харбинками, шанхайцы с шанхайками. В общем, переженились все русские «китайцы» [15, с. 62-68]. Что касается репрессированных, то уместно привести цитату, очень точную: «Родина не прощала ничего, и прошлого никогда не забывала» [16].

---

[1] Урожай действительно был небывалый. Казахстан сдал в закрома государства 16 млн 314 тысяч тонн зерна, хотя этот огромный урожай создал и немало проблем. Целинные совхозы не были готовы к уборке, хранению и вывозу такого количества зерна, поэтому часть хлеба погибла [14].

Эмилия Одинцова с семьей репатриировалась в 1954 г. в Иркутскую область по «целинной квоте» с четырьмя детьми, один из которых был грудным. Она была молодой кормящей матерью, и ей требовалось хорошее питание. Однако в Сибири того времени, видимо, с рыбой, свежим мясом и молочным было трудно. К тому же они въехали в страну уже под осень. Никаких запасов продуктов, скудная пища, неподходящая для этого климата одежда. К весне молодая женщина впала в депрессию и у нее началась анемия, слабость, упадок сил. (Позднее врачи определят у нее цингу – недостаток витаминов и важных микроэлементов). Она таяла на глазах, медленно умирала от истощения. Ее отец, собрав все последние деньги, отправился на рынок и привез десяток арбузов, которые медленно скормил дочери. Для первых ложек сочной мякоти у нее не было сил, и отец аккуратно «вытапливал» из мякоти сок, заставляя ее делать небольшие глотки. Через неделю молодая женщина поправилась! Она описала этот случай в своей замечательной книге, вышедшей в 1999 г. в Иркутске (воспроизводится по памяти) [17]. Это пример агрессивного авитаминоза, который становился причиной многих болезней репатриантов, прибывших из теплого и богатого фруктами юга. Вообще необходимо подчеркнуть, что многие очень тяжело переживали первые годы климатической адаптации, у большинства не было подходящей одежды и обуви.

Курганская область. В Курганскую область в период с 1954 по 1955 г. прибыло 565 семей в количестве 2076 человек [16].

Впечатления от советских поселков и городов, бытовые условия. Из писем репатриантов «китайским» родственникам: «Сюда мы поехали потому, что поверили агитации, что хорошая жизнь, а на самом деле здесь ужас, одно горе, собачья жизнь. Если бы нас отпустили обратно, то мы не остались бы ни одного часа здесь». Эти обещания покинуть родину и вернуться в Китай, или уехать куда угодно, лишь бы покинуть это гиблое место, встречались в письмах довольно часто: «…если бы можно было обратно, то я убежала бы в Китай бегом и раздетая, так вот как нас встретила мать-Родина». Оставшихся в Китае родственников строго-настрого предупреждали ни в коем случае не приезжать в Союз. «Муки у нас ни за какие деньги не купишь… вообще у нас сейчас еда – хлеб да вода, вот всё наше питание»; «…хлеб вообще не едим, а если и едим и то раз в неделю…»; «Как Вам известно, мы попали в совхоз и там думали, что сдохнем с голоду…» В результате «…ребятишки у нас стали как рахитики…»; «Все похудели, отец на себя не похож, не наедается. Он любит мясное, а его нет… Хлеб жуткий, сырой и тёмный...»; «Я страшно похудела и поседела, плачу каждый день и скучаю, просто нет моих сил всё это пережить…»; «Кабы не Колька (сын), я бы давно покончила с собой». Оставаться жить в таких условиях было невозможно, и многие бежали в более развитые районы страны [16].

Что касается жилищных условий, то и в этом обстановка сложилась не лучше. В письме М.П. Чан-Ми-Лин (Рыбкиной) сообщается, что по приезду из

Китая их, 45 человек реэмигрантов, поместили в общий барак с земляным полом. Другие письма рисуют такую же картину: «Все живём не одни, толпимся как в курятнике…» Впрочем, находились места и похуже, из письма разнорабочей Ново-Петропавловский МТС Уксянского района Курганской области известно: «Мы попали сравнительно в хорошие места, переписываясь с … Тоней (проживает в Казахстане), она пишет “голая степь”, живут в землянке – в коровнике 8 человек. Вот это кошмар» [16].

Перед глазами прибывших в Россию переселенцев предстала печальная картина: «Здесь женщины плохо выглядят, все худые, бледные… Ездила недавно на кладбище, какое убогое, нищих много сидит около ворот, поют молитвы, отпевают покойников. Очереди очень надоедают, за всем стоят, да ещё ругаются, даже дерутся…»; «…вообще здесь дома плохие, покосившиеся, так что видна разруха. На бумаге одно, а в действительности – другое». И это спустя 10 лет после войны, 12 лет после образования области! Всё та же печальная картина всеобщей неустроенности [16].

Однако нельзя сказать, что местные власти совсем уж ничего не делали для обустройства граждан, прибывших из Китая. «Например, постановлением бюро Мишкинского РК КПСС от 30 ноября 1954 г. было выделено 30 пар тёплой обуви для продажи реэмигрантам (в Китае, однако, не надо было выпускать для этого специальное постановление, там можно было просто прийти в магазин и купить), также была организована швейная мастерская и приняты другие меры для скорейшего трудоустройства переселенцев» [16]. В остальном же, «для улучшения впечатления от родного края партработников призвали усилить массово-политическую работу среди граждан, прибывших из Китая. Но … многих не покидало постоянное ощущение отчаяния и безнадёжности» [16].

Справедливости ради нужно заметить, что правящие круги СССР, в отличие от местных властей, «действовали более корректно, но тоже не питали доверия к репатриантам. В повседневной жизни репатрианты продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности, при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения и др.» [16].

«*Никаких навыков в сельском хозяйстве никто из нас не имел…*» [18]. Лариса Пешкова[1] с семьей въехала в советскую Сибирь. Из Шанхая семья привезла с собой набор редкой китайской мебели из красного дерева. Согласно

[1] Пешкова Лариса Всеволодовна (1934, Харбин – 2010, Москва), русская, православная, из семьи эмигрантов. С 1939 по 1949 г. училась в Конвенте св. Урсулы (был закрыт властями Китая). В 1952 г. окончила советскую школу. В 1954 г. выехала с семьей в СССР на освоение целинных земель, в дальнейшем семья переехала в Москву, к дальним родственникам. Благодаря знанию иностранных языков занимала редкую должность в почтово-телеграфном ведомстве СССР, а также на советской железной дороге [18]. Личное интервью дала автору статьи в августе 2008 г.

правилам переезда, репатрианты могли везти с собой любой груз личных вещей, перевозка была гарантирована за счет государства. Семья прожила на целине три года, после чего стало ясно, что дальнейшая жизнь в Сибири не дает никаких перспектив. Лариса знала несколько иностранных языков, а в сибирской глубинке такие знания не были востребованы… В конце 1950-х гг., будучи проездом в Москве, Лариса зашла на Главпочтамт переслать небольшую бандероль. В это время в цехе пересылки остановилась работа из-за болезни или отпуска специалиста-переводчика. Лариса предложила свои услуги, помогла с оформлением документов, поинтересовалась: нет ли у вас работы? Ей нужно было жилье. При почтамте было общежитие. Сначала Лариса переехала сама, через три года перевезла всю семью. Имущество пришлось бросить в Сибири: не было никаких средств перевезти через всю страну набор редкой мебели. Такая практика стала частым явлением для уезжающих в крупные города репатриантов: тяжелую мебель приходилось просто оставлять. Главным критерием для репатриантов при поиске новой работы стали специальность, постоянная прописка и жилье.

Новосибирская область. Распространенной практикой стала «миграция» репатриантов из Красноярского края и Красноярска в Новосибирск. Репатриант В.В. Каменев, первоначально прибывший в Красноярский край с семьей, описал свои мытарства на родине в очерке «На обочине!» [19, с. 59-64]. Постепенно среди репатриантов стала распространяться информация, что на новосибирском заводе «Большевик» (директор Кучерявый) переселенцев с квалификацией с удовольствием берут на работу, первоначально предоставляя жилье прямо на территории завода, где находились подлежащие под снос бараки. И заработки по тем временам были высокие: от 1000 до 1500 рублей в месяц для мужчин, которые были заняты на довольно тяжелой работе разнорабочих в лесокорпусе. Завод через какое-то время предоставлял квартиры для 2-3 семей (по сути, мини-общежитие).

Омская область. История Георгия Хотковского. Жизнь, в самом деле, преподносит удивительные сюрпризы. В далекой юности в Харбине дружил Жора Хотковский с красивой девушкой Наташей Раменской. Но разлучила их судьба на целых 50 лет. Уехал Георгий в СССР, вспоминая и тоскуя по любимой, думал, что подруга его юности живет где-нибудь в Австралии (больше всего харбинцев эмигрировало в эту далекую страну), а оказалось, что Наталья Александровна много лет уже проживала в Омске! Прочла она его объявление в газете репатриантов «Голос Родины» и откликнулась! Теперь они вместе. Ему – 88, ей – 83 года. Живут душа в душу уже 7 лет. Хотя жизнь, по сути, уже прошла, и по их судьбе проехалась тяжелая поступь политики и войн, Георгий Хотковский говорит: «После войны и во время войны ломались судьбы людей. Ломались так, что только хруст стоял! Наша юность прошла в далекие 1940-е, но мы сумели выстоять и найти друг друга в тяжелых невозможных жизненных обстоятельствах. Мы абсолютно счастливы, несмотря на наши лета. Же-

лаем всем влюбленным, невзирая ни на какие причины, крепко держаться друг друга и ценить каждую минуту общения. Я жалею только об одном: что рано отказался от поиска своей возлюбленной. Тогда бы я смог найти ее гораздо раньше!» [20, с. 10].

Из СССР репатрианты писали письма в советские консульства, узнавая об оставшихся родных, сообщая о своих судьбах. Просьб о помощи с передачей адресов и весточек о себе было так много, что не все консульства справлялись с такой задачей. Увы, таким образом, многие родственники и друзья потеряли связь на многие годы. У исследователей скапливаются истории людей, которые так и не нашли своих родных, хотя жили на расстоянии 50 км друг от друга: оказались в разных областях! И только потомки благодаря интернету и новым возможностям современной связи и поисковым запросам смогли, наконец, определить, где закончили свой земной путь их ближайшие родственники. Обидно, что все эти знания приходят так поздно, чаще всего после смерти тех, кто искал своих всю свою жизнь. Отрадно, что информация всё-таки находит адресата.

С течением времени все без исключения репатрианты из сельской местности перебирались в крупные города Сибири, а большая их часть – и в европейскую часть СССР. Это было связано с тем, что репатрианты были людьми будущего, активными участниками современной им истории, имели широкий кругозор и знали жизнь за пределами «железного занавеса». В отличие от местных советских людей, которые прошли воспитание советским строем и в то же время сохранили верность традициям, укладу сибирской жизни, репатрианты всегда были готовы к изменениям, переездам, были мобильны и коммуникабельны, всегда готовы к вызовам времени.

Список источников и литературы

1. Черникова Л.П. Репатрианты из Китая: размещение в советских сибирских городах и селениях и проблемы адаптации // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: мат-лы первой Всерос. научной конф-ции, посв. памяти А.В. Старцева / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. С. 137-145.

2. Черникова Л.П. Депортация из Китая русских эмигрантов в послевоенные годы (1945–1946): неизвестные архивные документы // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1 / редкол.: А.И. Кобзев и др. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2016. 726 с. С. 693-707.

3. Они съезжались на Родину // Коммерсантъ Власть. 2006. 24 июля. № 29. С. 60. URL: https://www.kommersant.ru/doc/692158 (дата обращения: 12.11.2020).

4. Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР. URL: https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9262/ © e-history.kz (дата обращения: 20.05.2021).

5. Русская Атлантида. Челябинск – Владивосток. 2012. № 42.

6. Попов А. Западня для патриотов // Деловой квартал. Екатеринбург, 2002. № 17. Май. URL: http://dkvartal.rufile://localhost/magazines/dk-ekb/2002/n17 (дата обращения: 14.01.2021).

7. Голенпольский Т. Отъезд. Из Китая – на Родину. URL: http://www.booknik.ru:8090/publications/?id=23901&print (дата обращения: 14.01.2021).

8. Осенние портреты: документальный фильм. Автор Н. Грешищева, реж. О. Трегубова. М.: Телекомпания «Альма-Матер», 1998. Премьера: 25 декабря 1998 г.

9. Ильина Н. Из последней папки. Записи разных лет (1957–1993) / публикация Вероники Жобер, предисловие, подготовка текста, примечания Маргариты Тимофеевой. URL: http://ma gazines.russ.ru/october/2000/6/ilina.html (дата обращения: 27.06.2021).

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 1. Д. 123.

11. Он выбрал Россию… [Гордеев К.С.] / ред. Н. Разжигаева // Русская Атлантида. № 42. Челябинск – Владивосток, б.и., 2012.

12. Первоцелинник Алексей Татиевский: «Целинные земли давали небывалый урожай». 13.03.2014. URL: https://slavgorod.ru/news/news_111 8.html (дата обращения: 20.05.2021).

13. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 125.

14. URL: https://e-history.kz/ru/news/ show/6147/©e-history.kz (дата обращения: 20.05.2021).

15. Меридилина С.И. Вихоревка // Русская Атлантида. № 43. Челябинск, 2012. С. 62-68.

16. Пушкарева А. Чужая родина / главный специалист Государственного архива общественно-политической документации Курганской области. URL: http://www.rusarchives.ru/publication/foreing_land.shtml (дата обращения: 22.06.2021).

17. Одинцова Э.А. Мой Шанхай. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 1999. 73 с., ил., карта Шанхая.

18. Курто Ольга. Черновики. Пешкова, Лариса Всеволодовна. URL: https://olga-kurto.livejournal.com/11303.html (дата обращения: сентябрь 2020 г.).

19. Каменев В.В. На обочине! // Русская Атлантида. № 14. Челябинск, 2005.

20. Рабочий дворянского рода // Русские в Китае. № 15. Екатеринбург, 1999.

Ли Линь, магистр филологических наук, инженер
Шеньянский политехнический университет (Шеньян, КНР)
13940309208@139.com

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация: На Северо-Востоке Китая сформировалась особая плюралистическая региональная культура. В статье выделены этапы формирования культурной специфики региона: первый этап – формирование основы древними коренными народами, второй этап был связан с притоком переселенцев – хань, и третий этап культурного синтеза – с распространением русской и европейской культуры. Вместе с указанными этапами в статье выделены особенности исторического и этнокультурного развития региона.

Ключевые слова: культура, культурное взаимодействие, Северо-Восток Китая, этнокультурная специфика, влияние русской культуры.

Культура Северо-Восточного Китая имеет глубокие истоки, она оказала существенное влияние на формирование и развитие всей китайской цивилизации. Именно этот регион Китая в большой степени испытал влияние русской культуры и именно здесь на протяжении длительного времени протекал процесс синтеза китайской и русской культур.

Исходя из географических особенностей Северо-Восток Китая можно разделить на три региона, каждый из которых имеет свои уникальные культурные атрибуты: восточный, центральный и западный – это, соответственно, рыболовно-охотничья, земледельческая и кочевая культуры. Среди современных народов Северо-Востока можно условно выделить потомков четырех ранних этнических общностей – южной и центральной общности земледельческих народов – хуася; восточной, определяемой рыболовством и охотой общности народов – сушэнь; западной, связанной с древними племенными объединениями степняков-скотоводов – дунху; и вэймо – этнического образования центрального и восточного регионов, занимавшегося рыболовством, охотой и земледелием [1, с. 137]. Эти четыре этнические общности на обширных землях Дальнего Востока создали государства Бохай, Когурё и другие яркие цивилизации, заложив плюралистические культурные особенности Северо-Востока Китая, и в процессе взаимодействия с цивилизацией Срединной Китайской равнины, обогатили единую в своем многообразии культуру китайской нации.

В связи с тем, что хозяйство и быт народов Северо-Востока были основаны на кочевом скотоводстве, рыболовстве и охоте, их зависимость от природных ресурсов была достаточно сильной. Наиболее ранняя форма экономики – рыболовно-охотничье-собирательское хозяйство – с древнейших времен и до конца феодального периода занимала чрезвычайно важное место в этом регионе. Это определило природу и особенности полиэтнической культуры Северо-

Восточного Китая. Суровые природные условия, преобладание в течение длительного времени рыболовной, охотничьей и кочевнической культур приводили к еще большей зависимости от природных ресурсов. В результате хозяйство аборигенных народов региона в течение длительного времени сохраняло многие элементы присваивающего хозяйства.

На такой хозяйственной основе культура Северо-Восточного региона в течение длительного времени во многом сохраняла своё изначальное содержание и состояние. Вплоть до развития индустриального общества повсеместно сохранялись основанные на анимизме первобытные религии, а социальные системы основывались на общинно-родовых формах организации общественного строя.

Конечно, культура Северо-Востока развивалась в культурных обменах с народами прилегающих территорий. И поскольку в процессе культурного обмена культура охотников и рыболовов проявляет большую открытость, существенной движущей силой в формировании и развитии северо-восточной региональной культуры становятся восприятие и заимствование элементов культуры народов прилегающих территорий, главным образом Срединной Китайской равнины.

Народы Северо-Востока семь раз за свою историю вторгались на территорию Срединной Китайской равнины: во времена династии Шан (1600–1046 гг. до н.э.); после династии Западная Цзинь (265–316 гг.) и до династии Суй (581–617 гг.) сяньби управляли страной; династия Ляо (916–1125 гг.), основанная киданями – выходцами из Северо-Востока; чжурчжени основали империю Цзинь 1115–1234 гг.; монгольское завоевание Китая; маньчжуры, основавшие династию Цин; и наконец, вторжение под руководством Чжан Цзолиня. Эти вторжения существенно изменили историко-культурную динамику всего Китая и продемонстрировали могучую «взрывную» силу народов Северо-Восточного региона, но в то же время упадок, приходящий на смену успешной военной экспансии, выявил еще одну особенность этих народов – прерывистое развитие.

Важным источником для распространения и закрепления новых культурных элементов среди народов Северо-Востока Китая было миграционное движение. Переселенческая культура региона в основном сформирована тремя группами мигрантов: первый тип – беженцы, второй – ссыльные за провинности в состав пограничного гарнизона, третий – мигранты. Этот регион считался «колыбелью императорского дома» и был изолирован династией Цин более чем на 200 лет. Но затем, во второй половине XIX в., в результате отмены ограничений большое количество переселенцев, в основном из провинций Шаньдун, Шаньси, Хэнань и Внутренней Монголии, принесли в регион ханьскую культуру. Культурный синтез формировал новые черты культуры и заложил основу для нового типа плюралистичной региональной культуры, а этнические меньшинства региона оставили богатое и красочное культурное наследие [2, с. 110].

После падения династии Цин культура Хань окончательно закрепилась в качестве основы культуры Северо-Восточного Китая; в результате межэтни-

ческих браков и мультикультурного сосуществования культура народов региона приобрела такие черты, как совместимость, инклюзивность, толерантность и открытость. Таким образом, можно выделить второй этап формирования этнокультурной специфики Северо-Восточного Китая.

С конца XIX в. в регион стала проникать русская культура, которая оказала важное и далеко идущее влияние на Северо-Восточный Китай. Центром ее распространения стал Харбин. Русская культура наложила свой отпечаток на все – от планировки городских улиц, архитектурного стиля, образа жизни горожан, домашнего убранства, обеденных привычек до художественно-эстетических вкусов населения. Расцвет городской архитектуры Харбина, торговли и коммерции начался более века назад и длился до первой половины XX в., он был тесно связан с притоком большого количества российских евреев, поляков и русских белоэмигрантов.

В 1896 г. Россия получила разрешение на строительство железной дороги в Китае, и Харбин постепенно стал центром Китайско-Восточной железной дороги. Россия, Великобритания, Япония, Чехия и другие страны создали здесь консульства. Харбин стал многонациональным мегаполисом. Скопление мигрантов разных национальностей привнесло культурное разнообразие. Однако и спустя век в культуре Северо-Востока КНР, несмотря на сложное смешение, переплетение и столкновение европейской, русской, корейской и японской культур с местной культурой, совместно созданной местными этническими меньшинствами и переселенцами из Срединной Китайской равнины, в облике Харбина влияние русской культуры отчетливо прослеживается.

Постепенно покрой одежды горожан и их эстетические вкусы все искуснее впитывали в себя особенности русского стиля. От мужских драповых пальто, лодкообразных меховых шапок, высоких сапог до женских летних красочных платьев, больших шарфов и шалей, способов завязывания косынок, причесок с локонами на лбу – во множестве мелочей можно увидеть проникновение русской культуры.

Спустя более ста лет глубокое проникновение русской культуры в повседневную жизнь населения Северо-Восточного Китая отражается главным образом в том, как люди здесь живут, как одеваются, что едят. Но все это относится к материальной и чувственной сфере и не входит в сферу разума и духа. Какое бы сильное впечатление ни оставляли символы русской культуры, как бы ни нравились русские пиво, водка, хлеб и колбаса, жители этого региона, прежде всего, принадлежат к китайской культуре, в основе их идентичности лежит земледельческая китайская цивилизация и конфуцианская этика, которая является их духовной опорой.

Религия выступает в качестве духовной разделительной линии, наглядно демонстрируя фундаментальные культурные различия между народами. На Северо-Востоке повсюду можно увидеть православные церкви и иные элементы христианской культуры, однако это никогда коренным образом не меняло

особенностей характера и культурной принадлежности жителей Северо-Востока. Влияние русской культуры более всего выражено в повседневной жизни, в быте людей, оно скорее материально, и почти никогда по-настоящему не входило в область мысли и духа.

На Северо-Востоке КНР сформировалась новая, оригинальная плюралистическая региональная культура, основу которой заложили древние коренные народы региона – хуася, сушэнь, дунху, вэймо, и потомки которых сохранили богатое и самобытное наследие традиционной культуры. Следующий этап формирования культурной специфики региона был связан с притоком переселенцев – хань, который принес в регион культуру Цзяодун, культуру Цзиньшан, культуру Цзянсу и Чжэцзяна. Третий этап культурного синтеза был связан с распространением русской и европейской культуры. Смешавшись, они образовали новый культурный базис региона, сформировали уникальные особенности характера его жителей – симбиоз отваги и безрассудства, открытости новому и приверженности традициям, почитание природы и требование жизни, согласующейся с законами природы, воплощенные в фольклоре, принцип коллективизма «цзянху», означающий постоянную готовность прийти на помощь другу; особенности мышления, характерные для жителей пограничья и переселенцев, содействовавшие сложению полиэтничности и поликультурности региона [3, с. 211].

Можно резюмировать: особенности исторического и этнокультурного развития Северо-Восточного региона Китая складываются из зависимости от природных ресурсов и связи с окружающей средой, кочевого образа жизни части его коренных народов, прерывистости развития, межкультурной инклюзивности. Это обобщение не только позволяет осмыслить объективные факторы исторического развития Северо-Восточного региона Китая, но имеет и важное практическое значение. Северо-восточная культурная зона не является ни отдаленной периферийной культурной зоной, ни вторичной цивилизационной зоной относительно Срединной Китайской равнины, но стоит в одном ряду с ней и юго-восточной прибрежной зоной. Северо-Восточный регион является одним из трех ключевых регионов Китая, сыгравших важнейшую роль в зарождении и формировании всей китайской культуры и цивилизации. Современный Китай стремится сохранить очарование региональной культуры Северо-Востока, рассказать его историю.

Список источников и литературы

1. Го Д. [Guo Dashun] Читая северо-восточную культуру // Цзилиньская академия общественных наук. Серия: Исследования региональной культуры. 2019. № 6. С. 133-139.

2. Фань Л. [Fan Lijun] Культура мигрантов Северо-Востока. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2018. 286 с.

3. Тун Д. [Tong Daqun] Культура охотников и рыболовов на Северо-Востоке. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2018. 347 с.

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор
Омский государственный педагогический университет (г. Омск)
proffchurkin@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА В ТРАВЕЛОГАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Аннотация: В статье на материале травелогов русских путешественников раскрывается содержание репрезентаций власти и общества Кокандского ханства как объекта геополитических и колонизационных интересов Российской империи. Установлено, что представления власти и общества о восточной фронтирной зоне империи формировались под влиянием путевых очерков, отражавших результаты наблюдений и выполнения разведывательных миссий. Значительный сегмент этих материалов фиксировал характер организации административного управления в Центральной Азии, а также модели общественных отношений в регионах, входивших в орбиту колонизационных предпочтений России.

Ключевые слова: Кокандское ханство, травелог, репрезентации, колонизация, административное управление, общество.

Ситуация актуализации геополитического, социокультурного и торгово-экономического интереса Российской империи к фронтирным регионам, прилегавшим к её восточным пределам в конце XVIII в. – первой половине XIX в., но ещё не ставших, по выражению В. Тольц, «собственным Востоком России» [1], стабильно и давно является частью отечественной и зарубежной историографической традиции осмысления процессов русской колонизации, позиционируемой в постколониальных исследованиях в качестве «внутренней» [2].

Для настоящей статьи существенным видится исторический фон эпохи Просвещения, в культурном «шлейфе» которого формировались представления власти и интеллектуальных элит России о перспективах строительства империи, неразрывно связанных с приращением знаний о степных регионах Цен-

тральной Азии, входивших в орбиту российских геополитических интересов. Хорошо известно, что в истории Европы, принадлежность к которой декларировалась и российскими монархами, XVIII–XIX вв. стали временем не только выдающихся географических и научных открытий, интенсивной колониальной деятельности морских держав, но и мощного интеллектуального прорыва, приведшего к значительной коррекции понятий и концепций о государстве и его назначении. В данном аспекте Россия в указанный период частично освобождается от «пут» изоляционизма времён Московской Руси, а отечественные просветители выражают согласие с европейскими идеями, в основе которых вера в разум и прогресс, демонстрируют широту познаний в гуманитарных и естественных науках.

Вместе с тем российский вариант Просвещения имел более консервативный характер, нежели в европейских государствах, что наглядно выражалось в политических практиках сохранения сословного общества, абсолютизма, деспотических форм и методов власти и администрирования и проявлялось в таком феномене, как «внутренний империализм». По определению Т. Артемьевой, в границах подобной системы «экономическая и культурная экспансия носила амбивалентный характер: с одной стороны, они воспринимались как колониальные завоевания, а с другой – как внутренние преобразования» [3, с. 158], что во многом созвучно с мнением М. Ходарковского, полагающим, что движение России на юг и восток всегда подчинялось строгой логике, в которой экспансия и колонизация оставались определяющими атрибутами имперской политики [4, с. 9].

На рубеже XVIII–XIX вв. Россия проявляет настойчивый интерес к степным периферия Востока, где сходятся интересы крупнейших субъектов международной политики: Цинского Китая, государств Центральной Азии и собственно Российской империи. Значимым актором геополитики региона являлось в исследуемый период Кокандское ханство, освободившееся в конце XVIII в. от гегемонии Бухары и с начала XIX в. реализующее самостоятельный политический курс. Именно Кокандское ханство с обширными территориями Южного Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Восточного Туркестана до побережья Аральского моря и долины Сары-коля, входившими в орбиту колониальных планов России в начале XIX в., рассматривалось в качестве главного конкурента в восточной политике империи. В этот период, с образованием Оренбургской губернии и строительством в её пределах и границах прилегающей степи, населённой казахскими племенами, более шести десятков крепостей, Россия всё глубже внедрялась в степную зону и приближалась к Кокандскому ханству.

Однако стоит заметить, что внешне благоприятные геополитические реальности, с которыми соприкоснулась Россия в Коканде, слабо соотносились с возможностями экспертизы потенциально «своих» территорий, входивших в ареал доминирования ханства. Приобретение знаний о регионе-конкуренте

предполагало наличие специальных учреждений, организованных по типу Министерства колоний в европейских государствах, которыми Россия в проведении восточной политики не располагала. Таким образом, функция имперских экспертов возлагалась преимущественно на служилых людей и частных лиц, в чьи обязанности входило составление отчётов по результатам дипломатических миссий и путешествий в страны экзотического Востока.

По авторитетному свидетельству Г.Е. Катанаева, западносибирское высшее начальство как в воеводское, так и в последующее время активно пользовалось услугами местных служилых людей, особенно казаков, составлявших в первые столетия занятия Сибири главную воинскую силу края [5, с. 195]. Г.Е. Катанаев отмечал, что именно начало XIX столетия стало временем наибольшего оживления взаимоотношений с центральноазиатскими ханствами, что объяснялось созревшим желанием присоединения степей и их обитателей к Российской империи [5, с. 197].

Для воплощения в жизнь этих планов требовалась длительная деятельность подготовительного характера, которая находила выражение в организации путешествий с дипломатическими целями, предполагавшими и выполнение тайных миссий разведывательного характера.

Наиболее показательными здесь можно назвать три экспедиции в пределы Центральной Азии в направлении Кокандского ханства, состоявшиеся в 1813–1814 гг. (переводчик Ф.М. Назаров), 1824 г. (лекарь Ф. Зибберштейн) и 1829–1830 гг. (казачий хорунжий Н.И. Потанин). По итогам этих путешествий руководители экспедиций подготовили и опубликовали отчёты, имевшие ярко выраженную форму травелогов, отразивших эмоциональное восприятие авторами пережитых событий, текущих обстоятельств поездки, описания образа жизни и повседневности автохтонных племён и, что представляется наиболее существенным в рамках статьи, оценки организации и функционирования системы административного управления в Кокандском ханстве, сценариев, форм и способов взаимодействия власти и общества.

Предваряя характеристику репрезентаций означенных структур российскими путешественниками в Коканд первой половины XIX в., отметим общий ориенталистский вектор содержания их путевых опусов, представляющих Восток как «территорию» господства западной культуры и легитимации цивилизационного доминирования Запада по отношению к нему [6]. Центральным аргументом ориенталистской риторики является, во-первых, признание экзотичности восточного мира и стремление к её регулярной репрезентации, во-вторых, непоколебимая уверенность в культурной отсталости народов, в коммуникацию с которыми путешественники были включены по долгу службы. Так, Ф.М. Назаров, повествуя о степных племенах, маркирует их представителей как «беззаботных обитателей», «веселых и беспечных жителей», которые «законов никаких не имеют и утверждаются на одном Алкоране, либо на естественном праве» [7, с. 8; 10]. Для лекаря Ф.К. Зибберштейна представитель

родовой аристократии султан Аблай «во всех отношениях жизни может заменить простолюдимого, а не султана…» [8]. Хорунжий Н.И. Потанин с апломбом цивилизованного европейца иронизирует по поводу воинского строя, амуниции и необычного внешнего облика кокандцев [9, с. 234].

Переводчик Отдельного сибирского корпуса Ф.М. Назаров возглавил посольство в Коканд в 1813–1814 гг. По итогам дипломатического путешествия он подготовил хронологический отчёт, изданный отдельной книжкой Императорской Академией наук в 1821 г. Примечательно само по себе, что на отряд Назарова возлагалась задача сопровождения кокандских посланников, остановившихся в Петропавловске по возвращении в 1812 г. из Петербурга от высочайшего двора Его Императорского Величества. Этот факт априори являлся показательным и свидетельствовал о политическом авторитете и силе Кокандского ханства на международной арене, что накладывало обязательства внимательного изучения потенциального противника в аспекте организации административной системы и общественных отношений [7, с. 2]. Филипп Назаров прошёл дорогой от Омска к Петропавловской крепости, далее вместе с купеческим караваном и посланниками через киргиз-кайсацкую степь добрался до г. Сузак, а затем, двигаясь последовательно через Чимкент и Ташкент, прибыл в Коканд. Перемещаясь в течение двух лет по Ферганской долине, Ф.М. Назаров имел возможность детального ознакомления с системой управления территорий, входивших в юрисдикцию Кокандского ханства, а также общественной жизнью и настроениями населения. В частности, Назаров очень уверенно проводил демаркационную линию, которая в его представлениях разделяет в Центральной Азии формы догосударственного (племенного) и государственного порядка. Так, по его мнению, только в пределах Туркестана как наместничества Кокандского ханства «путешественник встречает более образованности в гражданской жизни, начинает видеть… постоянные селения… красивые города» [7, с. 29] и хорошо организованную систему управления, основу которой составляют «законы, совершенно представленные в руки духовенства» [7, с. 30]. Характеризуя общественный уклад, Назаров резюмировал: «Туркестанца видишь уже не таким свободным, вскормленным природой среди степей человеком, каков киргиз; он сжат, скрытен, надменен и уже знает различные ухищрения и обманы, к несчастью, столь тесно соединённые с гражданской жизнью» [7, с. 30]. Симптоматично, что в описании отношений власти и общества непосредственно Коканда Ф. Назаров, оказавшись под обаянием местной экзотики («жители совершенно ни в чем не нуждаются и ведут жизнь, можно сказать, щастливую, имея у себя большие фруктовые сады и пашни» [7, с. 60]), вскоре обращает внимание на произвол властей, репрезентируя этот факт как очевидное проявление деспотического уклада общественной жизни: «…Чиновники бьют людей нещадно плетьми по головам и давят лошадьми», подчёркивает культурные различия между автохтонами и путешественниками: «Народ, когда замечал, что мы без тамошних чиновников, то бежал за нами

толпами, кидал в нас каменьями и кричал: Кафар! Кафар! т.е. безбожники» [7, с. 65].

Путевые заметки лекаря Ф.К. Зибберштейна были составлены по поручению западносибирского генерал-губернатора П.М. Капцевича. В октябре 1824 г. Зибберштейн был отправлен в составе военной экспедиции полковника Ф.К. Шубина в Старший Жуз и в Северную Киргизию для сбора сведений о торговых путях в Центральную Азию. За восемь месяцев путешествия он собрал большой материал не только о природе региона, но и административно-политическом устройстве подвластных Коканду земель, образе жизни и правовых порядках кочевого населении Южного Казахстана и Северной Киргизии, в т.ч. «закаменных» киргизов [8]. По мнению автора вступительной статьи к заметкам М.П. Вяткина, к одному из очевидных достоинств травелога Ф.К. Зибберштейна относится попытка детального описания взаимоотношений между владельцами Большой Орды, признававшими сюзеренитет Кокандского ханства в контексте системы общественных коммуникаций в Центральной Азии [8]. Значимость записок Зибберштейна определяется и тем, что в них фиксируются представления русских военных и путешественников о степени лояльности периферийных вассальных племён Кокандского ханства по отношению к России. В данном плане оценки административного устройства и общественных связей кочевников, представленные в путевых записках Ф.К. Зибберштейна, можно рассматривать как заключение имперского эксперта, могущего послужить руководством к принятию важных геополитических решений в Центрально-Азиатском регионе.

В 1829–1830 гг. очередное путешествие в Коканд было предпринято отрядом под руководством казачьего хорунжего Н.И. Потанина. Следует подчеркнуть, что, в отличие от предшественников, экспедиция Н.И. Потанина проходила в условиях изменившейся внешнеполитической ситуации (стабилизировались позиции России в Центральной Азии) и лучшей технической оснащённости экспедиционеров (практика маршрутной съёмки стала повсеместной), что актуализировало экспертно-разведывательные цели дипломатических миссий в Центральную Азию и, в частности, в Коканд. Описание земель, входивших в спектр доминирования Коканда (Туркестан, Сузак, Чимкент), репрезентируются в травелоге как зона имперских интересов России. Во многом поэтому в эпицентре внимания Потанина, как имперского эксперта, по большей части оказываются не ориенталистски-экзотические сюжеты административной организации вероятного противника на Востоке, а культурно-политические сходства, которые рассматриваются как благоприятное условие будущей колонизации: «Взорам путешественника представляются в странах этих уже не дикие, бесплодные пустыни, не народы, переходящие с подвижными жилищами и многочисленными стадами с одного места на другое, не имеющие понятия о выгодах благоустроенных обществ… здесь он видит повсюду поля… обширные города и многие селения, видит народ, соединённый в поли-

тическое тело, достигший некоторой степени гражданской образованности…» [9, с. 210].

Таким образом, Кокандское ханство, активно включаемое в первой половине XIX в. в локус российской внешней политики и колонизации, становится объектом имперской экспертизы, что сопровождалось репрезентациями организации власти и общества восточного государства в травелогах российских путешественников. Результатом этой работы являлось формирование представлений политических элит России и социума о широком спектре социально-экономических, политических, культурных интересов России в Центральной Азии, перспективах колонизационного процесса.

Список источников и литературы

1. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

2. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

3. Артемьева Т. «Особливая часть света»: формирование государственной идентичности России в XVIII веке // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 155-186.

4. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

5. Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии // Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина. СПб., 1909. С. 192-203.

6. Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2005. 636 с.

7. Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика. СПб., 1891. 98 с.

8. Путевые записки лекаря Зибберштейна. URL: https://drevlit.ru/docs/ central_asia/XIX/1820-1840/Zibberstein/text.php (дата обращения: 22.02.2022).

9. Потанин Н.И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина // Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина. СПб., 1909. С. 203-258.

Моисеев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
moiseev-tpg@rambler.ru

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ АФГАНИСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ПО ИЗВЛЕЧЕНИЯМ ИЗ СОЧИНЕНИЯ «АФГАНСКИЙ ВОПРОС» (ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭТЮДЫ) ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОГО ПОЛКА ШТАБС-КАПИТАНА П.А. РИТТИХА

Аннотация: Афганский вектор внешней политики Российской империи на рубеже столетий становится одним из наиболее приоритетных в рамках противодействия устремлениям англичан в реализации очередного этапа «Большой игры». Так, Афганистан рассматривался английской стороной в качестве площадки для создания своеобразного буфера в виде подконтрольного государства, с помощью которого можно было нейтрализовать продвижение России в этом регионе. Предлагаемый в статье аспект посвящен анализу состояния афганских вооруженных сил Петром Александровичем Риттихом, являвшимся в 1905 г. секретарем Среднеазиатского отдела Императорского общества востоковедения и, соответственно, имевшим доступ к актуальной информации.

Ключевые слова: Афганистан, войска, артиллерия, кавалерия, пехота, вооружение, армия, англичане, Российская империя.

В начале 1880 г., после повторного занятия англичанами Кабула, афганский эмир Якуб-хан был пленен и отправлен в Индию [1]. Государство без правителя, частично оккупированное иностранными войсками, оказалось на грани хаоса. Английские интервенты оказались в условиях массовой партизанской борьбы. Эту ситуацию решает использовать Абдурахман-хан, который весной 1880 г. оставляет Самарканд и объявляется в Афганском Туркестане [1]. В мае 1880 г. Абдурахман-хан на собрании афганских старшин (дурбаре) избирается эмиром Афганистана, а 24 июля 1880 г. становится законным правителем страны, затем новый эмир начинает активно укреплять свою власть.

Начиная с 1883 г. Абдурахман-хан получает от англо-индийского правительства годовую субсидию в размере 1200 тысяч рупий (позднее – 1800 тысяч рупий) для строительства оборонительных сооружений и принятия иных мер на северо-западной границе страны. Этот афганский правитель понимал сложность положения своей страны, оказавшейся в зоне конкуренции двух империй, и, играя на их противоречиях, сумел закрепить относительный суверенитет государства. При этом он создавал максимальные препятствия для получения концессий иностранцами и препятствовал въезду чужеземцев. Весь период правления Абдурхман-хана в Афганистане был связан с постоянными боевыми действиями, подавлением многочисленных бунтов и восстаний, что повлияло на формирование у него особого отношения к армии [1]. Так, он считал,

что безопасность от внешних угроз, в т.ч. со стороны России, может быть обеспечена только при наличии подготовленной армии в количестве не менее одного миллиона человек [2, с. 16].

Особое внимание к положению в Афганистане российские заинтересованные ведомства проявляли, исходя из небезосновательных предположений, что на территории этой страны, вероятно, будут происходить столкновения русских войск с англичанами, либо она послужит плацдармом для продвижения в Индию. Таким образом, возникла потребность в актуальной информации об афганских вооруженных силах, уровне их подготовке, количестве, местах дислокации и т.д. Получение такого рода сведений было сопряжено с рядом трудностей, т.к. афганцы стремились по возможности сохранить эти данные в тайне. Тем не менее, используя различные источники, российская сторона сумела составить представление об армии Афганистана на рубеже столетий.

П.А. Риттих определял количество афганских регулярных войск на начало века в 90 000 солдат и офицеров, а ополчение составляло цифру примерно 400 000 человек. Внутренняя организация выглядела следующим образом: при эмире действовало центральное управление, находившееся в Кабуле и состоявшее из канцелярий, ведавших отделами управления и снабжения войск, особенностью их являлось соединение вопросов военного и гражданского содержания. Отдельной структурой было казначейство, обеспечивающее военный бюджет. Главнокомандующим (сердар-саляром) являлся брат афганского правителя Насрулла-хан [2, с. 50]. Командование войсками вЕратской, Кандагарской, Мазари-Шарифской провинциях осуществляли особые лица (супехсаляры), назначаемые эмиром. В Кабульской провинции командующим войсками являлся Насрулла-хан [3].

Пехота (низами) состояла из полков или батальонов (пальтанов, пальтани) по 700 человек, 4 гвардейских полка насчитывали 4000 бойцов. Комплектовались эти подразделения по провинциям с сохранением наименования по месту проживания (ератская, кабульская) или по названию племен. Батальоны разделены на роты по 100 человек, которые делились на полуроты (камбу), те, в свою очередь, были разделены на отделения (пайра) по 6 человек в каждом. Командир полка назывался корнейль, командир роты – кифтан. Особое предназначение было у муллы, который должен был читать молитвы по Корану и обучать офицеров уставным словам и командам [2, с. 51].

Афганская кавалерия (суваре) состояла из полков (риссале) по 400 человек, трех гвардейских полков по 800 всадников в каждом. Полки разделялись на сотни (турпы), на полусотни и отделения по 6 человек. Всего насчитывалось 40 регулярных и 3 гвардейских кавалерийских полков. Лошади являлись собственностью всадника, находились под его полным попечением, причем использовались в афганской кавалерии «исключительно жеребцы» [2, с. 51].

Артиллерия включала в себя полевую (джелави), горную (катыри), вьючную, тяжелую (фили), крепостную (гави). На время сбора информации об аф-

ганской армии насчитывалось до 100 батарей (туп-хане) полевой и горной артиллерии по 6 орудий в каждой. Артиллеристы были сведены в полки по 700-1000 человек в каждом.

Инженерные войска представляли собой объединенные в два полка подразделения саперов и минеров (сафар-майней) по 1000 человек, управляемые по аналогии с пехотой.

В военное время из названных трех родов войск формировались отряды с разнообразным вооружением. В мирное время тактические соединения не создавались, но при этом войска постоянно нарабатывали боевую практику под руководством генералов на маневрах и учениях, а также при подавлении восстаний и бунтов. Войска расквартировывались в главных стратегических пунктах страны. На границе с территорией Российской империи это были Герат, Мазари-Шариф и Файзабад. Основная часть регулярных войск располагалась в населенных пунктах Кабул, Джелалабад, Асмар, Газни, Кандагар.

Подразделения вспомогательного назначения состояли из нестроевых команд канцелярий, складов вооружения и продовольствия, обозов.

Количество милиции на 1894 г. определялось в 23 000 человек. Милиция разделялась на пешую (хас-сардары), разделенную на сотни (байрак-знаки), и конную (суркари-сур), также разбитую на сотни (турп).

Комплектование армии и милиции осуществлялось по неурегулированной системе всеобщей воинской повинности. Главная проблема заключалась в различных количественных нормах для провинций и отдельных племен. Так, в провинции Герат набор осуществлялся по селениям или арыкам пропорционально числу жителей [2, с. 52]. Отбор рекрутов проходил в присутствии представителей населения и уполномоченных офицеров и гражданских лиц. При этом практиковался откуп (взятка) от прохождения службы, которая по закону считалась обязательной. В результате основная масса солдат в войсках состояла из представителей беднейших слоев населения страны.

Призывной возраст составлял от 18 до 35 лет, срок службы 18 лет. Новобранцы, не попавшие в регулярную армию, приписывались в резерв и имели право на получение небольшого жалования, выплачиваемого в натуральном варианте.

Пешая милиция комплектовалась по аналогии с регулярной армией, а конная – по решению ханов, вынужденных проводить такой набор.

В вооруженном ополчении состояли мужчины, способные носить оружие, в возрасте от 16 до 70 лет. Однако реальное воинское обучение резерва практически не производилось. Воинская обязанность распространялась на всех жителей Афганистана за исключением узбеков, которые считались негодными для военной службы и должны были платить за это налог.

Отдельной проблемой для афганской регулярной армии являлся дефицит офицерских кадров. Офицерами могли стать аристократы; военнослужащие из нижних чинов за боевые заслуги либо имевшие большой срок военной выслуги;

лица, закончившие военную школу в Кабуле или сдавшие в ней специальный экзамен. Для обучения офицеров использовали переведенные иностранные воинские уставы, но, как показала практика, эта мера не дала желаемых результатов, в итоге афганские командиры в большинстве своем оставались малограмотными и неспособными к управлению вверенными подразделениями.

Получение должностей и званий, а также карьерный рост в армии в значительной степени зависел от размера взяток для вышестоящего начальства [2, с. 55]. Высшие должности в войсках были закреплены за представителями рода баракзаев [4].

Регулярные подразделения афганской армии располагались в казармах, находившихся в больших городах страны. При этом проживание в них не являлось обязательным, т.к. каждый военнослужащий получал жалованье и находился на самообеспечении. Обучение войск происходило ежедневно, кроме пятницы. Отрабатывались стрельба, бег, маршировка, повороты в движении, штыковой бой, маневры в составе подразделения с использованием холостых патронов. При этом наблюдатели отмечали большое желание у солдат к обучению военному делу.

Положение с воинской дисциплиной оставляло желать лучшего с точки зрения офицера российской армии. Вне службы солдаты и младшие офицеры могли находиться в дружеских отношениях, но при выполнении служебных обязанностей существовало полное и беспрекословное повиновение. При этом имелось взяточничество и постоянные конфликты между представителями различных племен. За допущенные провинности к военным в качестве наказаний применялись штрафы, заключение в тюрьму, за совершение тяжких преступлений возможным было применение смертной казни.

На вооружении афганской армии в этот период имелись изготовленные в Кабуле по английским образцам магазинные ружья, а также присланные из Англии магазинные ружья. Кроме того, в пехоте и части кавалерии использовались ружья системы Генри-Мартини, Снайдера и Ли-Метфорда [5]. Милиция была вооружена старыми пистонными ружьями, казнозарядными ружьями, саблями, пистолетами, бывшими ранее в пользовании регулярной армии.

Отправленных в 1903 г. в Пешавар из Эссена 12 скорострельных горных орудий, 18 полевых орудий и 2 гаубицы, также снарядов и заготовок для изготовления в мастерских Кабула собственных пушек по английским образцам не пропустили англичане, результатом чего стало отсутствие скорострельной артиллерии как таковой. На вооружении афганской регулярной армии имелись казнозарядные орудия (думбаля-нур), сделанные в кабульских мастерских по английским образцам; горные системы Як-Кобза; горные, полевые и крепостные, системы Пан-пур; заряжаемые с дула, системы Дахан-пур. Кроме перечисленного, имелись также двуствольные и одноствольные пулеметы. В стране на этот период существовали три арсенала в Кабуле, Герате и Мазари-Шарифе, два завода по изготовлению пороха – в Кабуле и Мазари-Шарифе.

Форменная одежда в регулярной афганской армии была, однако классифицировать ее чрезвычайно сложно по причине крайнего разнообразия обмундирования. Форму носили военные на службе, за использование форменного обмундирования полагался вычет из жалованья. Вне службы военная форма не использовалась.

В качестве снаряжения пехотинцы и саперы использовали носимые через плечо патронташи с 30 патронами в мирное время, в военное время добавлялись три поясные сумки с 12 патронами каждая. Кроме этого, каждый пехотинец должен был иметь хлебный мешок с 3-дневным запасом и жестяную флягу для воды. Саперам полагались также кирка и топор, лопаты возились на телегах в обозе.

Денежное содержание являлось достаточно низким по афганским меркам и зависело от рода войск, а также местопребывания подразделения. Солдат-пехотинец получал в среднем от 5 рублей, кавалерист от 13 рублей, офицерское жалованье составляло от 8 рублей в пехоте и от 16 в кавалерии. Низкий уровень денежного содержания являлся причиной денежных поборов как с нижних чинов, так и с местного населения. Жалованье милиционеров составляло еще меньшую сумму [2, с. 59].

Тыловое сопровождение войск осуществлялось вьючными обозами. На каждый полк полагалось 100 вьючных лошадей, при отсутствии таковых использовались лошади, изымаемые у населения по нарядам. В кавалерии вьючными лошадьми обзаводились самостоятельно. В артиллерии на одно орудие полагалась одна казенная вьючная лошадь. Армейский резерв перевозочных средств состоял из 24 000 казенных лошадей, 60 000 верблюдов, а также значительного числа слонов и мулов. Вопросами обеспечения продовольствием подразделения регулярной армии занимались самостоятельно, т.к. финансирование из военного бюджета на эти цели не было предусмотрено. Продукты изымались у населения, которому предоставлялись квитанции, дававшие определенные льготы при уплате налогов. В некоторых случаях население прямо обязывалось содержать за свой счет квартируемых солдат. Для обеспечения армии в военное время использовались специальные склады с запасами продовольствия [2, с. 60].

К концу XIX в. афганская армия стала достаточно боеспособной, что позволило Абдурахман-хану создать централизованное государство после подавления сопротивления различных племен и ликвидации сепаратистов из числа феодальной знати. Новый правитель Хабибулла-хан столкнулся с серьезным давлением англичан и был вынужден пойти на соглашение с ними, в частности по вопросу оказания военной помощи в борьбе с пуштунскими племенами. Регулярной армия становилась в рамках единого, централизованного, феодального афганского государства. Одновременно с сохранением традиционных форм происходили изменения в организации афганских вооруженных сил. Военные контакты с Англией оказали определенное воздействие на процесс реформирования армии, использовался также турецкий опыт.

В итоге афганская армия приобрела возможности для ведения активных боевых действий, о чем свидетельствуют факты, представленные П.А. Риттихом, имеющие высокую степень достоверности. Однако общий уровень состояния вооруженных сил Афганистана в данный период, исходя из анализа вышеизложенного материала, свидетельствует о том, что к участию в масштабном конфликте афганская армия не была готова. Максимальные ее возможности ограничивались локальными вооруженными столкновениями. В условиях прямого противостояния с войсками Российской империи при отсутствии помощи со стороны англичан вероятность успеха была крайне маловероятной.

Список источников и литературы

1. Абдур-Рахман (эмир Афганистана). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/758476# (дата обращения: 20.02.2022).
2. Риттих П.А. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды). Лейб-гвардии Егерского полка, штабс-капитана. СПб.: Типография Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1905. 90 с.
3. Харатишвили Г. Афганистан, Англия и Россия в конце XIX в.: проблемы политических и культурных контактов по «Сирадж ат-таварих». URL: https://iknigi.net/avtor-genriko-haratishvili/145955 (дата обращения: 22.02.2022).
4. Страницы истории Афганистана. URL: https://afg-hist.ucoz.ru/photo/fotografija_1/41-0-745 (дата обращения: 23.03.2022).
5. Стрелковое оружие, боеприпасы, приспособления и аксессуары XIX–XXI вв. URL: https://weaponland.ru/load/vintovka_martini_henry/153-1-0-900?ysclid=l (дата обращения: 12.04.2022).
6. Ганковский Ю.В. История вооруженных сил Афганистана 1747-1977 гг. М., 1985. 64 с. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=197563 (дата обращения: 15.04.2022).

Проскурин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Общество «Германия – Казахстан» (г. Берлин, ФРГ)
Международная академия информатизации (г. Алматы Республики Казахстан)
semirek@inbox.ru

ЗАГАДОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ БИОГРАФИИ СВЕТОПИСЦА ОРДЭНА

Аннотация: Возникновение науки и практики в памятнико-охранном деле Верного (ныне – город Алматы) и окрестных поселений Семиреченского края (на юго-востоке нынешней Республики Казахстан) значатся в найденном

жертвенном алтаре и доставленном Императорской Археологической Комиссией в фонды Эрмитажа, названного специалистами «Большой Семиреченский алтарь». Его случайная находка в 1894 г. верненского кладоискателя Степана Егорина стала важнейшей для реконструкции истории и культуры Семиречья.

Ключевые слова: памятники истории и культуры Верного, археология, фотодело, архитектура, этнография, народности России, Семиречье, Кульджинский край, Восточный Туркестан, Кавказ, Персия.

В статье представлены материалы о творческих изысканиях и фоторабо-тах Ордэна, или Ф. ОрдэN, так он таинственно значится на снимках. По всей вероятности, перед нами творческий псевдоним с заглавной латинской буквой N. Его этюды светописи середины XIX в. (светопись, или фотопись, – получение изображения засвечиванием фотобумаги, на которой расположены различные по своей прозрачности предметы) хранятся в фондах Национальной электронной библиотеки Санкт-Петербурга, в оцифрованном четырехтомном альбоме под названием «Кавказ и Средняя Азия». В альбоме представлено более чем полтысячи этнографических сюжетов так и не установленного до наших дней автора ни по биографии, ни по времени и месту съемки. Исследователи полагают, что автором был загадочный фотограф Ордэн, мастер светописи памятников истории и культуры, архитектуры и этнографии, природных явлений, религии, быта и традиций народов и народностей нынешнего Казахстана. Несмотря на видимую атрибутику фотомастера, наследие Ордэна с годами не становится более известным. В справочной литературе его полное имя, биография, местонахождение художественных салонов до настоящего времени так и не обнаружены.

Писатель Юрий Домбровский, репрессированный в 30-е гг. XX в. в Казахстане, хранитель древностей, культуры и истории старой Алма-Аты, автор сценария фильма «Шествие золотых зверей», использовал в своих работах мотивы находки Семиреченского алтаря. Искусствовед Эрмитажа Александр Стрелков, человек советской эпохи такой же нелегкой судьбы, расстрелянный в Ленинграде в 1938 г., написал перед трагической развязкой жизни научную статью «Большой Семиреченский алтарь» (изданную отдельной брошюрой), с полным описанием находки казака Степана Егорина. Но имя и дело востоковеда А.С. Стрелкова не стало востребованным в современной исторической науке.

В научном изыскании – от случайной находки «Алтаря» до гужевой доставки груза из Верного в Петербург – приняли участие чиновники Областного военно-гражданского управления Семиречья. Там была создана группа из ученых-археологов, востоковедов, краеведов под началом военного губернатора А.Я. Фриде и его помощников Н.А. Аристова, Н.Н. Пантусова, Н.М. Изразцова. Среди энтузиастов оказались архитектор П.В. Гурдэ, художник Н.Г. Хлудов и фотограф Ордэн (так он значился в документах). Каждый из

верненцев и командированных в группу энтузиастов внес свой вклад в востоковедение через создание ими самобытных музеев, библиотек, архивов [1, 7].

Губернатор Алексей Фриде после верненского землетрясения 28 мая 1887 г. собрал и отправил в Кунсткамеру свидетельства катастрофы, оружие охраны одной из солдатских казарм. В одной из трещин грунта после землетрясения в Верном был извлечен китайский стол – жертвенник. Это был уже не первый случай в археологической жизни Семиреченской области. Благодаря привлеченным и заинтересованным служащим и ученым Петербурга, Ташкента, Москвы, краеведческим организациям Туркестанского края и Западной Сибири случайная находка верненского кладоискателя приобрела важное научное значение, а светописец Ордэн сделал фотоснимки Семиреченского алтаря [2, 3, 5].

Казак Семиреченского казачьего войска Степан Егорин, переселенец выселка Мало-Алматинский, во время хозяйственных работ обнаружил на пашне клад, получивший известность среди местных чиновников, казаков и атаманов. «Алтарь», условно названный археологами как «Большой Семиреченский», был обнаружен на Старой Кульджинской дороге в июле 1884 г. в 1,5 версты от Верного. Прямоугольный жертвенник размером 110 × 1240 мм, высотой до 330 мм, отнесенный к V–III вв. до н.э., представлял собой стол бронзового литья на четырех ножках-копытцах, на бортиках его скульптурные изображения верениц диких зверей по космогоническим и зооморфным сюжетам [2]. По краю стола находились фигурки монстров, исполненные в зверином стиле; первоначально их было тридцать, сохранилось двадцать пять. Грубовато моделированные фигуры обходят стол бесконечной мрачной процессией. Вероятно, использовался образ снежных барсов с массивными круглыми головами на толстых коротких шеях. У животных настороженные уши, приоткрытые рычащие пасти, а загривок плавно переходит в уплощенный завиток. Возможно, это сомкнутые до неузнаваемости крылья, поднятые над спинами стилизованных зверей.

В последние годы XX столетия этот памятник материальной культуры древности вновь вызвал научный интерес таких исследователей, как Ильяс Самигулин, Владимир Проскурин, Алексей Рогожинский, Валерия Прищепова (Вишневецкая), Светлана Горшенина и др. Документы, выявленные ведущим археологом А.Е. Рогожинским в Центральном государственном архиве Казахстана (Алматы) и Научном архиве ИИМК РАН (Петербург), позволили обратить внимание современников на проблемы сохранения памятников истории и культуры, а также противодействия частному «гробокопательству» (так называли в прошлом самодеятельные археологические раскопки) [2].

Искусствовед Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) В.А. Прищепова, много лет изучающая культуру, автор десятка научно-популярных работ, также обратила внимание на фотографов и художников Российской империи, отразивших в своем творчестве историю и быт народов Средней Азии и Казахстана [4]. Изучение коренных этносов требовало от ученых-востоковедов и «мастеров светописи», находящихся в экспедициях, не только умений в быту

и хозяйстве, знаний традиций и языка, но и наличия физической силы. Фотоаппаратура и снаряжение были громоздкой, тяжелой и не приспособленной ношей как для проводников, так и для гужевого транспорта. Дорогостоящие стеклянные и весьма хрупкие фотопластинки портились и ломались в дороге во время горных переходов и водных переправ. Фотодело в Семиреченском крае XIX в. было непозволительной роскошью, светописные изображения «Алтаря» обошлись в круглую сумму. Об этом свидетельствует расписка фотографа Ордэна от 31 июля 1884 г. в получении от Н.Н. Пантусова, агента Археологической Комиссии, 6 рублей за 6 экземпляров фотоснимков [1, 2, 3].

В фондах Российской национальной библиотеки (портал Национальной электронной библиотеки Санкт-Петербурга) хранится четырехтомный альбом Ордэна под названием «Кавказ и Средняя Азия» [6]. В многотомнике представлена 541 фотография памятников архитектуры и природы, истории и культуры, флоры и фауны, предметы обихода многообразной жизни народов и народностей. В первом томе можно увидеть города Верный, Кульджа (территория КНР), уездные города Семиреченской области. Из долгих путешествий по Семиречью Ордэн привозил неповторимые по содержанию и прекрасно выполненные фотосюжеты. Среди фотографий в Кунсткамере сохранились авторские почтовые открытки Верного и уездных городов Семиречья, пронумерованные и содержащие до сотен неизвестных или малодоступных достопримечательностей, где отразились фрагменты истории до и после крупнейшего землетрясения 1887 г., уничтожившего до основания старую архитектуру городов и станиц Семиречья.

В ходе изучения альбома выяснилось, что биография и творчество светописца покрыто тайнами, загадками и домыслами. Это нашло отражение в филокартии, в новых книгах по истории фотографии. Снимки Ордэна вошли в коллекции стран Старого и Нового света и ныне хранятся в собраниях музеев России, Германии, Австрии и Швейцарии. Не очень понятно, почему об Ордэне нет сведений в известных фотомастерских Ташкента, Баку и Одессы, где работал светописец. Например, отсутствует информация из туркестанского Петро-Александровска (ныне Турткуль, столица Каракалпакии), где, кроме него, работали известные художники-фотографы С.М. Прокудин-Горский, С.Ф. Николяи, художник Н.Н. Каразин, востоковед С.М. Дудин [5]. При этом все фотомастера и художники из Петро-Александровска стали инициаторами строительства и благоустройства Закаспийской железной дороги. Фотограф Прокудин-Горский впервые создал цветные фотографии мостостроения через Амударью, первой железной дороги от Каспийского моря до старинных городов Самарканда и Ташкента. Среди коллег Ордэна отметим художников Арнольда Бальдингера, Франца Рубо, оставивших в наследие батальные и бытовые сцены присоединения Туркестанского края к России. Словом, десятки деятелей отечественной и зарубежной литературы и искусства внесли значимый вклад в создание истории Туркестанского края.

Фотографии мастера Ордэна Средней Азии и Казахстана, Кавказа и Балкан, Азербайджана и Бессарабии, Греции и Турции 1880-1890-х гг. знакомы многим исследователям-филокартистам. Некоторые из них называют автора анонимом или превращают псевдоним с буквой N в сочетание русских букв (Н. Ордэн). Другие исследователи полагают, что фамилия автора Hordet обозначена по-французски, иные считают, что по-венгерски, следующие – по-немецки с разным написанием заглавных букв M, F или W, или некоего тайного знака азбуки. Обилие историко-географических аннотаций на стеклянных негативах и фотооткрытках, написанных кириллицей, свободное владение русским языком вплоть до мелочей позволяют предположить, что Ордэн был россиянином Северо-Западного края. Но он не был «местным, т.е. верненским мастером портрета и почтовых открыток», как утверждают некоторые ученые [2]. Вероятная география экспедиций в качестве фотографа, этнографа и бытописателя Азии, России, Кавказа и иных сопредельных стран, известная сегодня, не предоставляет возможности специалистам для детального изучения биографии Ордэна [2, 3, 4].

Несмотря на то, что в последние годы авторы историко-биографических научных работ используют значительные массивы архивных документов, ситуация с Ордэном и историей Большого Семиреченского алтаря не изменилась. Так и остались не установленными сведения о кладоискателе старины казаке-семиреке Степане Егорине и фотографе Ордэне.

Серия снимков альбома фотографа Ф. ОрдэN (так он обозначал себя на изображениях коллекции «Кавказ и Средняя Азия») дает в настоящее время возможности специалистам в области этнической культуры для широких изысканий. Доступная для исследований коллекция светописца включает в себя портреты ханов Коканда, Хивы, Бухары и беднейших дервишей Семиречья, сцены из жизни казахов (киргизов), хивинцев, кокандских узбеков, бухарских и кашгарских сартов, таджиков, туркмен-текинцев, евреев, персов, монголов, цыган, ногайцев. Фотомастер отразил в своем творчестве строительство и благоустройство новых городов Туркестана и возведение железнодорожных станций Закаспийского края. Впечатляют сюжеты мастера, посвященные традициям и обычаям местного населения, например, праздник казахов, где в юрте располагались молодожены, повязанные в саукеле на свадьбе, или гости в национальной одежде, сидящие верхом на лошади, аульные дети с игрушками. Среди известных работ мастера – уважаемые мужи, один из них шаман с бубном на коленях, «Шаманка» с двумя названиями, «Киргизка-плясунья», семьи дунган, уйгур (таранчинцев) в традиционной одежде, устройство китайского двора и быта, изящной пагоды, музыкального театра, представителей различных народностей в составе войска, портреты маньчжурских генералов и простолюдинов в фас и в профиль, тела, обнаженные до пояса [6]. В этом и состоит разнообразное искусство талантливого, но неизвестного фотографа Ф. ОрдэN.

Список источников и литературы

1. Стрелков А.С. Большой Семиреченский алтарь // Сборник к 50-летию научно-общественной деятельности С.Ф. Ольденбурга. Л., 1934. С. 477-493.

2. Рогожинский А.Е. История одной полузабытой находки и опыт организации охраны археологических памятников Семиречья в конце XIX в. (по архивным источникам) // Известия АН Республики Казахстан. Серия обществ. наук. 2011. № 3 (282). С. 184-195.

3. История изучения археологических памятников Семиречья // Археология Семиречья 1857–1912 гг. / сост. И.М. Самигулин. Алматы, 2011. С. 10-11; 77-86; 88.

4. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX веков в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011. 452 с.

5. Проскурин В.Н. Ордэ Ф. // Жизнь и судьба генерала Колпаковского. Алматы, 2018. С. 225-226; 98-313; Проскурин В.Н. Эпоха зодчих Зенковых. Алматы, 2016. С. 103, 144.

6. Кавказ и Средняя Азия. Альбом фотографий Ордэн, Т. 1-4, б.м., б.г., РНБ. Ф. Ордэн. Кавказ и Средняя Азия. № 1541. С. 70. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010795914; Портал «Русский Туркестан». URL: https://rus-turk.livejournal.com (дата обращения: 20.02.2022).

7. Горшенина С.М. Фотография и царская колониальная администрация Туркестана: конструируя историю и место между прошлым и будущим // Вестник международного института центральноазиатских исследований. 2021. Вып. 31. С. 45-87.

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук
Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
ayarkov@rambler.ru

О СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И УММЫ УРАЛА И СИБИРИ

Аннотация: Статья посвящена анализу отношений власти и региональной уммы в XVIII в. Они зависели от внешних факторов и меняющейся структуры российского общества, где учитывался приоритет Русской православной церкви. В Западной Сибири и на Урале удельный вес мусульман по отношению к христианам был небольшим, но они были важны для стабильности социума.

Ключевые слова: XVIII в., Урал, Западная Сибирь, региональная умма.

Пётр I реформировал систему управления государством, внеся изменение и в статус Русской православной церкви (РПЦ), но поддерживал идею христианизации всего пространства Урала и Сибири. Принималась во внимание полиэтноконфессиональность региона (с 1709 г. в Тобольская губерния простиралась от Соликамья до Камчатки, а некоторое время включала и Аляску).

Государственная власть контролировала соотношение православных и «иноверцев» (особо мусульман и иудеев), а также характер их расселения, мнение РПЦ учитывала, но из политических и экономических интересов не стала ограничивать имущественные права «иноверцев». При этом, конечно, она не поощряла заселение ими ряда территорий, например, на Алтае, где имелись кабинетные земли.

В 1766 г. Тобольская духовная консистория, например, доносила, что, проживая «своими домами» или на подворьях у православных, иные из мусульман селились в 10-250 саженях от церквей [1, с. 134].

Непрекращающаяся череда башкирских восстаний (там участвовали преимущественно мусульмане, не только башкиры) потребовала сократить размах народных выступлений и поставить под контроль все группы, обладавшие реальным влиянием. Исходя из ситуации, власти стали менять «конструкцию» отношений: «инородцам» предложили принять участие в работе Комиссии для написания нового Уложения. От Западной Сибири в Комиссию были избраны 2 бухарца и 2 новокрещёных ясачных, а от служилых мещеряков Исетской провинции – 2 мулл.

При этом принципиальных основ государственной идеологии эти изменения не затронули. Так, в «Наказе» для Комиссии Екатерина II подчеркнула приоритет православия и значимость миссионерства: «И нет подлинного иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно было всех наших овец паки привести к истинному верных стаду».

Императрица продекларировала гуманистические (по тем временам) идеи, созвучные высказываниям некоторых деятелей европейского Просвещения: «В том великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их разных вер». В документе содержалась и стратегическая цель: «Гонение на человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» [2, № 12949]. Другой вопрос, что декларация не стала реальностью, и полноценного диалога власти и общества в тот период (и в целом по России) не могло быть.

Избираемые в Комиссию депутаты должны выражать интересы единоверцев и соплеменников, чего в действительности не всегда удавалось. Хотя, изу-

чив поступившие депутатам наказы, С.Ф. Тишкин заметил, что религиозные вопросы уже «потеряли былую остроту» [3, с. 55]. Тем не менее, по мнению И.К. Загидуллина, главные требования мусульман заключались в трёх аспектах: реанимировать положение, существовавшее до массовой христианизации; юридически закрепить статус и прежние нормы мечетной махалли, а также возродить традиционный быт сельской уммы и нормировать отношение к администрации и РПЦ к этим институтам; способствовать формированию цивилизованных отношений между мусульманами и православными на уровне служителей культа и запретить дискриминацию в сфере публичного исполнения ритуалов [4, с. 67]. Попытки выстроить на местах новые отношения не изменили всей государственной системы, опирающейся на христианские ценности.

Явное или скрытое неприятие государственных приоритетов существовало в массах «иноверцев» (к которым, заметим, относили и старообрядцев), отражалось в «народных сочинениях». И все же образ Екатерины II как просветительницы и благодетельницы, сочетая рациональные и иррациональные аргументы, не только культивировался властью в соответствии с идеей «просвещённой монархии», но и поддерживался в сознании и фольклоре части сибиряков (в т.ч. мусульман). В тюркских источниках XIX – начала XX в. почтительно называли «царицей-бабушкой» («Аби-паша»).

Общество не было монолитным. Имели место как реальные, так и надуманные противоречия даже между племенами и этносами, которые оказались разделёнными верой и статусом. Так, башкиры Ногайской, Казанской, Сибирской и Осинской дорог в своём наказе Комиссии по составлению проекта «Нового уложения Русского государства» писали: «Между нашего башкирского народа ученых людей ныне стоит довольно» и поэтому не стоит назначать волостными писарями мещеряков [5, с. 55].

Замечено, что, исходя из имеющихся земельных проблем, мещеряки из Симбирской и Нижегородской губерний именно в тот период устремились на восток [6, с. 38], но при этом не имели помощи при переселении и на земли башкир, «оставались, в некоторой степени, отделёнными от других мусульманских общин и недоступными для них» [7, с. 20]. Некоторые грамотные мишари занимались работой, которую единоверцы почитали за доносительство. Проживая между «татарами и башкирцами» они, якобы, являлись «...потомками вышедших из Крыма и поселившихся в Шагер Булгар в 1481 г. … в местах, где ныне обитают, поселились, оставив жилища их предков около 150 годов до сего времени … имеют народные училища, в которых юношество обучают муллы читать, писать и петь (нараспев декламировать Коран. – А.Я.). Закон исповедуют же магометанский».

Башкиры, как и татары, также писали «арабскими буквами на своем языке» [8, с. 90-91, 336], а И.Г. Георги свидетельствовал, что татары «…великое и похвальное о порядочном воспитании детей имеют попечение. Они не толь-

ко приучают детей к прилежанию, бережливости и к другим прародительским обыкновениям, но пекутся ещё о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере. Небрежение же о таковом наставлении поставляется родителям в великий грех, а потому и во всякой их деревушке есть особливая молебная храмина и школа … многие татарские мужики … в Казани, Тобольске и Астрахани имеют небольшое собрание письменных повествований … о происшествиях, как своих собственных, так и соседских владениях, да сверх того изрядное сведение о своих древностях» [9, с. 11-12].

Сомнительно, что сведения являются достоверными применительно ко всему пространству Урала и Сибири, ведь уровень знаний иных сельских мулл был невысок. Тенденции говорят о новых веяниях в умме: практика требовала структурировать не только поведение, но и сознание верующего через усвоение религиозных ценностей, приоритетов и целей, к которым необходимо стремиться молодёжи. Потребность в арабском языке определялась необходимостью исполнения обязательных ритуалов. Это, к примеру, отражено в одном из документов «Грамоты хранителя Юрумской астана».

Власть, чтобы знать настроения общества, направляла в регионы учёных, которые фиксировали местные особенности исповедания. Так, например, отмечалось, что ритуал почитания «священных мест» – астана и «святых лиц» – авлия начинался с молитвы, обращённой к Аллаху, которую по-арабски читал смотритель (астана карауцы), принадлежавший к потомкам реально или символически погребённого «святого» – шык тогум.

Исламские ценности внедрялись в сознание масс на родных языках через сказания и притчи. Не на арабском, а на тюркских языках рассказывалось и о благочестивой жизни «святых». В распоряжении шык тогума имелась переходящие по наследству сачара – родословные списки на тюркских языках в арабской графике, требующие познаний в арабском языке, «документально» подтверждающие санкцию духовных авторитетов на почитание астана.

В 1803 г. вышел при поддержке Российского государства печатный Коран, тогда как ранее по стране были распространены лишь рукописи. В светских учебных заведениях Урала и Сибири стали обучаться мусульмане.

Распространение грамотности на разных языках вызвало трансформацию сознания части мусульманской элиты и изменение их отношения к знаниям. Как известно, сам Коран находился на грани двух эпох: он даёт принцип счисления естественного времени и одновременно полагает основой исторической хронологии сотворение мира и первочеловека. Это, заметим, соотносилось с представлениями православных и представляло собой «платформу» для более глубоких и последовательных размышлений об общности исторических судеб и предопределённости Богом/Аллахом жизни человека.

Рождение новой генерации государственников из числа мусульманской элиты и образованного по-новому фрагмента мусульманского духовенства со-

здавало новую ситуацию во взаимоотношениях. Государственные власти использовали рождающуюся общность и инновационных позиций в формулировке присяги, произносимой при принятии российского подданства: «Обещая всемогущим Богом своему закону при Алкуране» [10]. Это привлекло на сторону России многие приграничные племена, что определило добровольность их вхождения в состав государства. Сопротивляющиеся же были подавлены, сосланы или «выдавлены» за пределы страны.

Созданное в конце XVIII в. Оренбургское Мусульманское Духовное Собрание стало учреждением, отражающим позицию царской власти, но не обеспечивало консенсус интересов всех групп населения. До полноценного диалога было ещё далеко…

Список источников и литературы

1. Клюева В.П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблемы взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. URL: http: //www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm (дата обращения: 21.01.2022).

2. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. XVIII. СПб., 1847.

3. Тишкин С.Ф. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922. 190 с.

4. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. 416 с.

5. Харисов А. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 2007. С. 35-65.

6. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.

7. Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / пер. с англ. Казань, 2008. 265 с.

8. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995. 363 с.

9. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: в 4 ч. СПб., 1776. Ч. 2. 89 с.

10. Государственный архив Тюменской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

Балин Максим Анатольевич (Епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима)
Омский государственный педагогический университет (г. Омск)
magniteparh@yandex.ru

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ АККУЛЬТУРАЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Аннотация: В статье выявляются основные принципы политики аккультурации Российской империи в колонизуемых территориях Степного края конца XIX – начала XX в. В процессе исследования установлено, что имперские власти осознавали бесперспективность мероприятий русификаторского характера в районах, в которых реализовывалась программа распространения аграрных практик. В этих условиях принятие обычно-правовых установлений, регламентирующих традиционный образ жизни и деятельности кочевого населения, становилось адекватным инструментом социокультурной инкорпорации кочевников.

Ключевые слова: Степной край, обычное право, коренное население, политика аккультурации, колонизация.

В современной отечественной и зарубежной историографии сюжеты реализации имперской политики во фронтирных регионах России традиционно размещены в плоскости острой исследовательской полемики [1-4]. При этом продвижение русской оседлости в направлении Зауралья, с сопутствующим этому явлению процессом инкорпорации азиатской периферии в общеимперское пространство, представляется специалистам весьма сложным для понимания и выводов. Общеизвестно, что утверждение российской государственности в части азиатских регионов, воображаемых властью и политическими элитами империи в качестве территориального продолжения Российской империи, осуществлялось в обстоятельствах географической отдалённости и социокультурной отдельности [5] восточных окраин, населённых автохтонными племенами, демонстрирующими этническое и конфессиональное и хозяйственно-культурное отличие от субъектов русской колонизации (крестьянство, казачество).

По замечанию С.В. Любичанковского, перед историками, работающими в жанре «колониального подхода» в описании окраин Российской империи, сегодня стоит сложная задача, предполагающая разделение сугубо колониальных методов приращения окраин (доминирование, принуждение, эксплуатация) и политики аккультурации, направленной на превращение «новоприсоединённых жителей в лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью, с возможностью обратного влияния этих народов» [6, с. 6].

В данной связи аккультурационная политика Российской империи приобрела особую актуальность в 1870–1880-х гг., когда траектория аграрных переселений из европейских губерний начала смещаться в южном направлении, охватывая обширные степные региона Зауралья. Симптоматично, что массовому переселенческому движению в Степной край предшествовал долгосрочный общественно-политический дискурс, в параметрах которого усилиями российских «охранителей» утвердилось два важных идеологических тезиса: «Только та земля является русской, где прошёл плуг её пахаря» и «Земли, не осваиваемые коренными народами как пашенные угодья, являются “лишними” и “бесполезными” для местного населения, поэтому могут быть обращены в общенародное достояние, “завоеваны” и освоены в земледельческом отношении» [7, с. 123; 8, с. 115]. В целом имперская логика национал-консерваторов, транслируемая в обстоятельствах реализации задач переселенческого дела, тиражировала жёсткие поземельные конфликты в Степном крае, приобретавшие абрис этнокультурного и этноконфессионального противоборства.

Совершенно естественно, что перед имперской центральной и региональной администрациями, а также общественными деятелями края, ставшими свидетелями конфликтов между переселенческим элементом и представителями индигенного населения, в сложившейся ситуации вставали задачи амортизации конфликтов и разработки таких стратегий управления, в которых учитывался бы широкий спектр проблем, препятствующих мирному сосуществованию конкурирующих групп в потенциально земледельческих ареалах Степного края. Выскажем предположение, что в процессе деятельности в регионе имперских экспертов, к числу которых относились не только учёные, но и представители администрации, формировалось понимание низкой эффективности насильственных действий и грубой русификации. Так, генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, в юрисдикцию которого (до реформы 1882 г.) входили подведомственные территории Акмолинской и Семипалатинской областей, в частности, писал о необходимости «…осторожного, по возможности без стеснения кочевников, водворения среди киргизских степей русского оседлого населения, что представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [9, л. 232]. Чиновник особых поручений Н.Н. Балакшин по итогам экспедиции в Степной край также сделал вывод о важности систематического подхода к размещению пашни в регионе и необходимости сохранения кочевых форм хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни коренных народов, при этом организовывать земледелие так, чтобы «киргизы присматривались бы к условиям оседлого быта, сближались бы с русскими и перестали бы оставаться чуждым России племенем» [9, л. 561-562].

Одним из инструментов аккультурации коренных народов Сибири и Степного края, с точки зрения имперских властей, являлось обычное право автохтонов, официально признаваемое в России, поскольку в нём находили выражение

практики регулирования общественных отношений. Вместе с тем Российское государство стремилось к кодификации предписаний обычного права инородцев, что, с одной стороны, должно было поспособствовать конечной цели – вовлечению их в российский социум окраин, с другой – сохранение обычного права открывало перспективы мягкой и относительно безболезненной аккультурации, следствием которой будет частичное принятие поведенческих конвенций новых подданных при сохранении этнокультурной идентичности.

Следует также заметить, что в имперской политике аккультурации в Степном крае прослеживалась достаточно чёткая логика принятия решений, в основе которых располагался селективный подход к инородческому населению.

Во-первых, имперские власти видели в качестве первостепенного объекта действий аккультурационного характера местную аристократию. Необходимость конструирования эффективной модели управления национальными окраинами ориентировала власти на лояльное отношение к этническим элитам и организацию регулярного сотрудничества с их представителями (Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и др.). Власти отчётливо осознавали, что максимально продуктивным методом ослабления роли и влияния национальной аристократии в системе традиционных отношений кочевников-номадов могут стать социальные преференции группе и активное культуртрегерство, особенно в плане предоставления возможности обучения в гимназиях и университетах. В середине XIX века одним из шагов в политике правительства по утверждению верноподданнических настроений среди коренного населения, а также по приобщению его к «цивилизации» было разрешение детям казахской знати, состоящей на государственной службе, поступать в учебные заведения империи [10, с. 155]. Именно через образование по европейским стандартам аристократические слои коренного населения Степного края включались не только в российский социум, но и правовое пространство империи, не теряя при этом окончательно связей со своей первоначальной средой, что открывало перед имперскими властями широкие возможности для диалога с инокультурным сегментом региона.

Во-вторых, желанию подчинить кочевое инородческое население общероссийским законам препятствовало очевидное несоответствие имперского законодательства некоторым конвенциям обычно-правового характера, особенно в сфере семейного и наследственного права. С другой стороны, российские власти отчётливо понимали, что многие элементы и практики обычного права инородцев вполне сопоставимы с обычаями и традициями русского крестьянства, также весьма слабо инкорпорированного в общеправовое поле империи. И. Козлов в статье, посвящённой анализу обычно-правовых установлений инородцев Степного края в конце XIX в., обращал внимание на то, что основой представлений коренных народов и русских крестьян о суде является не верховенство закона, а принцип справедливости, достижение которой возможно только при условии привлечения всего общества [11, с. 319-320]. Столь же

схожим выглядит и понимание преступления и наказания. Так, например, автор констатирует, что кража в среде степняков-кочевников к разряду преступлений не относится, и судебные дела по подобным прецедентам обставляются как споры сторон, заканчиваясь примирением или штрафом, налагаемым обществом [11, с. 322]. Показательно, что и в русском крестьянском обычном праве преступления, в частности, кража, понимались как нарушение моральной нормы, грех, обида и трактовались максимально свободно. Согласно выводам современных исследователей [12], преследуемые по закону преступления, широко распространённые в крестьянской среде: кражи, мошенничество, покушения на интересы казны, с точки зрения крестьян, не были связаны с грехами и таковыми не считались: «Не обманешь – не продашь», «Казна нашими деньгами не разбогатеет, и так она, матушка, богата» [13, с. 57].

В качестве одного из факторов аккультурации аборигенов, которые обнаруживаются в разделах обычно-правовых установлений, можно обозначить религиозные правила и предпочтения автохтонов. В качестве комментария к таковым И. Козлов указывал на религиозный индифферентизм инородцев, «которым отличаются вообще киргизы, несмотря на все старания мулл» [11, с. 323-324], добавляя при этом: «Несомненно, что у киргизов существует собственное представление о Боге (естественная религия), не затемнённое магометанским вероучением» [11, с. 324]. Вместе с тем имперские власти отдавали себе отчёт в необходимости противодействовать влиянию со стороны адептов ислама. Н.Н. Балакшин, в частности, писал: «…государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания “заповедного для русских киргизско-мусульманского государства”» [14, л. 38].

В этой ситуации сохранение и кодификация действующих норм обычного права коренного населения позиционировались как инструмент установления стабильности и порядка в регионе, а также благоприятный политический и культурный фон для решения сугубо имперских задач. Предоставляя гарантии лояльности аристократической элите, не элитарные группы инородцев приобретали возможность вертикальной социальной мобильности, предполагавшей право межсословной подвижности и занятия любыми видами деятельности. Важным актом по систематизации норм обычного права коренного населения Степного края стало «Временное положение об управлении Западно-Сибирским генерал-губернаторством», принятое в 1868 г., согласно которому российская власть признавала правомочность местного самоуправления инородцев и народных судов, а обычно-правовые нормы – источником права автохтонов региона. Новый правовой статус стал основополагающим в национальной политике Российской империи, в основе которой располагалась «единая линия, рисующая законченный образ постоянно растущей, систематической административной унификации, культурно-языковой русификации … с целью полного административного, социального и культурного объедине-

ния – слияния в одно целое всей Российской империи и её превращения в этнически однородное и цельное национальное государство» [15, с. 203].

Основным каналом инкорпорации автохтонов Степного края в социум, в обстоятельствах новой имперской политики аккультурации, становится сеть образовательных учреждений, перед которыми первоначально ставилась задача приучения номадов к оседлой земледельческой деятельности, что рассматривалось как фактор «…проведения между киргизами русской цивилизации и сближения их с русскими…» [16, л. 229-233]. Ещё в 1875-1876 гг. в Акмолинской области были организованы мужские и женские интернаты для коренных народов с целью обучения хлебопашеству, огородничеству, лесоводству. Однако, по свидетельству имперских экспертов, мужские интернаты не пользовались сочувствием среди инородцев, полагавших, что основное назначение интернатов – воспитание детей в русском духе; женские интернаты воспринимались также отрицательно, поскольку считалось, что девушкам внушат там такие представления о браке и семейной жизни, которые будут противоречить обычно-правовым воззрениям на женщину как вещь и на брачный союз как хозяйственную сделку [17, л. 243-243об.].

Только в 1890-х гг. в политике Российской империи в Степном крае утвердился такой алгоритм действий, в котором была представлена модель сочетания сугубо колонизационных интересов с аккультурационными. В отношении Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей был разработан проект открытия аульных и двухклассных русско-киргизских школ (как продолжение аульного обучения), предполагающий «мягкое» распространение русского языка и образования [18, с. 164].

Таким образом, можно констатировать, что важным элементом программы колонизации Степного края, с её традиционными атрибутами (захват территории, земледельческое освоение, русификация автохтонов), в конце XIX в. становится политика аккультурации коренного населения. Данная политика основывалась на компромиссе, предполагавшем сохранение основ обычно-правовых предписаний, организующих пространство повседневной и хозяйственно-экономической жизни инородцев, с постепенным вовлечением кочевых сообществ посредством образовательных практик в социальный и культурный ландшафт Российской империи.

Список источников и литературы

1. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в. Омск, 2015. 580 с.

2. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.

3. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019. 280 с.

4. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 2019. 262 с.

5. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М., 2007. 368 с.

6. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. 480 с.

7. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. 287 с.

8. Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 2013. 248 с.

9. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315.

10. Чуркин М.К. Коренное население Омского Прииртышья в колонизационном дискурсе и имперской образовательной политике второй половины XIX – начала XX вв. // Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Тобольск научный – 2018». Тобольск, 2018. С. 152-157.

11. Козлов И. Обычное право киргизов // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 319-339.

12. Чуркин М.К. Правовые воззрения старожилов и переселенцев и их реализация в поземельных отношениях пореформенного периода (1861–1914 гг.) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: «Экономика» (спецвыпуск). 2003. Вып. 5 (37). С. 96-98.

13. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. 470 с.

14. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587.

15. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс – Традиция, 2000. 344 с.

16. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380.

17. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 395.

18. Алекторов А. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 11-12. Ноябрь. С. 154-191.

Недзелюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул),
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Новосибирск)
tatned@list.ru

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ СИБИРИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Фонда Президента РФ для поддержки ведущих научных школ по теме «Религиозные процессы в Сибирских окраинах России: от имперской политики аккультурации к современной модели государственно-конфессиональных отношений» (НШ-63.2022.2).

Аннотация: Настоящая статья продолжает серию научно-исследовательских работ, посвященных выявлению, комплексному анализу и характеристике архивного наследия органов власти Российской империи в сфере вероисповедной политики и государственно-конфессиональных отношений. Новизна исследования состоит в аналитическом подходе к документальному комплексу административных учреждений в их иерархии. Сделаны выводы относительно специфики архивных коллекций в городах Сибири.

Ключевые слова: Российская империя, вероисповедная политика, государственно-конфессиональные отношения, архивные фонды, сибирское генерал-губернаторство, Главное управление Западной Сибири (ГУЗС).

Вероисповедная политика Российской империи заслуживает изучения: органы и учреждения изначально Сибирской губернии в целом, затем Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а также отдельных губернских управлений демонстрировали стабильный интерес к национально-конфессиональной специфике региона и в течение девятнадцатого столетия выработали достаточно сбалансированную линию государственно-конфессиональных отношений. Ранее мы обращались к указанной проблеме в источниковедческом ключе [1]. В настоящей статье мы рассмотрим комплекс материалов, сохранившихся в архивохранилищах сибирских городов, соответственно иерархии государственных органов и учреждений, от которых они исходили.

Материалы Главного управления Западной Сибири (ГУЗС) массово отложились в архивных коллекциях Омского (ИсАОО) и Томского (ГАТО) государственных архивов. Город Омск с 1838 г. являлся местопребыванием администрации ГУЗС, а потому в коллекции Исторического архива Омской области данному документальному комплексу посвящен самостоятельный фонд дел архивного хранения [2, ф. 3]. Томск являлся административным центром одной из сибирских губерний и потому получал, аккумулировал распоряжения ГУЗС. Материалы ГУЗС в коллекции ГАТО можно считать стандартными для всех губерний западносибирской юрисдикции.

Идея распространения православия в широких пределах Российской империи нашла отражение в Указе Правительствующего Сената «Об учреждении в Тобольской епархии миссии для обращения иноверцев к православной греко-российской вере, 1836 г.» [2, ф. 3, оп. 1, д. 1549].

Одним из первых указов верховной власти, отложившихся в фонде делопроизводства ГУЗС сразу же после административного разделения Сибири на Западную и Восточную, стал следующий: «По высочайшему повелению об уничтожении и недопущении впредь существования масонских лож и других тайных обществ» [2, ф. 3, оп. 1, д. 4].

Нехристианское население в Западной Сибири было представлено многочисленными местными народностями, принадлежность к местным «клановым элитам» составляла предмет опасений для ГУЗС. «Иные» вероисповедания курировались Департаментом духовных дел инославных (иностранных) исповеданий, а потому и вектор вероисповедной политики выстраивался в контексте международных отношений. О характере взаимоотношений имперских властей и исламских духовных лидеров можно составить представления, исходя из названия «Дела о постройке в г. Омске каменной мечети по предложению Генерал-губернатора Западной Сибири. Смета на построение деревянного дома для приезда в г. Омск киргизских султанов и к жительству в г. Омске двух переводчиков, сколько на оное потребно материалов-припасов, равно мастеровых и рабочих людей и во что все оное стоить будет» [2, ф. 3, оп. 1, д. 340]. Процесс строительства мечети курировался чиновниками ГУЗС, отчеты которых аккумулировались в деле «О постройке в крепости Петропавловской и в г. Омске магометанских мечетей / план магометанской мечети, недостроенной и разобранной вне крепости, что имеется и чего недостает для постройки; деньги, ассигнованные на постройку, вообще переписка насчет постройки мечети» [2, ф. 3, оп. 1, д. 359].

1895 год стал переломным в системе административного управления Сибирью: преемниками Главного управления Восточной Сибири стали Иркутское и Енисейское губернские управления, преемниками ГУЗС – соответственно Тобольское и Томское. В фонде Томского губернского управления отложился обширный массив материалов о её заселении переселенцами из малоземельных губерний европейской части страны, а также об их столкновениях с «инородцами» [3, ф. 3, оп. 45, д. 1, 8, 19, 128]. Сведения о поземельных спорах переселенцев со старожилами нередко перетекали в межконфессиональную плоскость [3, ф. 3, оп. 44, д. 120, 148, 150, 197]. Проблема заключалась вовсе не в теологических разногласиях, а в недальновидной политике Переселенческого управления. Земельные наделы переселенцам нарезались на «нераспаханных» и поэтому, по мнению чиновников Управления, не обрабатывавшихся, «пустующих землях» кочевых и охотничьих угодий коренного населения Барабинской и Кулундинской степей.

Содержание термина «местные исповедания» в Западно-Сибирском регионе имело ряд характерных особенностей. «Местными» считались как сибирские татары, исповедовавшие ислам, киргизы-мусульмане и казахи-тенгрианцы, алтайцы-шаманисты, так и немцы-меннониты. Как «местному», было дано разрешение «Петру Петровичу Тевс открыть в г. Славгород Барнаульского уезда частного учебного заведения III разряда для обучения детей немцев меннонитского вероучения, 1913 г.» [3, ф. 3, оп. 67, д. 134].

Губернские управления обладали известной степенью самостоятельности. Несмотря на общегосударственную поддержку православия, Первое отделение Томского губернского управления, учитывая специфику старообрядческих согласий на южносибирской окраине и заинтересованность в их привлечении из центральных губерний страны, ещё в преддверии царского Манифеста о веротерпимости решило вопрос «По ходатайству старообрядцев пос. Горновского Кузнецкого уезда об освобождении от сборов (руги) в пользу православной церкви, об исключении из списков Православной церкви» [3, ф. 3, оп. 41, д. 65-75]. В разрешительном порядке Томским губернским управлением были зарегистрированы «старообрядческая община беспоповщинского толка в силе Гилевском Алейской волости Змеиногорского уезда» [3, ф. 3, оп. 67, д. 132] и «старообрядческая община в селе Снегиревском» того же уезда [3, ф. 3, оп. 67, д. 250].

Не следует, однако, полагать, что старообрядческие согласия пользовались поддержкой светской администрации в Сибири в обход общегосударственных законов. Охрана государственной идеологии, основанной на устоях православия, нашла своё отражение в материалах «О привлечении Ивана Нарышкина и старообрядческого наставника за совращение в старообрядчество Наталии Ярышкиной» [3, ф. 3, оп. 67, д. 123] и «О привлечении к ответственности священника Австрийского согласия Иосафа за повенчание православной крестьянки Евдокии Бойченко и других лиц» [3, ф. 3, оп. 67, д. 56].

Будучи проводником государственной идеологии, Томское губернское управление разрешало проблемы дискуссионных, нередко заведомо конфликтных, межрелигиозных отношений. Так, 22 мая 1913 г. Первым отделением Томского губернского управления было вынесено решение «О воспрещении баптистам пос. Александро-Невского Андреевской волости Каинского уезда постройки молитвенного дома на участке земли, предназначенном для постройки Евангельско-Лютеранской церкви» [3, ф. 3, оп. 67, д. 57]. Решение было объективным, основанным на приоритете имущественных правоотношений и не было продиктовано симпатиями либо антипатиями Губернского управления к какой-либо религиозной деноминации, что подтверждается содержанием материалов дела «О разрешении постройки молитвенного дома баптистам в поселке Найдорфе Змеиногорского уезда, 1914 г.» [3, ф. 3, оп. 67, д. 213].

Архивные фонды Тобольского архива являются богатейшими в Сибири. Одним из основных фондообразователей выступила Тобольская духовная консистория, чьи материалы составляют пятнадцать описей фонда [4, ф. И-156,

оп. 1-15]. На первый взгляд кажется достаточно странным, что здесь же, в материалах фонда православной консистории, отложились и дела неправославных церквей, а именно единоверцев (старообрядцев) [4, ф. И-156, оп. 15, д. 1252-1291], католиков латинского обряда [4, ф. И-156, оп. 15, д. 515, 646, 656, 657, 661, 678, 685, 724, 725, 730, 731, 754, 760, 1083] и евангельских лютеран [4, ф. И-156, оп. 15, д. 751]. Такой симбиоз может быть интерпретирован как стремление действующего вероисповедания держать под контролем делопроизводство инославных христианских деноминаций.

Фонд Тобольского общего губернского управления [5, ф. 152] наиболее показателен в ракурсе изучения государственно-вероисповедной политики. Здесь мы находим материалы, свидетельствующие о цензуре («По отношению чиновника особых поручений при командире отдельного Сибирского корпуса о содержании письма ксендза Мелиховича [5, ф. 152, оп. 1, д. 66], о благотворительности («По предложению генерал-губернатора Западной Сибири о денежном пожертвовании на исправление Тобольского костела» [5, ф. 152, оп. 1, д. 78], о выдаче разрешений на ведение профессиональной деятельности («О дозволении римско-католическим священникам, высланным без ограничения прав состояния, богослужения в штатных костелах» [5, ф. 152, оп. 1, д. 133].

Без всякого сомнения, межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения – тема поистине вечная. Даже в заведомо «атеистических» государствах, каковыми с 1804 г. являлась Франция, а в период 1918-1991 гг. была Россия, проблемы возникают и требуют корректного рассмотрения, в связи с чем чрезвычайно важно изучение опыта предшествующих поколений.

Список источников и литературы

1. Недзелюк Т.Г. Источниковый базис для изучения государственно-конфессиональной политики в Сибирском регионе // Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных регионах Казахстана в XIX–XX вв.: кол. моногр. / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. С. 13-31.

2. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3: Главное управление Западной Сибири.

3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3: Томское губернское управление.

4. Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И-156: Тобольская духовная консистория.

5. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 152: Тобольское общее губернское управление.

Денякин Юрий Александрович
Межрегиональная общественная организация ветеранов (пенсионеров)
пограничной службы ФСБ России по г. Москве
и Московской области (г. Москва)
ydenyakin@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНОГО ОКОРМЛЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ НА ПРИМЕРЕ ШАРАСУМЭСКОГО ОТРЯДА, НАХОДИВШЕГОСЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ ЗАПАДНОГО КИТАЯ С 1913 ПО 1917 Г.

Аннотация: В статье описываются особенности и трудности служения военного священства при окормлении русского, более чем тысячного по численности экспедиционного отряда, дислоцировавшегося в китайском городе Шара-Сумэ провинции Синьцзян, который обеспечивал безопасность российских консульств, а также русских подданных на территории Западного Китая и Монголии, власти которых находились в военном противостоянии в предреволюционные годы XX века.

Ключевые слова: духовное окормление в армии, Шарасумэский отряд, Западный Китай.

В современных Российских Вооруженных Силах постепенно произошло возрождение института военного духовенства, деятельность которого была традиционна для императорской армии. Так, к 2005 г. число священнослужителей, постоянно служащих при воинских частях, достигло 950, что соответствовало количеству армейских и флотских священников в России к началу Первой мировой войны. История сохранила немало имен военных пастырей, прославивших русскую православную церковь на поле брани не только духовными, но и зачастую личными подвигами во время сражений, военных действий и дальних походов в период до наступления революционных перемен начала XX века.

Но были и военные священники, чье церковное служение в дальних гарнизонах на просторах необъятной Российской империи осталось в тени истории. К тому же в современной историографии пока неисследованной остается служение военных пастырей за пределами Российской империи в рядах войсковых экспедиционных отрядов, которые были вынуждены нести нелегкую службу в Восточной и Юго-Восточной Азии в конце XIX – начале XX вв.

Военный священник 3-го Сибирского казачьего полка Николай Бржезинский, принявший в 1912 г. настоятельство Свято-Никольской войсковой церкви города Зайсан Семипалатинской области (ныне Республика Казахстан), окормлял казачьи части и солдат местной воинской команды, несших службу

по охране границы Российской империи с Западным Китаем. Но уже через год упомянутые подразделения Зайсанского гарнизона вошли в состав экспедиционного Шарасумэского отряда, с 1913 по 1917 г. обеспечивавшего безопасность российских консульств, а также русских подданных на территории Западного Китая и Монголии, власти которых находились в военном противостоянии. Причиной, послужившей очередному обострению ситуации на российско-китайской границе после вспыхнувшей в Китае в октябре 1911 г. Синьхайской буржуазной революции, явилось желание Внешней части Монголии (Халхи) добиться широкой автономии. Но уже в декабре 1911 г. провозгласившая независимость Внешняя Монголия начала ожесточенные бои с Китаем за обладание спорными территориями. В 1912–1914 гг. Кобдоский округ, ставший частью Монголии, и Алтайский округ китайской провинции Синьцзян, граничащие с Семипалатинской областью и Томской губернией России, стали ареной жесточайших межнациональных столкновений [1].

Правительство Российской империи, поддержавшее стремление Внешней Монголии к независимости, но в то же время не желавшее обострения отношений с Китаем, было вынуждено принимать меры по стабилизации ситуации на своих юго-восточных рубежах. Командование Омского военного округа по приказу Генерального Штаба в апреле 1913 г. начало формирование в Новониколаевске и в Зайсане экспедиционных отрядов для их ввода на приграничную монгольскую и китайскую территории для пресечения кровопролития между враждовавшими сторонами и для взятия под контроль ситуации в приграничной полосе.

В июле 1913 г. первый русский отряд под командованием полковника Веттерштрандта в составе двух казачьих сотен Первого Верхнеудинского полка, а также двух батальонов пехоты, усиленных пулеметами и горной артиллерией, вступил в Кобдоский округ. А в конце августа 1913 г. из Зайсана в городкрепость Шара-Сумэ, центр Алтайского округа, был введен другой русский отряд под командованием полковника Евпсихия Сергеевича Сергеева, состоявший из трёх сотен 3-го Сибирского казачьего полка, 2-го батальона 44-го Сибирского стрелкового полка, усиленного пулеметной командой, и 4-й батареи 11-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады [2, л. 37].

Введение Кобдоского и Шарасумэского отрядов, получивших названия по местам своего сосредоточения, принесло относительное спокойствие, однако обстановка в этой части Синьзянской провинции оставалась непредсказуемой и напряженной. Монголы воевали с китайцами, китайцы – с дунганами, дунгане – и с монголами, и с китайцами одновременно. Находившийся в Шара-Сумэ русский гарнизон из 800 солдат и офицеров, несмотря на призывы поддержать ту или иную враждующую сторону, не вступал в боевые действия. Тем не менее присутствие русского военного отряда в Шара-Сумэ не только обеспечивало относительно спокойную деятельность императорского Россий-

ского консульства по защите прав русских подданных купцов, предпринимателей и крестьян, составлявших на территории Алтайского округа местную русскую колонию, но и служило гарантом стабилизации отношений между представителями властей и враждующих сторон в регионе [3, с. 627].

Помимо постоянного риска быть вовлечёнными в военный конфликт на чужой территории, русские солдаты и офицеры также испытывали серьезные бытовые трудности. Принимая во внимание затяжной характер военной обстановки в регионе и понимая необходимость долгосрочного несения службы вдали от основного места расположения полка в Зайсане, начальник отряда, полковник Сергеев, имевший за плечами боевой опыт Русско-японской войны, позаботился об удовлетворении религиозных нужд своих подчиненных. Перед приездом запрошенного из Зайсана войскового священника Николая Бржезинского необходимо было найти и оборудовать место в китайском городе для совершения православного богослужения.

Из истории известно, что крепость Шара-Сумэ была еще «молодая», т.к. была построена в 1907-1908 гг. как центр новообразованного Алтайского округа китайской провинции Синьцзян, на месте старого буддийского монастыря, который имел к тому времени уже давнюю историю. Основатель монастыря, лама-воин Цаган-гэгэн, являлся видным деятелем второй половины XIX в., оставившим значительный след в местной истории. После многочисленных походов по изгнанию воинствующих дунган из Северной Джунгарии и Западной Монголии во главе собранного им отряда калмыков в 1869 г. Цаган-гэгэн обосновался в местности Тулта на левом берегу реки Крана (правый приток р. Черный Иртыш), где и построил монастырь Шара-Сумэ. Сюда, под защиту его дружины, положившей основу монастырской слободе, стали стекаться угнетенные жители Южной Джунгарии [4]. Но к концу XIX в., после смерти духовного лидера, монастырь пришел в упадок, а его немногочисленные постройки перестали использоваться по назначению. В 1905 г. удобное место расположения бывшего ламаистского монастыря в предгорье Алтайского хребта было выбрано прежним правителем Алтайского округа Си-хэном для заложения крепости и своей будущей резиденции. К 1913 г. Шара-Сумэ состоял из четырех импаней (глинобитные китайские укрепления), трех торговых улиц, застроенных глинобитными постройками китайского и сартовского типа, площади, на которой была расположена Ямынь (импань губернатора и управление) и ряда построек, занятых квартирами китайских чиновников. Также в центре города, в зданиях владельца крупной китайской торговой фирмы Самухуна Саджилева располагалось императорское Российское консульство [5, л. 114].

И вот, весной 1914 г., перед пасхальной неделей, на территории импани, арендованной для размещения русского экспедиционного отряда в Шара-Сумэ, руками наших военнослужащих полуразрушенное здание сохранившей-

ся кумирни было приспособлено под временную православную церковь. Однако необходимость присутствия в Зайсане на затянувшейся выездной сессии военно-окружного суда не позволили священнику Николаю Бржезинскому выехать в китайскую крепость Шара-Сумэ и провести там пасхальную службу. Лишь в начале июня он смог осчастливить русских солдат радостью богослужения и исполнения накопившихся в отряде треб. В эти особенные для отряда дни был совершен обряд говенья, и литургия служилась на Святом Антиминсе, предназначенном для походной церкви-палатки 3-го Сибирского казачьего полка (фото 1).

Фото 1. Речь военного священника отца Николая Бржезинского к нижним чинам. 1914 г.

С этого момента приезды Николая Бржезинского для духовного окормления православных воинов Шарасумэского отряда стали относительно регулярными, в большей степени по настоянию командования отряда, но все же не чаще трех раз в год.

Нужно отметить, что любой приезд отца Николая был сопряжен с трудностями и опасностями передвижения по пустынной азиатской дороге. Основным путем передвижения являлась грунтовая дорога протяженностью около 300 верст, проходившая по этапной линии Зайсан – Майкапчагай – Бурчум – Шара-Сумэ с оборудованными постами и охранявшаяся нижними чинами, выставленными от Зайсанской местной команды (фото 2).

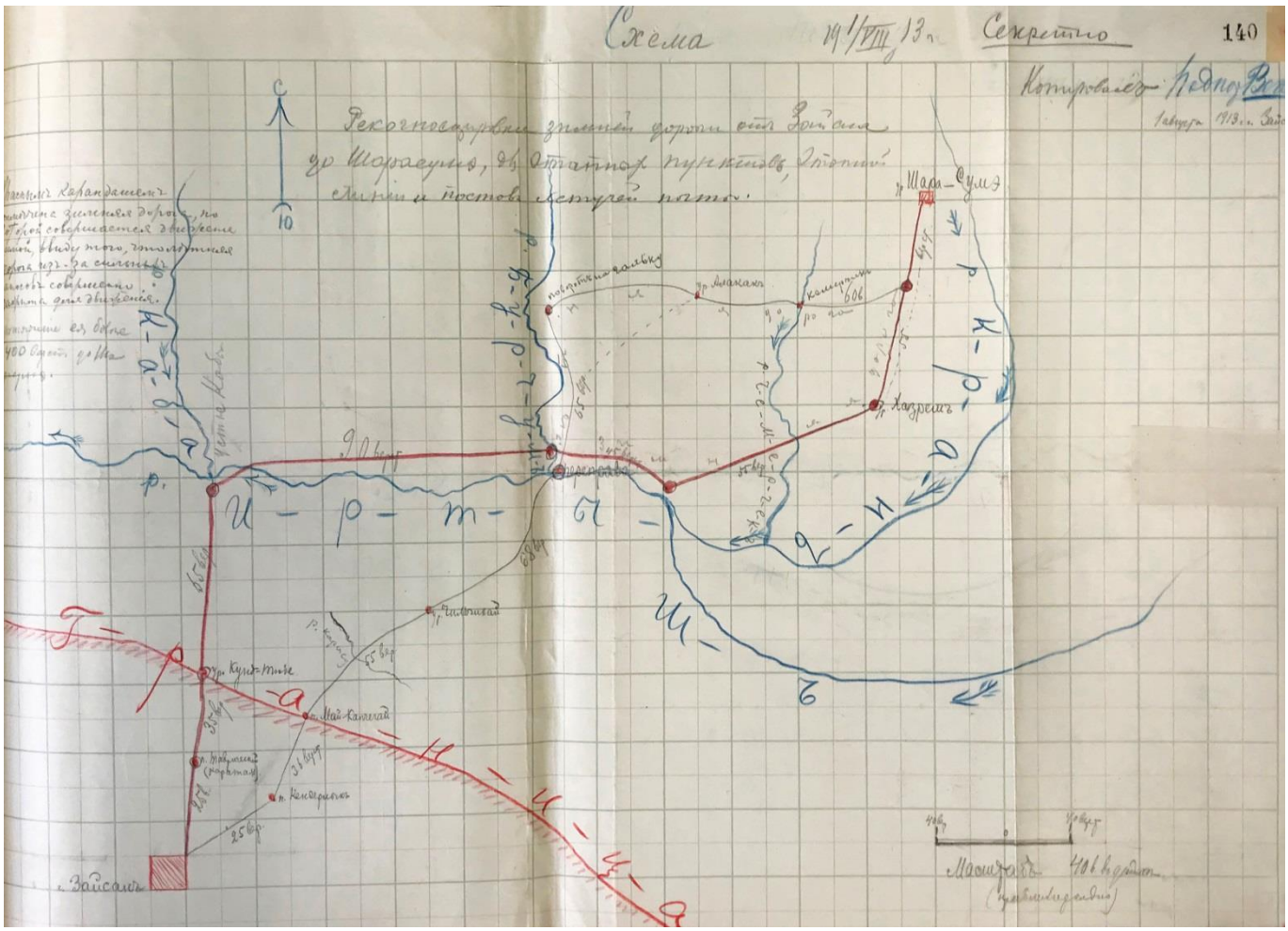

Фото 2. Схема рекогносцировки зимней дороги от Зайсана до Шара-Сумэ. 1913 г.

От Зайсана до линии границы, поста Майкапчагай, военного священника доставляли на полковом транспорте. Сопровождение же его по китайской территории было обязанностью командования Шарасумэского отряда. Каждая такая командировка священника Бржезинского проходила с согласия военного протопресвитера [6, л. 109].

С началом Первой мировой войны, несомненно сказавшейся на настроении российских солдат и офицеров, несших трудную службу в азиатской глуши в отрыве от родных мест, посещения военным священником Шарасумэского отряда стали еще более значимыми для поднятия патриотического духа воинов. Наглядным примером этому служит обращение 16 марта 1915 г. императорского российского консула в Шара-Сумэ, надворного советника М.Н. Кузминского к начальнику отряда полковнику Сергееву (здесь и далее все цитирования приводятся с сохранением стиля и орфографии документов): «Получив сегодня радостную весть о падении австрийской твердыни Перемышля и стремясь присоединить свой скромный голос к ликованию, охватившему Россию, а также принося в лице Вашем чувства беспредельной благодарности и восхищения перед подвигами наших войск, я считаю долгом обратиться с покорнейшей просьбой сообщить, когда может быть свободным приехавший

в Отряд военный священник О. Николай Бржезинский, чтобы просить его отслужить благодарственное Господу Богу молебствие по случаю успехов, дарованных нашей доблестной армии» [7, л. 105]. Торжественно-благодарственный молебен по случаю этой победы российской армии на Юго-Западном фронте был отслужен 17 марта, после чего был устроен крестный ход по городу и парад частей Шарасумэского отряда с музыкой и пением. Все это грандиозное действо происходило при большом скоплении (300-400 человек) китайского населения, присутствовали консул, все чины и немногочисленная русская колония, заранее оповещенная императорским консульством. При этом русской колонии было предписано в течение трех дней дома расцветить флагами, транспарантами, вензелями, а вечером иллюминировать.

Начальник отряда полковник Сергеев, не скрывая чувств радости от таких богослужений, отмечал в своем рапорте начальнику штаба Омского военного округа генералу Ходоровичу: «Думал ли, 12-15 лет тому назад, управитель Шара-Сумэ Цеген-Геген (умерший уже), что в его бывшем дворце и кумирне будет устроена русская временная церковь. Вот уже второй год, как здесь мы, все части отряда и русские молимся и совершаем обряд говения, а в этом году военный священник отец Николай Бржезинский остался еще и на праздник Святого Христова Воскресения. Радость великая, в этом грязном, пустынном, неприглядном, беспросветном Шара-Сумэ» [8, л. 34об.] (фото 3).

Фото 3. Китайское здание, обращенное в церковь, в Шара-Сумэ. Снято на Пасху 1915 г.

Важно отметить, что состав Шарасумэского отряда, как нижних чинов, так и офицеров, был достаточно многонационален и, соответственно, воины других исповеданий не были ограничены в праве удовлетворять свои религиозные потребности. Так, в канун мусульманских праздников Указной мулла Зайсанской Соборной городской мечети Ахмедзаки Ахтямов неоднократно отправлял письменные обращения к командиру отряда полковнику Сергееву с просьбами освобождать от службы воинов магометанского исповедания для выполнения ими религиозных обрядов, на что им давались соответствующие разрешения [6, л. 262, л. 262об.]. Также к начальнику Шарасумэского отряда обращался Омский Общественный Раввин Яков Басин с просьбой об освобождении от службы военнослужащих иудейского исповедания вверенного ему отряда в дни еврейского праздника Пасхи и, по возможности, соблюдения ими соответствующих ограничений в пище, на что полковником Сергеевым также было дано согласие [7, л. 70].

В то же время в сохранившихся метрических книгах Зайсанской войсковой Николаевской церкви есть записи, подтверждающие случаи присоединения священником Бржезинским к христианской церкви воинов отряда лютеранского вероисповедования, а также старообрядцев во время их службы в Западном Китае [9, л. 35об., л. 36].

Также во время своих командировок военный священник Николай Бржезинский не мог отказать в исполнении духовных треб жителям немногочисленной русской колонии в китайском Алтае, исторические корни которой уходят еще к середине XIX столетия. После заселения приграничной полосы Алтая в Зайсанском, Усть-Каменогорском и Змеиногорском уездах крестьянами из Центральной России, в Китай потянулись местные земледельцы в поисках удобных участков земли, прельщенные богатыми и хлебородными долинами рек Алкабек, Белизек, Бугуль, Каба и Бурчум, являющихся главными притоками Черного Иртыша в китайских пределах. Почти все осевшие здесь поселенцы были старообрядцы – беспоповцы беловодского толка [10, л. 430].

Деятельность императорского Российского консульства в пределах Алтайского округа и последующее размещение русского военного отряда, хотя бы временно, но умиротворяющим образом подействовала на отношение к русским местных властей и здешнего населения. Зайсанские, семипалатинские и бийские купцы, уже имевшие свои торговые интересы в Западном Китае и Монголии, стали с большей уверенностью размещать свои конторы с торговыми агентами, складами и даже перерабатывающими артелями в Шара-Сумэ и Бурчуме на землях факторий, выделенных императорскому российскому консульству.

Среди новых поселенцев, умноживших русскую колонию в Алтайском округе Китая, были также и православные, нуждавшиеся в удовлетворении своих религиозных потребностей. В уже упомянутых метрических книгах также нашли свое отражение случаи крещения о. Николаем Бржезинским как новорожденных, так уже и возрастных детей русскоподданных жителей пристани Бурчум. Но были также и случаи, когда, не дожидаясь приезда военного

священника, многие семейные военнослужащие Шарасумэского отряда, а также служащие консульства, почтовой и телеграфной контор, таможни, торговых контор, находившихся в Шара-Сумэ, по возможности приезжали в ближайший русский город Зайсан, где в местных православных войсковой и приходской церквях совершали таинства венчания или крещения своих детей.

Стоит напомнить, что в это время шла Первая мировая война, и многие из офицеров Шарсумэского отряда считали своим долгом и честью быть направленными в действующую армию для борьбы с кайзеровской Германией. Третий Сибирский казачий полк, большей своей частью несший службу в пределах Китая в составе упомянутого отряда и консульских конвоях в городах Шара-Сумэ и Кобдо, не был в числе первоочередных для отправки в действующую армию. А вот 44-й Сибирский стрелковый полк, 2-й батальон которого был прикомандирован к Шарасумэскому отряду, согласно приказанию Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего был направлен в начале 1916 г. на западный фронт в связи со складывающей там неблагоприятной обстановкой. В конце апреля 1916 г. 2-й стрелковый батальон и пулеметная команда были выведены из Шара-Сумэ в Зайсан и с открытием навигации по Иртышу были вывезены на специально зафрахтованных пароходах в Омск для доукомплектования и последующей отправки на фронт. На смену сибирским стрелкам почти сразу же из Семипалатинска прибыли две роты ратников 712-й Тобольской резервной пешей дружины, по численности равные отозванному батальону, но все же слабые в военном отношении [11, л. 43].

Естественно, трудности, возникшие с адаптацией слабо обученных воинов дружины к сложным условиям службы в чужой азиатской стране, а также некоторые трения в отношениях обстрелянных казачьих офицеров с малоопытными зауряд-офицерами дружины, не могли не сказаться на боеспособности и дисциплине обновленного Шарасумэского отряда. Начальник отряда полковник Сергеев согласно своему рапорту, удовлетворенному командующим Омским военным округом, отбыл в накопившийся долгосрочный отпуск, временно передав руководство отрядом командиру дружины зауряд-подполковнику Кузьмину. Справедливости ради стоит отметить, что в 1916 г. полковой священник только единожды смог приехать в Шара-Сумэ и совершить богослужение для воинов отряда.

В сентябре 1916 г. заведующий артиллерийской частью Омского военного округа генерал-майор Яшеров посетил Шарасумэский отряд с инспекторским смотром, результаты которого оказались неутешительными почти во всех отношениях. Помимо основных проблем, связанных с боевой подготовкой, а также бытовыми трудностями и обеспечением офицеров и нижних чинов отряда «заброшенных в страшную глушь и почти отрезанных от внешнего мира и родины», генерал Яшеров докладывал Командующему войсками Омского военного округа генералу от кавалерии Сухомлинову: «Наконец, обращаюсь к духовно-религиозным нуждам отряда. Наш, свыше чем тысячный отряд, состоящий из православных русских людей, оставлен совершенно без всякой ду-

ховной помощи. Гарнизонный священник военной церкви в Зайсане только раз-два в год приезжал в Шара-Сумэ и совершал Богослужения. Между тем, не говоря уже о том, что наш простолюдин привык посещать Храм Божий по праздникам и их канунам, бывшие в отряде случаи смерти нижних чинов "без покаяния и отпевания" удручающе действуют на них, в чем я лично убедился из разговоров со старыми ополченцами и казаками: "Служить, говорят они, по Царскому приказу нужно безропотно везде, куда пошлют, но страшно умереть без покаяния, да и помолиться охота". Необходим для отряда постоянный священник. Походная церковь имеется в 3-м полку; ее можно отправить в отряд, а затем отчислить на ее ремонт из хозяйственных сумм отряда, особенно, которые будут расформированы. Священника через посредство Епископа всегда можно назначить из монахов, чины же отряда оборудуют и разукрасят церковь так, что любо будет посмотреть – это их общий голос» [12, л. 308, л. 309].

Среди экстренных мер, намеченных командующим Омским военным округом генерал-лейтенантом Сухотиным, согласно результатам инспекторской проверки для повышения уровня боевой подготовки и улучшения материально-бытового состояния Шарасумэского отряда, было приказано войти в сношение с Протопресвитером о назначении в отряд священника, по возможности иеромонаха, а также передать отряду походную церковь 3-го полка [12, л. 341, 341об.].

В ожидании улучшений, намеченных командованием Омского военного округа, русский гарнизон, уже четвертый год неся трудную службу по обеспечению спокойствия Российской империи на ее юго-восточных рубежах, встретил Рождество и новый 1917 год – год, который стал последним в существовании этой империи, в корне изменивший государственный строй и прежний уклад жизни.

Февральская революция в России в 1917 г. и свержение самодержавия значительно ослабили позиции российской государственности, в т.ч. и в отношениях с Китаем. В связи с ликвидацией «монгольского вопроса» Временное правительство уже не считало нужным держать свои войска в Кобдо и Шара-Сумэ, т.к. их присутствие противоречило духу союза Китая и России, направленного против Германии [13]. Телеграммой военного министра от 30 апреля 1917 г. было приказано вывести отряд, оставив две сотни в Шара-Сумэ в качестве консульского конвоя, а остальных казаков направить в Зайсан. Роты 712-й Томской дружины были выведены пешим порядком по маршруту Зайсан – Тополевый мыс, далее пароходом до Семипалатинска, далее железной дорогой в Барнаул. Всего через месяц, 3 июня, Шарасумэский отряд был расформирован [14, л. 226].

Из истории известно, что 3-й Сибирский казачий полк частично был направлен на войну с Германией, а две его сотни оставались при консульстве в Шара-Сумэ до января 1918 г. Последние доступные, весьма редкие записи в метрических книгах Зайсанской Никольской войсковой церкви за подписью священника Николая Бржезинского датированы декабрем 1918 г. О последу-

ющей его судьбе ничего не известно. После окончательного установления советской власти в Зайсане войсковая Никольская церковь была закрыта, «обезглавлена» и со временем обращена в клуб Зайсанского пограничного отряда, образованного в феврале 1924 г. и расквартированного в казармах бывшего 3-го Сибирского казачьего полка.

Страницы истории военного духовенства подтверждают, что это была особенная часть священнослужителей в Российской империи в дореволюционный период, которая своим духовным и ратным трудом укрепляла российскую государственность на ее далеких окраинах.

Изучение еще нетронутых архивных материалов и восстановление летописей служения военных пастырей является не только исторически важным в плане приумножения славных традиций русской армии, но и имеет литургическое значение для молитвенного поминания имен славных сынов Отечества.

Список источников и литературы

1. Экскурсионный материал к передвижной выставке «Восток глазами русского офицера». URL: https://tomskmuseum.ru/content/editor/C/Arhiv/Istoriy%20v%20dokumentah/Tomsk%20promyshlenniy/Vostok-glazami-russkogo-oficera.doc (дата обращения: 29.08.2020).
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 7. Д. 71.
3. Обухов В.Г. Битва за Беловодье: большая игра начинается. М.: Крафт+, 2016. 680 с.
4. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. URL: https://lib.rgo.ru/reader/flipping/Resource-372/002_R/index.html (дата обращения: 10.04.2019).
5. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 50.
6. РГВИА. Ф. 5420. Оп. 1. Д. 3.
7. РГВИА. Ф. 5420. Оп.1. Д. 8.
8. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 75.
9. Государственный архив Восточно-Казахстанской области. Ф. 752. Оп. 30. Д. 23.
10. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 70.
11. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 78.
12. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 36.
13. Семенов В.А. Деятельность российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны: 1911–1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 225 с.
14. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 45.

Траудт Егор Андреевич
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
golnigluhs@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ШАМАНИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы в рамках проекта № НШ-63.2022.2.

Аннотация: В статье рассматривается процесс научного изучения алтайского шаманизма в отечественной науке на протяжении всего советского периода. На основе анализа работ учёных определены основные направления исследований данной религиозной системы и смена этих направлений. Кроме того, уделено внимание влиянию идеологии на научное исследование шаманства в СССР, названы основные учёные, которые занимались данной проблематикой в указанный период.

Ключевые слова: алтайский шаманизм, религии Алтая, советская этнография.

Алтайский шаманизм представляет собой очень интересный религиозный феномен. Во второй половине XIX в. в связи с общим всплеском интереса к истории и этнографии народов мира алтайский шаманизм получает начальный импульс для научного изучения. Исследовательские изыскания в досоветский период часто основывались на личном интересе и энтузиазме людей, которые занимались в основном общим описанием данного феномена.

В советский период началось целенаправленное изучение религий народов СССР. Руководство страны через призму анализа верований пыталось доказать несостоятельность всех религиозных систем. Окончательно данное направление исследований оформилось к началу 1930-х гг. Этот временной отрезок во многом обусловлен открытием Института этнологии и антропологии РАН. Данное событие ознаменовало новый виток развития в изучении алтайского шаманизма.

Следует отметить, что в разные периоды существования Советского государства влияние идеологии на религию и на её исследование отличалось. Условно можно выделить три периода. В начальный этап существования СССР и до конца 1920-х гг. учёные продолжали придерживаться дореволюционной схемы оценивания различных религиозных систем.

Одним из основных направлений изучения алтайского шаманизма в советский период стало рассмотрение религиозного пантеона. Его структуру подробно описал видный исследователь алтайского шаманизма А.В. Анохин в своей

книге «Материалы по шаманству у алтайцев». В данной работе на основе полевых материалов и фольклорных экспедиций были исследованы основные аспекты шаманского комплекса у народов Алтая. Пантеон, по мнению А.В. Анохина, представлял собой комплекс из богов нижнего и верхнего мира, а также из духов среднего мира [1, с. 1-17]. Из воззрений данного этнографа видно, что он связывал обращения людей к богам сугубо из утилитарных мотивов. В целом пантеон представлялся А.В. Анохину как сложившаяся система божеств, которые не лишены человеческих пороков и готовы к общению с людьми в виде жертвоприношений или шаманских камланий [1].

При изучении любой религиозной системы важно изучить предметы культа, т.к. для адептов веры они играют важную, сакральную роль. Для алтайского шаманизма таковыми являлись костюм шамана (*маньјак*), бубен (*тюнгур*) и шапка (*порук*). Другое направление изучения алтайского шаманизма было связано именно с этим. Базовую часть, как и в первом направлении, заложил А.В. Анохин [1]. В своём труде он много раз указывал, что костюм шамана – это сакральная одежда с присущими ей ритуалами изготовления и обращения. Исследователь упоминает также, что все части шаманских ритуальных предметов были олицетворением сюжетов из мифологии и мировоззрения алтайцев. Здесь А.В. Анохин упоминает бубен, который представлялся шаманистам в виде ездового животного для перемещения между мирами во время камлания.

Сходную проблематику в это же время рассматривала и Н.П. Дыренкова [2, с. 134-139]. А.В. Анохин и Н.П. Дыренкова были типичными представителями дореволюционной школы исследователей, на которых атеистическая идеология ещё не успела повлиять. Именно поэтому они относились к алтайскому шаманизму достаточно объективно, обращая внимание не только на описание религиозной системы, но и на песнопения, молитвы и сказания, которые являлись сущностью шаманского вероучения.

В первой половине 1920-х гг. появляется первая работа Л.П. Потапова, посвящённая шаманству у алтайцев. Стоит сказать, что этот исследователь на притяжении всего существования СССР занимался этнографией народов Южной Сибири. Во многом на его примере можно рассмотреть влияние идеологии на религиоведческие исследования шаманства. Его первый труд носил форму заметок и в общих чертах описывал шаманский ритуал камлания [3, с. 36-37].

После прихода к власти И.В. Сталина ситуация в сфере научных изысканий учёных начала меняться. В науке был взят курс на критику любой формы религии. Многие деятели в сфере науки в своих трудах пытались внедрить идеи марксизма, в котором ни одной из религиозных систем не было места. Следует отметить и тот факт, что сами шаманы, как и многие другие служители культа в различных религиозных системах, подверглись репрессиям. Их бубны и костюмы изымались, а самих шаманистов подвергали наказаниям. С этого момента в науке прерывается связь непосредственного исследования

шаманизма от уст носителей данной религии. Далее учёные рассматривали этот религиозный феномен, опираясь на этнографические данные, полученные в конце XIX – начале XX века.

Критической оценки шаманизм удостоился в книге Л.П. Мамета «Ойротия» [4]. В ней религиозная система алтайцев описана как пережиток родового культа [4, с. 41]. Кроме того, исследователь считает, что бурханизм со своими упрощёнными ритуалами и жертвоприношениями был ответом кровавым и многочисленным практикам шаманистов [4, с. 43]. К критикам шаманизма можно отнести также и Г.В. Ксенофонтова. В предисловии к данной книге А.П. Окладников упомянул, что работа этнографа является важной частью безбожной пропаганды в СССР [5, с. 17].

Сходной точки зрения в период «воинствующего» атеизма придерживался Л.П. Потапов. В труде «Народы Южной Сибири» дана отрицательная оценка системе алтайского шаманизма и фигуре шамана в частности [6, с. 112-113]. Исследователь полагает, что религиозные верования и культура алтайского народа находились в отсталом состоянии, а суеверия и анимистические воззрения насаждались эксплуататорской верхушкой и тормозили развитие трудящихся алтайцев [6, с. 112]. Шаман, в представлении Л.П. Потапова, предстаёт алчной и жадной фигурой, который служит людям ради своего обогащения и наживы [6, с. 112-113]. Данных позиций Л.П. Потапов придерживался и в своей монографии «Очерки по истории алтайцев» [7].

Однако Л.П. Потапов в данное время рассматривал и другие проблемы, связанные с алтайским шаманизмом. В частности, он изложил важную информацию о роли бубна в жизни шамана. В данной работе учёный подчёркивает особенную значимость бубна для шамана, приводя в пример то, что группы северных алтайцев даже отмеряли свою жизнь по бубнам [8, с. 159-161]. Л.П. Потапов замечает различное использование этого ритуального предмета для южных и северных групп алтайцев. Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что момент оживления бубна у шаманистов носил сакральный характер, обставленный определёнными церемониями и ритуалами. Л.П. Потапов считал, что изготовление музыкального инструмента у шаманов изначально носило родовой характер. Именно поэтому сначала данный шаманский атрибут рассматривался как родовой, предназначенный для обслуживания религиозных нужд конкретного рода. Но потом, по мере развития шаманизма, изготавливать бубен стали чужие люди, а сам шаман оставался лишь руководителем и куратором процесса [8, с. 175].

После 1943 г. в стране поменялась политика по отношению к религии, что в определённой степени отразилось и на характере научных исследований. Воинствующая форма атеизма постепенно начала перетекать в форму научного. Стоит сказать, что именно в этот момент шаманизм у алтайцев получил значительную и разностороннюю проработку. Данный период продлился до 1991 г. и закончился с моментом распада Советского государства.

Важный вклад в изучение алтайского шаманизма на данном этапе внесла Л.И. Шерстова. Она представила новый взгляд на формирование алтайского пантеона [9, с. 145-158]. В своей статье учёный предполагает, что идея дуализма мира была перенята тюрками от древнеиранской культуры и религии (зороастризма), но с течением времени они были вытеснены тюркскими образами [9, с. 146]. По мнению Л.И. Шерстовой, дихотомия главных фигур алтайского пантеона Ульгеня и Эрлика является проявлением идеи дуализма [9, с. 146-147]. Кроме того, исследователь делает вывод, что структуру алтайского пантеона можно рассматривать в двух планах: трёхчастную (шаманскую) и дуалистическую (древнеиранскую). Такое деление, с точки зрения Л.И. Шерстовой, не противоречит друг другу, а только дополняет картину мира алтайского народа [9, с. 155]. Похожих позиций придерживался и А.М. Сагалаев. Однако он связывал формирование алтайского пантеона не только с влиянием зороастризма, но и с влиянием культов тибетского буддизма [10].

Ещё одним важным направлением изучения в период научного атеизма было сравнение шаманизма алтайцев с религиозными системами других народов Сибири. Начало данному направлению дал Л.П. Потапов. Учёный обнаруживает ряд сходных признаков в шаманизме якутов и алтайцев. У них он находит общие рисунки на бубнах, также сходные мотивы в процессах камлания [11, с. 85-95].

Это направление развил Н.А. Алексеев в своей монографии «Шаманизм тюркоязычных народов Сибири». Сравнение шаманских систем этнограф проводит по нескольким пунктам: анимистические представления шаманизма, получение шаманского дара и непосредственно фигуры шаманов и их деятельность [12]. Сравнивая шаманство сибирских народов, Н.А. Алексеев также проливает свет на многие аспекты шаманизма алтайцев.

Своеобразный итог изучения алтайского шаманизма в советский период подвёл Л.П. Потапов в своей монографии «Алтайский шаманизм». Из-за послабления идеологических рамок данный труд написан более свободно и объективно. Можно сказать, что эта книга вобрала в себя все направления изучения данной религиозной системы, которые изучались советскими учёными. По мнению Л.П. Потапова, исконный алтайский шаманский пантеон не имел единого верховного бога [13, с. 244-245]. Он полагал, что представление об Ульгене как о едином боге-творце появилось у алтайцев из-за влияния христианских миссионеров, которые пытались объяснить роль христианского бога на примерах из алтайской религии. Кроме того, Л.П. Потапов в данной монографии предложил новый подход к трактовке исконно тюркских божеств. Учёный делает вывод, что Тэнгри, Йерсу и Умай претерпели изменения в своих функциях и стали играть менее значительную роль в сравнении с религией древних тюрков [13].

Таким образом, алтайский шаманизм в советское время был изучен достаточно полно. За это время учёные накопили обширную теоретическую базу. Нужно сказать, что в период существования СССР линия партии в разной степени влияла на религиоведческие исследования. В первоначальный период существования СССР учёные придерживались дореволюционной системы оценки религий, предполагавшей слабое влияние идеологического курса на изучение верований. С начала 1930-х гг. контроль над наукой усиливается и приобретает форму воинствующего атеизма, критикующего все формы религиозных практик. После 1943 г. наступает определённая оттепель для академических исследований, названных в истории термином «научный атеизм». Данное направление в науке предполагало рассмотрение вопроса существования божеств и сверхреальности как научную гипотезу. В целом советский период определил основные направления исследований и заложил теоретический фундамент для изучения шаманской религиозной системы у алтайцев в дальнейшее время.

Список источников и литературы

1. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924. 152 с.
2. Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен. Баку, 1928. Кн. II.
3. Потапов Л.П. На камланьи (дорожные заметки) // Алтайский кооператор. 1924. № 15. С. 36-37.
4. Мамет Л.П. Ойротия. М., 1930. 184 с.
5. Ксенофонтов Г.В. Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме. Иркутск, 1929. 17 с.
6. Потапов Л.П. Народы Южной Сибири (популярное издание). Новосибирск, 1953. 192 с.
7. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. – Л., 1953. 444 с.
8. Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племён Алтая // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. 1947. Т. 1. С. 159-182.
9. Шерстова Л.М. Традиционный пантеон алтайцев в XIX – начале XX в. // Археология и этнография Южной Сибири. 1984. С. 145-158.
10. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев: центральноазиатские влияния. Новосибирск, 1984. 121 с.
11. Потапов Л.П. Исторические связи саяно-алтайских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 85-95.
12. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. 232 с.
13. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)
DRZZ@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ.

Аннотация: В статье приводятся неизвестные и малоизвестные на сегодняшний день факты из истории «староцерковного» («тихоновского») и обновленческого православия на территории Иркутской области в середине 1920-х гг. Основу исследования составили архивные документы. Отмечается, что на рассматриваемые годы пришлось острое противостояние между приверженцами двух направлений. Акцентируется внимание на действиях советской власти. Говорится о необходимости дальнейшей работы с источниками в рамках предметного поля статьи.

Ключевые слова: православие, обновленчество, церковь, верующие, Иркутская область.

История православия на территории Иркутской области в 1920-е гг. нашла отражение на страницах ряда научных и научно-популярных публикаций. Это и специальные, узконаправленные работы по данному периоду (таких немного), и обобщающие объемные исследования по истории православия в регионе в целом [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

В то же время далеко не все аспекты названной истории рассмотрены в равной мере. Архивные фонды и на сегодняшний день дают интереснейшую малоизвестную информацию по истории «староцерковного» («тихоновского») и обновленческого православия в регионе. Термины приводятся по источникам [3, л. 105].

Противостояние между представителями «старого» и «нового» православия в г. Иркутске и Иркутской области достаточно яркое выражение нашли в середине третьего десятилетия XX в.

В 1924 г. в органы НКВД поступили жалобы от 17 религиозных обществ «староцерковников» г. Иркутска, в которых они говорили о незаконном расторжении органами власти договоров с ними на аренду культовых построек. После расторжения договоров все храмы были переданы обновленцам. По мнению православных верующих традиционной «старой церкви», обновленцев в г. Иркутске было немного. Ими «вербовались» двадцатки, которые и принимали решения о передаче храмов. Имена тех, кому они были переданы, оставались неизвестными [3, л. 105].

«Церковные двадцатки» – исполнительные органы из мирян, которым в бесплатное пользование передавались храмы и церковное имущество. Сообщество не менее чем в 20 человек заключало договоры с местными органами власти на пользование культовыми постройками и церковным имуществом.

В НКВД рассмотрели поступившие жалобы и приложенные к ним «подлинные» документы и пришли к выводу о допущенных местным административным отделом нарушениях «законов и распоряжений» советского правительства. Отмечалось, что действия властей являлись прямым нарушением пункта 13 Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», согласно нормам которого храмы должны передаваться местным жителям соответствующей религии [3, л. 105].

Здесь, по мнению представителей НКВД, проблема крылась в понимании того, кого считать «местным жителем». В одном из документов давалось разъяснение, что это понятие тождественно терминам «прихожанин», а также «лицо, проживающее в близком от храма районе» [3, л. 105].

В г. Иркутске в рассматриваемое время ни представители власти, ни представители обновленческой православной церкви с отмеченным не считались. Для участия в «двадцатках» вербовали лиц, проживавших за городом. Часто это делалось тайным образом [3, л. 106].

Жаловались представители «тихоновской» церкви и на то, что, согласно «Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви», храмы должны передаваться сторонникам изначального православия. На это был получен ответ, что согласно § 4 одной из Инструкций Наркомата юстиции и НКВД (название в источнике не приводится), в рамках одной религии может быть несколько групп. Соответственно, обновленцы также имеют право на получение культовых зданий. Административный отдел может пересмотреть договор с религиозным сообществом, если существую какие-либо нарушения, и заключить новый с религиозной общиной, «внушающей большее доверие» [3, л. 106].

Однако в г. Иркутске храмы у «старопроцерковных» общин отбирались по пустяковым поводам «в интересах торжества обновленчества» [3, л. 106].

В документах отмечалось, что обновленческий епископ (в реальности с 1923 г. – архиепископ) Василий (Виноградов) рассматривал себя в г. Иркутске как представителя «господствующей» церкви. Местная власть в лице адмотдела и милиции ему в этом способствовала. Так, иркутский адмотдел распоряжением № 3823 от 5 марта 1924 г. запретил службы священникам, не принадлежавшим к обновленцам. Также им отмечено, что такие священники не относятся к Иркутскому епархиальному управлению. При этом адмотдел ссылался на советское законодательство [3, л. 106].

Согласно Циркуляру НКВД от 19 июня 1923 г., «вмененными религиозному обществу» являлись священники, а не архиереи. Последние не имели

права вмешиваться в жизнь верующих. Это было в одном из разъяснений НКВД в адрес адмотдела и Иркутского епархиального управления [3, л. 106].

В документах приводится еще один конкретный пример нарушений существующего законодательства. Так, 24 октября 1924 г. появилось предписание Управления Иркутской уездной милиции № 4262 в адрес Тугутуйской общины верующих. В нем отмечалось, что протоколом Иркутского епархиального управления № 26 от 1923 г. священник Коготовский (в источнике без инициалов) с. Тугутуй уволен с должности с запретом ведения служб, но служить продолжил. В связи с этим начальник наружной службы иркутской милиции требовал от верующих отстранить от служб священника и принять нового, милиции проконтролировать [3, л. 107]. Отмеченное являлось нарушением закона.

Архиепископ Василий (Виноградов) пошел еще дальше. Он издал «анкеты» для священников, диаконов и псаломщиков, в которых требовал в 24-часовой срок признать обновленческую церковь. В случае отказа грозил высылкой «в центр» [3, л. 107].

В жалобах представителей «староцерковных» общин отмечалось, что возникают сложности с регистрацией религиозных общин. Предопределено это тем, что местные власти издали секретное распоряжение регистрировать только те сообщества, уставы которых написаны в соответствии с обновленческими положениями. Приходы были обязаны признать обновленчество. Данное распоряжение активно проводилось в жизнь уездными отделами милиции [3, л. 108].

23 апреля 1924 г. был издан Циркуляр Наркомата юстиции и НКВД, запрещавший изъятие храмов у верующих. Как отмечается в источниках, в г. Иркутске данный циркуляр не соблюдался. Передача церквей от «старопоцерковников» обновленцам продолжалась [3, л. 107].

Таким образом, можно говорить о том, что архивные документы и сегодня дают нам интереснейшую информацию по истории православной церкви на территории Иркутской области в 1920-е гг., причем информацию ранее не известную или малоизвестную. Полученные в ходе исследовательской работы данные дополняют имеющуюся картину.

Середина 1920-х гг. стала для Иркутской области и его административного центра, г. Иркутска, временем серьезного противостояния «староцерковников» («тихоновцев») и обновленцев. При этом местные власти вставали на сторону последних, даже идя на нарушения советского законодательства.

Очевидно, что дальнейшая работа с источниками может привести к обнаружению новых фактов как из истории «староцерковного» («тихоновского»), так и обновленческого православия в регионе.

Список источников и литературы

1. Бажков Стефан, иерей. Иркутская епархия в советское время // Иркутская епархия. URL: http://iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm#_Toc284586102 (дата обращения: 04.02.2022).

2. Бажков Степан. Иркутская епархия в советское время // Православие.RU. URL: http://www.pravoslavie.ru/44165.html (дата обращения: 04.02.2022).

3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р1235. Оп. 62. Д. 313.

4. Новикова Т.М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2011. 27 с.

5. Осипов Н., священник. Обновленческий раскол в Иркутской епархии в 1920–1930-е гг. (на примере приходов Братского благочиния) // Информационный портал братской епархии русской Православной Церкви (Московский Патриархат). URL: https://pravbratsk.ru/obnovlencheskij-raskol-v-irkutskoj-eparhii-v-1920-1930-e-gg-na-primere-prihodov-bratskogo-blagochinija/ (дата обращения: 04.02.2022).

6. Смолина И.В. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Иркутской губернии в 1922 году // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2006. Вып. 5. С. 108-117.

7. Цыремпилова И. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160-163.

8. Цыремпилова И.С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. 135 с.

9. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис … д-ра ист. наук. Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.

10. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКиИ, 2008. 300 с.

Зиберт Наталья Петровна, кандидат исторических наук
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
zibert.natalya@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩИН РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ Г. КРАСНОЯРСКА В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках научного проекта РФФИ (№ 20-59-44004) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (№ НШ-63.2022.2.).

Аннотация: В статье рассматривается экономическое положение двух приходов г. Красноярска в период усиления антирелигиозных гонений в 1958–1964 гг. Одним из направлений государственного давления на церковь в этот период стали меры экономического воздействия, призванные подорвать материально-финансовую базу и сократить количество приходов. Анализ финансовой деятельности Троицкой и Никольской церквей г. Красноярска позволил сделать вывод, что в условиях одинакового административного давления на церковь тенденции экономического роста в разных храмах могут существенно отличаться, и зачастую храм с более крупным причтом и большим оборотом денежных средств демонстрирует меньшую стабильность различных экономических показателей, в отличие от небольшого храма со сравнительно небольшим финансовым оборотом.

Ключевые слова: русская православная церковь, государственно-конфессиональная политика, Сибирь.

Некоторое потепление в сфере государственно-конфессиональных отношений, начавшееся после 1945 г., положительно сказалось на функционировании многих религиозных общин в разных регионах страны. Церковные приходы значительно усилили свое влияние на население, были подготовлены кадры священнослужителей, укрепилось материальное благосостояние приходов [1, с. 24]. Данные факты не остались незамеченными контролирующими государственными органами и, начиная с конца 1950-х гг., в стране стали выходить постановления, регламентирующие ту или иную сторону церковной жизни.

Так, еще 16 октября 1958 г. Советом Министров СССР были приняты постановления «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей» [2], в частности, регламентировалась продажа свечей религиозным объединениям и предписывалось свечным мастерским продавать свечи по 200 рублей за килограмм. При этом действовал запрет на повышение розничной цены на свечи в храмах [3, с. 21].

В начале 1960 г. ЦК КПСС были изданы постановления «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» и «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В 1961 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», после принятия которого церковнослужители стали выплачивать налог наравне со священниками [4]. На основании принятого в 1961 г. секретного постановления «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [5, с. 117] были созданы специальные комиссии общественного контроля. Предполагалось, что наличие таких комиссий снизит количество желающих посещать церковь и исполнять религиозные обряды. Кроме того, в начале 1960-х гг. священнослужители были переведены с доходов от треб на твердые оклады [6, с. 24]. Предполагалось, что вышеперечисленные меры должны сократить количество проводимых религиозных обрядов, значительно ослабить материальное положение церквей и тем самым ускорить закрытие последних. Тем не менее данный расчет оправдался лишь частично.

Для примера рассмотрим некоторые статьи доходов и расходов церквей, функционирующих в г. Красноярске в обозначенный период (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о доходах и расходах Троицкой и Никольской церквей в 1958-1964 гг. (по материалам ГАКК) [7, л. 41об., 42, 44об., 45, 47об., 48, 49об., 50, 70об., 71]

Троицкая церковь (Свято-Троицкий Собор)								
	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Продано свечей (кг)	1384	1066	1420	733	1320	1168	1124	882
Доход от продажи свечей	78 614	76 684	77 235	77 486	74 129	67 508	63 708	66 781
Доходы от совершения треб	30 570	28 772	28 722	28 756	15 080	21 872	22 962	22 704
Общий доход	117 128	110 862	104 253	101 123 (129 900)	68 088 (127 700)	103 002	94 683	102 929
Всего расходов	126 532	128 327	104 830	99 807	118 015	98 253	40 486 (43 272)	111 223
Остаток средств на 1 янв.	13 474	4079	3597	3019	4335	44	4792	8989

Никольская церковь (совр. храм в честь Святителя Николая Чудотворца)								
	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Продано свечей (кг)	177	184	163	187	215	276	318	330
Доход от продажи свечей	13 625	13 516	11 993	11 600	10 661	13 739	16 002	16 650
Доходы от совершения треб	3873	4029	4380	5034	3501	6739	7240	6918
Общий доход	18 023	17 380 (21 180)	15 501	14 585 (19 600)	8 297 (18 700)	23 735	25 966	27 851
Всего расходов	25 629	15 308	18 898	14 655	22 772	21 671	22 532	29 008
Остаток средств на 1 янв.	15 618	8018	13 890	10 494	8483	2286	4356	7790

Одним из важнейших показателей материального благосостояния церкви можно считать остаток денежных средств на 1 января каждого текущего года. Из таблицы 1 видно, что начиная с 1958 г. принятие мер, направленных на снижение доходности церквей, действительно привело к снижению остатка денежных средств, которыми располагали церкви к концу каждого отчетного года, в конце 1950-х гг. [8, л. 49об.-50]. Тем не менее важно отметить отсутствие устойчивой тенденции на снижение данного показателя. Так, например, в Троицкой церкви остаток средств на 1 января текущего года планомерно снижался с 1958 г. по 1961 г. включительно, после чего стал наблюдаться устойчивый рост данного показателя. Иная ситуация наблюдалась в Никольской церкви г. Красноярска, в которой в 1959 г. остаток денежных средств на конец года уменьшился почти в два раза по сравнению с 1958 г. и составил 8018 руб., но уже в 1960 г. этот показатель вырос до 13 890 руб.

Отдельный интерес вызывает количество проданных свечей в Троицкой и Никольской церквях в 1958–1965 гг. [9, л. 70об.-71]. Согласно сохранившимся статистическим отчетам, в деревянной одноглавой Никольской церкви простой архитектуры, расположенной на территории Николаевского кладбища г. Красноярска [10], из года в год количество продаваемых свечей незначительно увеличивалось. Исключением стал 1960 г., когда количество проданных свечей снизилось до 163 кг по сравнению с предыдущим годом, когда было продано 184 кг.

В каменной Троицкой церкви, расположенной в северной нагорной части города Красноярска и построенной в традиционных формах позднего классицизма, с 1958 по 1962 г. количество продаваемых свечей существенно разли-

чалось. При этом следует отметить, что в 1958–1961 гг. данный храм был приписан к Покровскому храму г. Красноярска. В эти же годы зафиксировано попеременное увеличение и снижение количества продаваемых свечей. После того, как в 1961 г. богослужения из Покровской церкви переносятся в Троицкий храм [11, с. 183], и он становится главным храмом Красноярского благочиния [12], продажи свечей сначала резко вырастают с 733 кг в 1961 г. до 1320 кг в 1962 г., а потом из года в год начинают неуклонно снижаться.

Много вопросов, в условиях действующего запрета на продажу свечей по цене, превышающей закупочную, вызывает заявленный доход от их продажи [13, л. 41об.-42]. Так, например, в Троицкой церкви в 1961 г. количество проданных свечей снижается по сравнению с аналогичным показателем 1960 г. При этом доход о продажи свечей в 1961 г. выше аналогичной статьи дохода 1960 г. В следующем 1962 г. количество продаваемых свечей увеличивается на 587 кг, при этом доход от продажи свечей снижается на 3357 рублей. Аналогичная ситуация фиксируется по продажам свечей в Никольской церкви в 1958–1959 гг. и в 1961–1962 гг. К сожалению, в архивных документах не удалось обнаружить сведений, позволяющих более точно отследить финансовые потоки при закупе свечей в свечных мастерских, а также их дальнейшую реализацию. При этом следует отметить наличие в Троицкой церкви прямой положительной корреляции между доходом от продажи свечей и доходом от совершения треб на протяжении 1958–1962 гг., когда увеличение или снижение дохода от продажи свечей влекло за собой соответствующее изменение дохода от совершения треб. В небольшой Никольской церкви такая корреляция прослеживается в 1961–1964 гг. [14, л. 44об.-45]. Также следует учитывать тот факт, что некоторые требы, совершаемые священниками, могли остаться незафиксированными [15, с. 113].

Следует также отметить устойчивую тенденцию на снижение ежегодных доходов церквей [16, л. 47об.-48]. Так, в Троицкой церкви с 1958 по 1963 г. общий годовой доход снизился с 117 128 рублей до 103 002 рублей. Аналогичное снижение доходов фиксируется в Никольской церкви, в которой за период 1958–1962 гг. доход с 18 023 рублей уменьшился до 8297 рублей. При этом в Никольской церкви, в отличие от Троицкой, заметный рост доходов стал наблюдаться с 1963 г. Отсутствие в церквях каких-либо устойчивых тенденций на длительное снижение или рост расходов, по всей видимости, объясняется тем, что на количество ежегодных расходов церкви оказывают влияние не только различные внешние причины, но и внутренняя хозяйственная деятельность церкви. При этом следует отметить исправления в заявленном доходе за ряд лет. В статистике Троицкой церкви общий годовой доход был исправлен с 101 123 на 129 900 в 1961 г. и с 68 088 на 127 700 в 1962 г. В Никольской церкви подобные исправления в большую сторону зафиксированы в 1959, 1961 и 1962 гг.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить следующее. Методы экономического воздействия на церковь, используемые советскими властями во время последней волны «хрущевских» антирелигиозных гонений, пришедшей-

ся на 1958–1964 гг. [3, с. 19], ограничили материальную базу действующих церквей и существенно затруднили дальнейшее экономическое развитие приходов. При этом анализ некоторых экономических показателей двух церквей г. Красноярска за 1958–1964 гг. позволяет сделать вывод, что в условиях одинакового административного давления на церковь небольшой деревянный храм может оказаться более устойчивым и в ряде случаев демонстрировать тенденции экономического роста. Одновременно с этим большой каменный храм с более многочисленным причтом и, соответственно, с более крупным оборотом денежных средств может оказаться менее устойчивым в условиях административного давления, что выражается в отсутствии каких-либо тенденций на длительное снижение или рост расходов.

Список источников и литературы

1. Горбатов А.В., Климова Е.С. Патриотическая деятельность приходов Кемеровского благочиния в 1940-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2. С. 47-50.

2. Законодательство о религиозных культах: сб. мат-лов и док-тов. М.: Юрид. литература, 1971. 210 с.

3. Шкаровский М.В. Антирелигиозные гонения 1958-1964 гг. в Ленинградской Епархии и противостояние им митрополита Никодима (Ротова) // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 2. С. 19-33.

4. Писенко К. Налоги и религиозные организации в истории России // Православие.RU. URL: http://www.pravoslavie.ru/237.html (дата обращения: 16.01.2018).

5. Холодков О.А. Взаимоотношения государства и религиозных объединений Русской православной церкви в СССР в 1960–1962 гг. (на примере Оренбургской епархии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 3/1. С. 115-117.

6. Горбатов А.В., Климова Е.С. Патриотическая деятельность приходов Кемеровского благочиния в 1940-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2. С. 47-50.

7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 41об., 42, 44об., 45, 47об., 48, 49об., 50, 70об., 71.

8. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 49об.-50.

9. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 70об.-71.

10. Храм святителя Николая Чудотворца при кладбище в г. Красноярске // Красноярская епархия Русской Православной Церкви. URL: https://kerpc.ru/hram/31671 (дата обращения: 02.06.2021).

11. Сентябова М.В. Влияние антирелигиозной политики Советского государства 1954-1964 гг. на финансово-хозяйственную деятельность Русской православной церкви в Красноярском крае // Гришаевские чтения: мат-лы I нац. науч. конф-ции, посв. памяти д-ра ист. наук, проф., засл. работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 11 сентября 2018 г.). Красноярск, 2018. С. 178-184.

12. Собор Святой Троицы в г. Красноярске. URL: https://kerpc.ru/hram/31680 (дата обращения: 02.06.2021).

13. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 41об.-42.

14. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 44об.-45.

15. Сентябова М.В. Русская православная церковь в Красноярске в 1954-1964 гг. // Инновационные тенденции развития российской науки: мат-лы XII междунар. научно-практ. конф-ции молодых ученых (Красноярск, 8-9 апреля 2019 г.). Красноярск, 2019. С. 111-113.

16. ГАКК. Ф. Р-2384. Оп. 1. Д. 67. Л. 47об.-48.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
dashkovskiy@fpn.asu.ru
Дворянчикова Наталья Сергеевна
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
natali.dvoryanchikova@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44027 и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы в рамках проекта № НШ-63.2022.2.

Аннотация: В статье исследована социальная, благотворительная и культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Новосибирской области в 1992–2000-е гг. Данный период характеризуется гармонизацией государственно-конфессиональных отношений, утверждением свободы совести, развитием системы религиозного образования, социального служения конфессий в регионах, в т.ч. в Западной Сибири. Русская православная церковь осуществляла социальное служение, духовно-нравственное воспитание молодого поколения, благотворительную и просветительскую деятельность, в т.ч. в исправительных учреждениях, детских домах, больницах, домах престарелых, наркологических диспансерах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-конфессиональная политика, Западная Сибирь.

Характеристика и особенности социальной деятельности религиозных общин в России в первое десятилетие после распада СССР в определенной степени освещены в современной исторической науке в трудах Е.В. Нечипоровой [1], О.П. Федирко, С.М. Дударёнок [2], Т.К. Никольской [3] и других исследователей. Однако при этом остается слабо изученной региональная специфика социально-культурной деятельности религиозных общин, в т.ч. в Сибири. Наиболее объективно проанализировать социальную деятельность РПЦ Новосибирской области в 1990-е гг. позволяют архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области. В начале 1990-х гг. происходит формирование новых правовых основ государственно-конфессиональной политики, способствующих активизации деятельности, социального служения религиозных объединений.

В изучаемый период существенно возросло общее число религиозных объединений, а также связанных с ними благотворительных, миссионерских, просветительских центров. Необходимо отметить, что в 2000 г. были приняты Основы социальной концепции Русской православной церкви [4], хотя многие ее принципы реализовывались как раз в 1990-е гг. Достаточно масштабную социально ориентируемую деятельность развернули религиозные организации во всех регионах России, в т.ч. на юге Западной Сибири. В частности, в Новосибирской области Русская православная церковь в исследуемый период активно занималась социальной и благотворительной деятельностью. Так, например, «Группа милосердия» Александро-Невского собора помогала детскому дому № 1, школе-интернату № 152 для детей, больных церебральным параличом [5, л. 2].

В Новосибирской области благотворительная работа Русской православной церкви проводилась также в исправительных учреждениях. В 10 исправительно-трудовых колониях (из 14) в Новосибирской области были созданы храмы и молитвенные помещения, обустроенные руками осужденных. В них проводились богослужения, исполнялись требы, проводились беседы с заключенными, концерты духовной музыки. В результате с 1991 по 1996 г. в исправительно-трудовых учреждениях Новосибирской области приняли крещение 4300 человек, обвенчалась 41 пара [5, л. 3].

Важным направлением государственно-конфессиональной политики в данный период стало заключение соглашений о взаимодействии между РПЦ и государственными органами власти федерального и регионального уровня. Так, постановлением № 227 от 14 июня 1994 г. администрация Новосибирской области поддержала Программу церковно-социальной работы Новосибирского епархиального управления. Программа предусматривала участие церкви в решении отдельных задач в области здравоохранения, образования, летней воспитательной работы и отдыха детей. В рамках этого направления православ-

ным приходам региона были переданы несколько бывших пионерских лагерей, в которых провели летний отдых в 1995 г. более 700 учащихся гимназий и детских домов [6, л. 1-2]. Следует подчеркнуть, что православные организации в исследуемый период в области взяли под свое попечительство более 30 больниц, детских домов и домов престарелых, наркологические диспансеры [5, л. 6-7]. Кроме того, в рамках социального служения Русская православная церковь опекала 34 медицинских учреждения, 22 детских учреждения (интернаты, дома малюток и др.), 11 учреждений для престарелых [5, л. 3].

Одним из направлений социальной работы с населением являлось взаимодействие в сфере образования. К 2000 г. при 40 приходах Русской православной церкви Новосибирской епархии действовали уже 40 воскресных школ, а также работал Новосибирский православный богословский институт, в котором обучалось 169 студентов на очном отделении и 52 на заочном. В 1999 г. было открыто двухгодичное Паломническое отделение для подготовки руководителей клироса и малых хоров. В 2000 г. действовало 6 православных детских лагерей [7, л. 7]. Кроме того, еще одним из направлений социального служения стало сестричество. Активную работу вело сестричество во имя св. Жен Мироносиц при соборе Александра Невского Новосибирска, которая действовала с 1993 г. [8]. Так, 20 сестер трудились в ожоговом центре Новосибирской областной больницы, осуществляли уход за больными, проводили духовные беседы, готовили больных к принятию таинств [9, л. 14]. Не менее активную работу по помощи детям-сиротам вел мужской монастырь во имя святого мученика Евгения в Новосибирске. На попечении монастыря состояло 27 детских учреждений [7, л. 12].

Таким образом, благотворительная и культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Новосибирской области была направлена на развитие социальной сферы. Приведенные данные свидетельствуют об активной социальной работе, проводимой Русской православной церковью. Важными формами социального служения являлись православное сестричество, тюремное служение, сотрудничество органов исполнительной власти с епархией в сфере образования, организация мобильных групп оказания социальной помощи, а также взаимодействие с армией и силовыми структурами.

Список источников и литературы

1. Нечипорова Е.В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей: компаративный анализ: дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2009. 181 с.

2. Федирко О.П., Дударёнок С.М. Социальное служение неправославных христианских религиозных организаций Дальнего Востока в 1990-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 6. С. 61-71.

3. Никольская Т.К. Социальное служение русских протестантов в Ленинградской области (исторический обзор) // XXII Царскосельские чтения: мат-лы междунар. науч. конф-ции (Санкт-Петербург, 24-25 апреля 2018 г.). СПб., 2018. С. 103-106.

4. Официальный сайт Московского Патриархата Русской православной церкви // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128 (дата обращения: 05.12.2019).

5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

6. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 333. Л. 1-2.

7. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397. Л. 7.

8. ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 350. Л. 14.

9. База данных по социальному служению РПЦ // Сестричество во имя св. Жен Мироносиц при соборе св. бл. кн. Александра Невского г. Новосибирска. URL: social.diaconia.ru/service/2157 (дата обращения: 21.10.2019).

Виницкая Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина (г. Бийск)
natigor007@ya.ru
Литягина Алла Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина (г. Бийск)
alityagina@yandex.ru

О ВОСПИТАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ У УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация: В статье рассматриваются возможности истории и других гуманитарных наук для воспитания толерантного отношения к представителям различных конфессий и национальностей. Авторы предлагают внедрение различных исследовательских проектов в обучении, связанных с изучением духовных практик и традиций, а также социально полезной деятельности представителей различных народов, культур и религий. Отмечается наличие множества научных трудов, которые могут быть использованы при создании работ учащимися и студентами в исследованиях по региональной тематике. Авторы обращают внимание на большой потенциал изучения конкретных персоналий – представителей разных конфессий – для воспитания толерантности у подрастающего поколения. Делается вывод о том, что изучение народов и культур, формирующих многонациональное население региона, способствует лучшему пониманию «своих» и «чужих» традиций, восприятию приверженцев иных религиозных воззрений с уважением.

Ключевые слова: толерантность, воспитание, гуманитарные науки, история, конфессии, культуры.

Основная задача образования на сегодняшний день не только дать знаниевый компонент и привить определенные навыки в конкретной предметной области, но научить с уважением воспринимать представителей иных культур и конфессий, выстраивать диалог на позициях взаимопонимания и толерантности. В этой связи изучение основ истории, культурологии, религиозных культур и светской этики выходит на значимые позиции.

При этом необходимо помнить, что понимание иных культур должно осуществляться параллельно с освоением своей собственной культурной традиции. И этому фактору сейчас уделяется большое внимание.

В культуре и религии заложен большой практический смысл. Они содержат гигантский ценностный потенциал. Нужно учитывать, что некоторые религиозные практики потеряли свою актуальность в связи с развитием знаний о мире, космосе. Но представители профессиональной культурной индустрии дают им новую жизнь, создают условия для диалога между современниками и представителями далеких традиций наших предков.

В процессе диалога может возникать своеобразная интерпретация образов, форм и сюжетов традиционной культуры. Термин «интерпретация» (от лат. *interpretatio* – посредничество) понимается как разъяснение смысла, значения. Интерпретация имеет обусловленный мировоззрением, национальными эстетическими предпочтениями и авторской позицией характер, образный строй, логическую систему. В сфере искусства существуют разные виды интерпретации (перевода, толкования, пересказа).

Изучение религиозных практик может осуществляться не только в рамках специализированных дисциплин в вузе или школьных предметов (религиоведение, «Основы духовно-нравственной культуры народов России»), но и является важной составляющей освоения курса «История» на всех этапах его изучения. Огромное количество исторических событий напрямую связано с религиозными взглядами, реформами, войнами. Обойти эти темы не представляется возможным. В противном случае будет нарушено понимание причинно-следственных связей исторических событий и логика смены мировоззренческих позиций.

Но с учётом сложности тем и проблем, всегда сопровождающей религиозные тесты, процессы и отношения, обращение к произведениям художественной культуры может оказать неоценимую поддержку. Сложные темы, показанные сквозь призму художественного видения, могут быть легче восприняты и осознаны, особенно в том случае, если человек далек от религиозной жизни.

При этом важно осознавать и доносить до учащихся разницу в понятиях «религиозное искусство» и «искусство на религиозные темы». И если произведения, относящиеся к первой категории, воспринять и понять можно только

имея определенную практику и знания (например, понимание иконописи), то произведения, условно отнесенные нами ко второй категории, более доступны для понимания. Однако знакомство с религиозной тематикой может быть начато именно с них, т.к. определенный эмоциональный отклик совершенно незнакомое и непонятное произведение вызывает редко. В положительной оценке произведения большую роль может сыграть эффект «узнавания». Это может быть узнавание отдельных образов, символов и знаков. При этом важной задачей педагога станет объяснение их смысловых связей и способов употребления как в контексте художественного произведения, так и в первоисточнике. Так, со знакомства с художественным произведением на религиозную тематику может начаться исследовательский проект для школьника или студента, основанный на поисках семантического значения изображенного.

Также весьма ценным для воспитания толерантности по отношению к религиозным практикам разных народов и постижения духовного богатства как своего народа, так и других этносов, может стать создание проектов по истории своего региона и конфессиональных традиций, культур на территории малой родины учащихся.

Интерес представляет в этом плане Сибирский регион. Изучение отечественной истории эпохи модернизации (вторая половина XIX – начала XX в.) связано с пониманием освоения огромных окраин Российской империи, своеобразия народов, населяющих страну, их хозяйственного и культурного взаимообмена. Сибирский регион уникален тем, что здесь встретились и перемешались самые разные народы, религии и культуры.

Наибольший удельный вес среди всех верующих имело православное население [1, с. 106-107]. Быт верующих людей был значительно пронизан религиозными традициями. Даже хозяйственная жизнь в некоторых случаях несла на себе отпечаток религиозности. Так, все ярмарки в селах были приурочены к приходским праздникам и носили их названия: 8 ноября была Михайловская ярмарка, 14 ноября – Филипповская (в Заговенье на Рождественский пост), 21 ноября – Введенская, 6 декабря – Никольская, 25 декабря – Рождественская, 6 января – Крещенская и т.д. В летнее время: 29 июня – Петропавловская, 8 июля – Прокопьевская, 20 июля – Ильинская и т.д. [2, с. 35].

Число иноверцев в Сибири было весьма значительным. Это иудеи, мусульмане, католики. И.В. Нам отмечает, что в крупных городах и административных центрах Сибири открывались церкви практически всех традиционных для России конфессий [3, с. 318]. Так, уже в первой половине XIX в. католические храмы имелись в Томске, Тобольске и в городах Восточной Сибири (Иркутске, Красноярске). Позже костелы открываются в Омске, Тюмени, Новониколаевске, Каинске, Барнауле [4, с. 773]. Л.В. Кальмина отмечает формирование собственных поведенческих стереотипов у каждой этноконфессиональной группы в результате конфессиональной жизни в «чужом» регионе [5, с. 199]. Со временем и в польско-католической среде начинают действовать те же

процессы, что и в других конфессиональных сообществах: взгляды трансформируются, центр общественной жизнедеятельности меньшинств перемещается от религиозных учреждений к культурно-просветительским организациям и обществам, которые брали на себя часть функций, принадлежавших ранее церкви [3, с. 354-355].

Изучая различные конфессии, их особенности, можно обратиться также к конкретным личностям, их социально значимой деятельности. Учащиеся при поддержке научного руководителя могут готовить доклады по конкретным персоналиям, прославившимся своей благотворительностью, общественной деятельностью и т.п. добрыми делами. По нашему региону издано уже значительное количество книг на базе исследований социальной истории Сибири, в которых показана многоконфессиональная жизнь региона, а также общественно значимая деятельность представителей разных этносов и религиозных культур. Необходимо использовать этот материал в целях воспитания толерантности и гуманизма у молодого поколения.

Делать доклады учащиеся могут о различных видных деятелях прошлого. Так, из русских православных людей был известен в Сибири городской голова Бийска М.С. Сычев, на средства которого многое было построено и приобретено для народа как в родном городе, так и за его пределами [6, с. 115-116, 7]. Также можно найти материал и подготовить доклад о других сибирских меценатах и просветителях [6]. Много, например, написано, о городских деятелях, меценатах Барнаула. Так, барнаульский городской голова В.Д. Сухов (1894–1898 гг.) пожертвовал 5 тысяч рублей обществу попечения о начальном образовании, здание для училища и 4,5 тысячи рублей на строительство другого здания учебного заведения. В 1907 г. он внес плату за 7 беднейших учеников торговой школы, объявив их стипендиатами до конца учебы [8, с. 152].

Большой выбор для рассказа о персоналиях – представителях национальных меньшинств в Сибири – есть применительно к польской общине [9]. Здесь можно рассказывать о деятельности врачей, например, поляков Ц.И. Тэраевича, Э.Б. Блодницкого [10].

То же можно сказать и о евреях. Последние успешно занимали экономические ниши в регионе, которых было много в условиях освоения [11, с. 72-76]. Купцы-евреи также являлись жертвователями своих средств на общее благо. Так, омский предприниматель А.Н. Ковлер во время Русско-японской войны пожертвовал 25 тысяч рублей на попечительство вдов и сирот воинов, призванных на войну. Были и другие еврейские меценаты [11, с. 90-91].

Полезным будет обращение к деятельности мусульман в Сибири (татар, например), а также немцев и представителей других этносов и религий.

Изучение народов и культур, формирующих многонациональное население региона, способствует лучшему пониманию «своих» и чужих» традиций, восприятию приверженцев иных религиозных воззрений толерантно, с уважением. Такое понимание в многонациональном государстве необходимо, ибо

это связано с сущностными вопросами бытия народов. По сути, отношения между народами и религиями жизненно важны, это вопрос жизни и смерти народов и культур. Будем знать, понимать, уважать своеобразие и ценности друг друга – будем жить в мире и согласии.

Список источников и литературы

1. Литягина А.В. К вопросу о работе русской православной церкви с населением неправославного вероисповедания, с раскольниками и сектантами в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции (24-27 мая 2011 г.). Горно-Алтайск, 2011. С. 103-108.

2. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006. 388 с.

3. Нам И.В. Исторические особенности формирования и деятельности диаспоральных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2010. С. 315-356.

4. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. К – Р.

5. Кальмина Л.В. Конфессиональные меньшинства Сибири на рубеже XIX – начала XX вв.: региональные стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Вып. 2 / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2008. С. 193-204.

6. Старцев А.В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая // Предпринимательство на Алтае. XVII в. – 1920-е гг. / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 1993. С. 113-128.

7. Старцев А.В. Меценаты. Штрихи к социальному портрету алтайского купечества // Алтайский сборник. Вып. 14. Барнаул, 1991. С. 56-64.

8. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001. 240 с.

9. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Поляки в Сибири (XIX – начала XX в.) в освещении постсоветской отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 162-170.

10. Бова П.А. Памяти врача-революционера (к 55-летию смерти Э.Б. Блотницкого, 1878–1911). URL: http: https://сибиряки.онлайн/documents/correction/bova-p-a-pamyati-vracha-revolyucionera-k-55-letiyu-smerti-e-b-blotnickogo-1878-1911 (дата обращения: 18.03.2022).

11. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.) Барнаул, 2013. 174 с.

Аюшиева Ирина Гармаевна, кандидат исторических наук, доцент
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ)
aig1973@mail.ru
Жанцанова Марина Георгиевна, кандидат культурологических наук, доцент
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ)
dari9@yandex.ru

СИБИРЕВЕДЕНИЕ В ЯПОНИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается становление и развитие сибириведения в Японии, всплеск которого пришелся на вторую половину XX века, что было связано с окончанием Второй мировой войны, поражением Японии и возвращением японских военнопленных из СССР. В настоящее время в японской науке можно выделить несколько направлений исследований – от изучения климатических процессов в Сибири до её этнографии, археологии и политических процессов в исторической динамике.

Ключевые слова: Сибирь, Япония, японское сибиреведение, сибирское областничество.

Сибирский регион в силу своего особого места в истории России, географического и геополитического положения, экономического потенциала, богатства природными ресурсами, этнографического разнообразия и многих других факторов всегда привлекал внимание исследователей как внутри страны, так и за рубежом. Цель предлагаемой статьи заключается в анализе эволюции японского сибиреведения в его гуманитарной части и выделении основных направлений исследований о Сибири в японской науке.

Впервые исследовательский интерес к Сибири Япония стала проявлять в конце XIX – начале XX в., что было связано с активизацией внешней политики Японии и столкновению её интересов с Российской империей. В этот период особый интерес к Сибири проявляла японская разведка и военные. По крайней мере наиболее известными описаниями Сибири и Дальнего Востока в это время стали дневники первого посла Японии в России Эномото Такэаки и записки подполковника, военного атташе Японии в Германии Фукусима Ясумаса, совершившего одиночное путешествие через Сибирь верхом вдоль строящейся Транссибирской магистрали [1]. Этот период сибиреведения в Японии характеризовался в основном публикациями путевых записок. Революция 1917 г., Гражданская война и интервенция Японии на Дальний Восток и в Сибирь, получившая в Японии название Сибирская экспедиция, добавили массива мемуарной литературы японцев о Сибири.

Вторая волна интереса к Сибири была связана с окончанием Второй мировой войны, в которой Япония потерпела сокрушительное поражение, и осо-

бенно с возвращением японских военнопленных из СССР, большая часть которых отбывала плен в Сибири. Этому способствовали и многочисленные воспоминания бывших военнопленных, издававшиеся в самых различных форматах, в т.ч. и в виде целых книг. Отмечается всплеск интереса к изучению Сибири в японской науке, поскольку некоторые из тех, кто побывал в сибирском плену, также посвятили себя изучению этого региона.

Одним из первых учёных, который внес большой вклад в исследования Сибири в Японии, стал выдающийся историк, антрополог и археолог профессор Като Кюдзо, переживший сибирский плен, и после возвращения на родину занявшийся исследованиями Сибири. Результатом его научных изысканий стала «История Сибири», выпущенная в 1963 г. [2].

Следующая волна интереса японских учёных к Сибири (как и к России в целом) наблюдалась после начала перестройки и сопровождалась резким увеличением массива исследований и их разнообразием. Особенно оживились полевые исследования в области естественных наук, археологии, этнографии, поскольку были сняты определенные ограничения и появились новые возможности для их проведения. Кроме того, именно с этого времени наблюдается интенсификация научных связей и сотрудничества между учеными Японии и России.

В каждом из направлений есть свои излюбленные темы, например, в блоке этнографии много внимания уделено сибирским староверам, а также малым народностям Сибири и Дальнего Востока [3, 4, 5, 6].

Что касается политических процессов, японские исследователи изучали декабристов, конечно же, историю сибирской каторги и ссылки, историю Сибирской экспедиции (интервенции японской армии в годы Гражданской войны), а также сибирское областничество.

В частности, в 2013 г. в Японии вышла еще одна посвященная сибирской тематике работа известного монголоведа, почетного профессора университета Хитоцубаси Танаки Кацухико под очень громким и провокационным названием «Сибири – независимость!» [7], посвященная политическому движению сибирского областничества и её лидеру Г.Н. Потанину. Как отмечал автор исследования, имя Потанина было хорошо известно в кругах японских исследователей Центральной Азии. Достаточно сказать, что один из его трудов «Очерки Северо-Западной Монголии» вышли в печать в апреле 1945 г., за несколько месяцев до капитуляции Японии во Второй мировой войне. Потанина знали как путешественника, географа, этнографа и пр. Однако его политические взгляды и явление областничества были в Японии совершенно не известны. Эта книга стала первым исследованием сибирского областничества. Автор показал фигуру Потанина как пример выдающейся личности, посвятившей себя служению обществу, и в этой связи на сайте университета Хоккайдо книгу рекомендуют для прочтения молодёжи.

Еще один известный японский историк Тэраяма Кёскэ – исследователь России и СССР и японо-российских отношений, автор таких работ, как «Поли-

тика в области железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке в 1930-е гг. Планы по построению единой транспортной системы», «Политика СССР на Дальнем Востоке в 1920-е гг.» [8].

Необходимо отметить, что особое место в исторических исследованиях занимает так называемая Сибирская экспедиция (так в японской историографии именуется интервенция японской армии в Сибирь и на Дальний Восток). Самым разным аспектам этой проблемы посвящено множество исследований. Только после 2000 г. в Японии вышло как минимум пять книг на эту тему [9, 10, 11, 12].

В настоящее время под эгидой Центра славянских и евразийских исследований при университете Хоккайдо реализуется крупный международный исследовательский проект с участием учёных из нескольких стран. Темой этого проекта является Сибирская экспедиция в контексте изменения международной ситуации того периода.

Упомянутый выше Центр славянских и евразийских исследований является одним из лидирующих японских научных учреждений, занимающихся проблемами Сибири. Центр аккумулирует огромный массив литературы по Сибири и Дальнему Востоку, включая фото- и картографические материалы. Есть даже фотоальбомы военнопленных времен Русско-японской войны.

Кроме этого, сибиреведение развивается и в других университетах, таких как, например, Центр исследований Северо-Восточной Азии при университете Тохоку, в структуре которого есть отдел исследований России и Сибири. В 1998 г. центр даже открыл свой офис в Академгородке Новосибирска.

Еще одним центром, занимающимся изучением экономики России и в т.ч. Сибири, является Научно-исследовательский институт по проблемам экономики Северо-Восточной Азии (ERINA) в Ниигата.

Этнографическими исследованиями Сибири занимаются сотрудники Национального этнологического музея. Например, в сфере интересов профессора Сасаки Сиро находятся традиционные промыслы аборигенов Сибири (частности, технология ткачества), а также история малых народов Сибири.

В 1999 г. был осуществлен проект по созданию текстовых корпусов языков коренных народов Сибири и их исследованию с точки зрения грамматики, в частности, языка колымских юкагиров. Кроме того, вышли исследования языков народов Сибири, относящихся к тюркской группе – якутов, тувинцев, долган, шорцев, тофаларов и хакасов [13].

О неизменном интересе к Сибири и говорит тот факт, что в марте 2000 г. в Японии был издан перевод сборника статей «Сибирь: прошлое и будущее», содержащий статьи учёных из Томска, Новосибирска и других сибирских городов.

Таким образом, основными направлениями в сибиреведении, к которым проявляла интерес современная японская наука, стали:

– изучение климата Сибири, влияния глобального потепления и поведения вечной мерзлоты;

– этнография народов Сибири (изучение малых народов Сибири и Дальнего Востока, их культура, религия, традиционные промыслы, система организации обществ, семейно-брачные отношения и т.д.);

– языки народов Сибири (корякский, чукотский, тюркские языки и др.);

– сибирская археология;

– история освоения Сибири (история сибирского купечества, торговые отношения с местным населением и пр.) [14-16];

– международное положение Сибири, отношения с соседними государствами (Сибирь в российско-монгольских, российско-китайских отношениях, история Дальневосточной республики и её отношения с соседними странами);

– политические процессы в Сибири (Сибирская экспедиция, областничество, Гражданская война в Сибири, история Транссиба и КВЖД).

Список источников и литературы

1. Кузнецов С.И. Россия, Сибирь в известиях японских путешественников, исследователей и дипломатов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-sibir-v-izvestiyah-yaponskih-puteshestvennikov-issledovateley-i-diplomatov/viewer.

2. 加藤九祚 シベリアの歴史 紀伊國屋書店、2018. 209 p. Като Кю:дзо. История Сибири. Кинокуния-сётэн, 2018. 209 с.

3. 阪本秀昭 ロシア正教古儀式派の歴史と文化 世界歴史叢書 、明石書店 、２０１９. 468 p. Сакамото Хидэаки. Староверы России. История и культура. Акаси сё:тэн, 2019. 468 с.

4. 佐々木史郎 ポストソ連時代におけるシベリア先住民の狩猟 民俗学研究 ６３／１、１９９８. Сасаки Сиро. Охота у аборигенов Сибири в постсоветский период // Этнографические исследования. 1998. № 63/1.

5. 永山ゆかり・吉田睦 編 アジアとしてのシベリア ・ロシアの中のシベリア先住民世界 勉誠出版, 2018. 272 p. Нагаяма Юкари, Ёсида Ацуси. Сибирь как Азия – Мир аборигенов российской Сибири. Бэнсэй-сюппан, 2008. 272 с.

6. 吉田睦トナカイ牧畜民の食の文化・社会誌 : 西シベリア・ツンドラ・ネネツの生業と食の比較文化、彩流社、２００３、274 p. Ёсида Ацуси. Записки о культуре питания и истории общества у народов, занимающихся оленеводством. Сравнительная характеристика культуры промыслов и питания ненцев из тундры Западной Сибири. Сайрю:ся, 2003. 274 с.

7. 田中克彦シベリアに独立を!」――諸民族の祖国(パトリ)をとりもどす 岩波書店、2013. 240 p. Танака Кацухико. «Сибири – независимость!». Иванами-сё:тэн, 2013. 240 с.

8. 寺山恭輔1930年代ソ連極東・シベリアの鉄道政策一体系的輸送計画の構築一/東北アジア研究 、26号、p. 1 - ３１. Тэраяма Кёскэ. Политика в области железных дорог в Сибири и на Дальнем Востока в 1930-е гг. Планы

по построению единой транспортной системы». URL: https://doi.org/10.50974/00134013.

9. 広岩　近広　シベリア出兵――「住民虐殺戦争」の真相、花伝社, 2019. 、160 p . Хироива Тикахиро. Сибирская экспедиция. Вся правда о резне гражданского населения. Кадэнся, 2019. 160 с.

10. 麻田雅文　シベリア出兵 近代日本の忘れられた七年戦争 (中公新書). 中央公論新社, 2016. 283 p . Асада Масафуми. Сибирская экспедиция. Забытая в современной Японии 7-летняя война (сер. Тюко:синсё:). Тю:о:ко:рон-синся.

11. 細谷 千博 シベリア出兵の史的研究 岩波現代文庫、2005. Хосотани Тихиро. Исследования истории Сибирской экспедиции. Иванами гэндай-бунко:, 2005.

12. 土井全二郎 シベリア出兵、 光人社NF文庫 、 2020. 280 p . Дои Дзэн-дзиро. Сибирская экспедиция. Ко:дзинся NFбунко, 2020. 280 с.

13. 金子亨　先住民族言語のために 草風館 1999. 320 p . Канэко Тоору. За национальные языки коренных народов. Софу:кан, 1999. 320 с.

14. Mikami Masatosi. The Russian conquest of Western Siberia and its resorces. URL: https://catalog.lib.kyushuu.ac.jp/opac_detail_md/?lang=1&amode=MD100000&bibid=2329460; URL: https://doi.org/10.15017/2329460; URL: http://hdl.handle.net/2324/2329460 (дата обращения: 29.04.2022).

15. 森永貴子 イルクーツク商人とキャフタ貿易―1792～1830 年― 北海道大学出版会、 2010. Моринага Такако. Торговля по Кяхтинскому договору и иркутское купечество (1792–1830 гг.). 2010. 562 с.

16. 森永貴子　ロシアの拡大と毛皮交易　１６～１９世紀シベリア・北太平洋の商人世界、彩流社、2008. 240 p. Моринага Такако. Расширение России и торговля мехом. Торговля в Сибири и на северном побережье Тихого океана в XVI-XIX веках. Сайрю:ся, 2008. 240 с.

Путилин Михаил Сергеевич
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск)
mish.put.1997@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СЮЖЕТА О ЦАРЕ-СТАРЦЕ

Аннотация: Статья посвящена методологическим проблемам изучения сюжета о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича. Осуществлён историографический обзор методологических концепций, которыми пользовались предшествующие исследователи этой темы в историческом и литературном контексте. Сделана попытка предложить оптимальный вариант мето-

дологической концепции для будущего исследования сюжета о царе-старце как явления социокультурной истории.

Ключевые слова: методология, история России, вторая половина XIX в., социально-утопические легенды, Александр I, Фёдор Кузьмич.

Исследования сюжета о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича начались ещё в начале XX в., когда этот сюжет в народном представлении был ещё актуален, а в Томске официально существовал разделявший эту легенду кружок почитателей старца. При этом конкретная легенда об императоре Александре I редко изучалась сама по себе, несмотря на признание её уникальным феноменом большинством авторов предшествующей научной литературы. Её рассматривали либо как сюжет, родственный социально-утопическим легендам об «избавителе», но не являющийся одной из них, либо как уникальное явление отечественной литературы Серебряного века. Следует сказать, что это положение разделяют исследователи, работавшие с сюжетом о царе-старце как с позиций социокультурной истории, так и с позиций литературоведения. Первые видели в нём результат «нереализованной легенды об Александре I – избавителе», вторые считали её мифологизированным литературным сюжетом, который прошёл несколько периодов «актуализации» из-за уникальных обстоятельств российской истории XX в. Эта ситуация привела к тому, что вопрос рассмотрения легенды о царе-старце как источника, представляющего самостоятельный интерес для науки, и в т.ч. поиск оптимальной методологической концепции для исследования сюжета о царе-старце как феномена социокультурной истории, является актуальным и в настоящее время.

Цель работы – на основе анализа предшествующей научной литературы по исследованию легенды о царе-старце составить обоснование методологической концепции, наиболее полно отвечающей оптимальному подходу к данной проблеме и способной при ее применении вывести исследования легенды о Федоре Кузьмиче на новый уровень.

Первым автором, применившим к исследованию социально-утопических легенд и родственных им сюжетов принципы неклассической методологической концепции, был К.В. Чистов. В работе, посвящённой комплексу легенд о «возвращающемся избавителе», он применил методологические принципы, основанные на схемах функций фольклора В.Я. Проппа. Автор сделал много полезных для последующих исследователей замечаний как о самом комплексе социально-утопических легенд, так и о типологически близких к ним религиозных сюжетах. Тем не менее в соответствии с господствовавшей в СССР классовой теорией К.В. Чистов почти не рассматривает те легенды и случаи самозванства, которые не оказали значительного влияния на социально-политические движения крестьянства и других низших социальных групп. По этой причине исследователь рассматривает легенду о святом старце Фёдоре Кузьмиче только как проявление «несостоявшейся легенды об Александре I “избавителе”» [1, с. 202].

Применимость схем, намеченных В.Я. Проппом и К.В. Чистовым для исследования конкретных социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе», убедительно доказана работой А.С. Мыльникова «Легенда о русском принце» [2]. Исследователь подробно проанализировал все основные варианты легенды о «возвращающемся избавителе» в лице Петра III, бытовавшей в XVIII в. Помимо этого, автор раскрыл причины зарождения и распространения этой легенды в форме слухов, а также причины её устойчивости в народных представлениях. В более поздней работе «Искушение чудом» [3] А.С. Мыльников расширил источниковую базу и углубил анализ, что позволило подтвердить на новом уровне выводы предшествующей работы. С.В. Привалихина в историко-биографической работе об императрице Екатерине Алексеевне сделала заслуживающее внимания замечание [4, с. 6] о том, что тема сюжета о царе-старце является предметом не политической, а социокультурной истории.

Одним из последних историков, обратившихся к этому вопросу, является Н.Н. Иванов. В статье «Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте» [5] автор попытался вписать сюжет о царе-старце и другие легенды об Александре I в типологический ряд фольклорных произведений. При этом исследователь совершил серьёзное упущение, немотивированно, по нашему мнению, отказавшись рассмотреть легенду о царе-старце в контексте народных представлений XVIII–XIX вв., в частности, «мифа о царе» и легенд об «избавителе», предпочтя сравнение с другими сюжетами из фольклора. Это привело к тому, что сам автор не смог отнести легенду о царском происхождении Фёдора Кузьмича к какому-либо определённому типу: «Образ Александра Первого существенно мифологизирован и создан по законам текстов трех типов: легенда (романовская легенда и легенда о святом старце), семейное предание и агиография с чертами фольклора» [5, с. 199]. Далее Н.Н. Иванов отметил, что подобное размывание типовых и жанровых границ характерно для легенд этого периода, однако это также не проясняет положение легенды о царе-старце в типологическом ряду народных легенд XVIII–XIX вв.

Достаточное внимание эта легенда получила и со стороны филологов. Е.Б. Гайдукова в своей диссертации рассмотрела историю этой легенды в литературе, подробно разобрав репрезентацию легенды о царе-старце русскими писателями Серебряного века и современными авторами [6]. Тем не менее все авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникального явления и в историческом, и в литературном плане. Попытки вписать легенду о Фёдоре Кузьмиче в хронологический ряд известного народного «мифа о возвращающемся избавителе» XVIII–XIX вв. до сих пор не были осуществлены в силу специфики исследовательских работ по этой теме или по нежеланию авторов проводить параллели этой легенды, по меткому наблюдению Е.Б. Гайдуковой,

превратившейся в «национальный символ» [6, с. 7], с представлениями, порождавшими в XVII–XVIII вв. деятельность различных самозванцев.

Итоги краткого обзора историографии сюжета о царе-старце указывают, что самой эффективной методологической концепцией для работы по этой теме является раздел исторической антропологии под названием «история ментальностей». Именно им пользовался Н.Н. Иванов, сравнивая сюжет о царе-старце с различными фольклорными произведениями об Александре I. А К.В. Чистов, автор самой успешной типологизации легенд об «избавителях» и родственных им сюжетов, пользовался в основе схемами функций сказочного сюжета, составленных В.Я. Проппом, который по праву считается прямым предшественником исторической антропологии и, следовательно, истории ментальностей. В связи с этим следует остановиться на принципах этой методологической концепции подробнее.

Данная методологическая концепция предполагает, что поведение людей «…в значительной мере определяется теми нормами, образцами и ценностями, которые признаны в данном обществе как сами собой разумеющиеся» [7, с. 8]. Эти коллективные представления в разных сферах сегодня объединяются историками термином «ментальность»: «Можно констатировать тенденцию не к ограничению, а ко все большему расширению поля зрения историков ментальности. Наряду с “подсознанием” общества они стремятся изучать все другие способы истолкования мира – философские, научные, идеологические, литературные, религиозные» [7, с. 9]. Впервые этот термин в значении «коллективной психологии» ввел А. Дюпрон в 1961 г. Известно, что в современной историографии понятие «ментальности» является спорным, а некоторые исследователи склонны отказываться от него, используя синонимичные понятия «представления» и «знания».

В качестве методов исследования в рамках этой концепции в зависимости от типа доступных источников могут быть привлечены как привычные для исторической науки сравнительный метод, текстологический и контент-анализ, так и более сложные количественные методы, которые используются при работе со статистикой. Другой отличительной чертой «истории ментальностей» является широкое применение междисциплинарного подхода, взаимодействия со смежными с исторической наукой дисциплинами (антропологией, социологией, лингвистикой), а также активное сотрудничество между специальными отраслями внутри самой науки (экономической, социальной и политической историей).

Важно подчеркнуть, что «ментальности» в соответствии с этой концепцией изучаются не «сами по себе», а как органичная часть системы из социальной группы, экономических и политических процессов, культурной среды, которые в совокупности сформировали изучаемые «коллективные представления». Это характерный пример саморегулирующейся системы, изучение которых является одним из принципов неклассической научной рациональности.

В то же время концепция «истории ментальностей» не предполагает исследований, направленных на выявление целостной и динамичной картины этих коллективных представлений для какого-либо социума. Предмет исследования всегда ограничен ментальностью конкретной социальной группы, вне зависимости от того, насколько значимой была эта группа и её «ментальности» в обществе. Некоторые исследования, построенные на принципах «истории ментальностей», и вовсе преднамеренно выбирают в качестве предмета исследования представления маргинальных групп, т.к. их «ментальности» проще изучать, если она была зафиксирована в источниках.

В случае с комплексом народных социально-утопических легенд XVIII–XIX веков о «возвращающемся избавителе», очевидно, что мы имеем дело с устойчивым комплексом фольклорных элементов и символов, к которому применим термин «ментальность», или «народное представление». Предшествующая историография изучения вопроса, в особенности работы В.Я. Мауля и Е.Е. Дутчак, показали, что именно эта методологическая концепция может наиболее полно осуществить задачи исследования и таким образом помочь в достижении цели.

Однако в связи со сложным характером сюжета о царе-старце и постепенным процессом его изменения на протяжении XIX в. для нас также представляют интерес отдельные принципы методологической концепции конструктивизма. А.М. Улановский в статье, посвящённой основным положениям этой концепции, отметил её следующий принцип: «С конструктивистской точки зрения, мы не просто активно отражаем мир, но строим, или выстраиваем, его посредством языка и культурных систем» [8, с. 133]. Исходя из этой установки, мы сможем изучать сюжет о царе-старце как динамичное явление, содержание которого изменялось на протяжении второй половины XIX в.

Таким образом, исследование сюжета о царе-старце в рамках «истории ментальностей» и с учетом концепции конструктивизма позволит обоснованно определить четкое положение и роль легенды о царе-старце в контексте народных представлений XVIII–XIX вв., а также научно описать изменения данного сюжета и причины этого явления, связав их с особенностями динамики картины мира жителей Сибири изучаемого периода.

Список источников и литературы

1. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.

2. Мыльников А.С. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1987. 174 с.

3. Мыльников А.С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1991. 272 с.

4. Привалихина С.В. Русская судьба немецкой принцессы: императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826). Тула: ОАО ИНО «Лев Толстой», 2009. 340 с.

5. Иванов Н.Н. Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 198-201.

6. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Феодоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета (филология). 2008. Февраль. № 308. С. 7-10.

7. История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 255 с.

8. Улановский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Epistemology & Philosophy of Science. 2006. № 4. С. 129-141.

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
demtchikev@mail.ru
Дубик Ирина Михайловна
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
ira.dubik.00@mail.ru

ФОРМЫ, МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫТЕСНЕНИЯ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В КОНЦЕ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ)

Аннотация: В статье рассматривается процесс вытеснения частного капитала в период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. Анализируется характер, формы и результаты взаимодействия государства и частного капитала, выявляются пути решения кризисов новой экономической политики советской властью. Сделан вывод, что к концу 1920-х гг. потенциал нэпа не был исчерпан, он был не реализован в условиях непоследовательности политики большевиков, характерной для всех сфер и направлений новой экономической политики.

Ключевые слова: новая экономическая политика, ликвидация нэпа, кризис, предпринимательство.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к экономике 20-х гг., многие проблемы вызывают острые дискуссии. К числу таких относятся вопросы о кризисах новой экономической политики и неразрывно связанной с ними темой ликвидации рыночных отношений в конце 1920-х гг. Вопрос о причинах и механизме свертывания нэпа, о взаимодействии государственного и частного капитала в условиях кризиса в настоящий момент имеет особую актуальность.

Сложность восстановления экономики из кризисного состояния с минимизацией издержек и ошибок, неизбежно происходящих в рамках подобного рода процессов, делает опыт перехода к многоукладной экономике в 1920-х гг. незаменимым. Необходимость создания эффективной экономической модели, в которой бы сочетались интересы государства и отдельных граждан, крупного капитала и мелкого бизнеса, – в этой связи может быть полезен опыт нэпа, ставшего попыткой выхода из того кризисного политико-экономического состояния, которое охватывало Россию на протяжении 1920-х гг. Это был поворот от административно-командных к государственно регулируемым рыночным методам хозяйствования, требовавших поиска новых моделей взаимодействия между участниками экономических отношений. Вопрос преодоления кризисных этапов в экономической жизни общества, роль и мера государственного регулирования рыночных отношений имеет большое значение для успешного решения современных задач.

Процесс модернизации в России в 1920-1930-е гг. имел свою специфику, связанную с особенностями экономического, общественно-политического состояния страны после прихода большевиков к власти. Нэп, являясь в первую очередь антикризисной программой, имел потенциал для развития не только в контексте восстановления народного хозяйства, но и в парадигме модернизации. В этом контексте речь должна идти не только об отдельных ситуационных кризисах нэпа или о кризисе нэпа на его завершающей стадии, а о политике, потенциал которой не был раскрыт до конца, изначально носившей в себе противоречия. Так, фундаментальное противоречие между различными общественно-экономическими укладами, сосуществующими в рамках экономики России 1920-х гг., и монополией партии большевиков на политические и экономические решения стало причиной ликвидации новой экономической политики.

Хозяйственные кризисы, возникавшие на всём протяжении 1920-х гг., имели в своей основе не только внутренние противоречия самой системы нэпа, но и конкретно-исторические причины. Тенденции в отношении частного капитала в период нэпа не были статичны, они изменялись и были различны в период хлебозаготовительных кризисов 1923–1924 гг., 1925–1926 гг., 1927–1928 гг. До 1925 г. преобладала тенденция «примирения» с принципами рыночных отношений. Меры, использовавшиеся для давления на частный сектор в период кризиса, имели преимущественно экономический характер [1]. Начиная с 1926 г., в связи с курсом на форсированную индустриализацию, оживилась противоположная тенденция, усилились ограничения роста частного сектора, началось применение репрессивных методов в отношении нэпманов, в первую очередь на заготовительном рынке. Активное вмешательство государства в экономику путем директивного ценообразования, ограничения частной инициативы и кредитования приводило к дестабилизации рыночного механизма, кризис 1927 г. был неизбежен при продолжении такой политики. В ходе этого кризиса произошел окончательный поворот в сторону жестких ад-

министративных мер и в дальнейшем к полной ликвидации частного капитала. Выбор именно этого варианта разрешения кризиса показывает, что использование механизма государственного регулирования в рыночной экономике требует высокой компетентности решений и гибкости в расчетах и планировании, возможности выбора альтернатив на всех уровнях управления. Отсутствие этих условий подрывало нэп, приводило к возникновению кризисных явлений. Кризисы 1920-х гг. стали толчком к вытеснению частного капитала, оно происходило в разных формах, советской властью использовались различные методы.

Разнообразие репрессивных мероприятий, направленных на сдерживание деятельности предпринимателей, было довольно значительным на всём протяжении новой экономической политики. Характерной чертой вытеснения частного капитала в период нэпа является сочетание экономических, административных и репрессивных методов.

До 1926 г. можно говорить о преобладании экономических мер, в числе которых высокие налоги, конфискация имущества [2]. Так, положение о государственном подоходном налоге от 28 октября 1924 г. вводило прогрессивное налогообложение частных предприятий [1]. Все эти меры приводили к уходу частного капитала в подполье, негативно сказывались на товарной насыщенности рынка.

Но уже с 1926 г. начались экономические и политические притеснения представителей частного сектора, в частности, из промышленности: предприниматель был значительно ограничен в правах по сравнению с госсектором. Были повышены тарифы на грузоперевозки, прекращено кредитование частных предприятий, пересмотру и расторжению подверглись договора об аренде государственных предприятий.

Местные органы ОГПУ произвели аресты четырнадцати наиболее влиятельных хлеботорговцев. Однако такая радикальная мера вызвала неудовольствие в центральных руководящих органах, и вскоре взятые под стражу нэпманы были отпущены [3, с. 67]. Тем не менее данные мероприятия нанесли тяжелый урон частным торговцам. В начале января 1926 г. частники сократили объемы заготовок и вывоз хлеба из Сибири. Однако, несмотря на принятые меры, полностью вытеснить частника с хлебного рынка в 1926 г. не удалось, хотя и конкурентоспособность его была подорвана. В следующую хлебозаготовительную компанию 1926–1927 гг. из-за административного нажима нэпманы с хлебного рынка практически полностью были вытеснены [4]. В первую очередь политика вытеснения частного сектора применилась в промышленности, особенно в мукомольной, в связи с кризисом хлебозаготовок 1926 г., затем – в торговле и пищевой промышленности, к 1927 г. частник сохранял значительные позиции только в кустарных промыслах [5, л. 5]. Крайне нестабильная ситуация в экономике периода нэпа определяла и распределение капиталов: большая часть средств направилась в торговлю, а не в производственную сферу, как предполагалось при введении нэпа.

Основным инструментом ликвидации частного капитала стали административные меры, расцвет применения которых пришёлся на период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. Любые правонарушения со стороны нэпманов рассматривались советской властью как подрывная деятельность в масштабах государства, что не исключало и высшую меру наказания. Предпринимательская деятельность стала сферой, сопряженной с риском не только для материального состояния, но и для жизни.

Причем репрессиям подвергались именно те регионы, где нэп пустил крепкие корни. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что в Сибири периоды превалирования «либеральной тенденции» были менее продолжительными, чем в большинстве регионов СССР [6, с. 284]. Сама структура крестьянского хозяйства, особенно на Алтае, определяла активное развитие рынка: мелкотоварное хозяйство деревни, распространенность промыслов, ремесла, большая доля кустарной промышленности не могли существовать вне рыночных отношений. При этом можно отметить особое рвение местных властей в вопросах следования курсу на вытеснение частника, что широко освещалось в региональной печати [7].

С одной стороны, советская власть допускала открытие частных предприятий и помощь частного капитала в продовольственном обеспечении населения, с другой – чинила препятствия и всячески ограничивала частную инициативу. В этих условиях закономерным было формирование особого социального состава и психологических типов нэпманов. Неуверенность в будущем вызывала нежелание частных предпринимателей расширять производство, а крайне нестабильная ситуация в экономике определяла и распределение капиталов: большая часть средств направилась в торговлю, а не в производственную сферу, как предполагалось при введении нэпа. Информационное и идеологическое сопровождение кампании вытеснения частника закрепили негативное восприятие предпринимательской деятельности в обывательской среде на годы вперед.

Ликвидация частного сектора в конце 1920-х гг. нарушила равновесие многоукладной экономики и привела к обострению товарного голода, т.к. ни государственная, ни кооперативная торговля не были готовы заменить частный капитал в разноплановых экономических связях. Вытеснение частного капитала происходило не вследствие качественных улучшений в государственном торговом секторе, а в результате применения искусственных, административных мер, что усугубляло противоречия новой экономической политики.

Таким образом, несбалансированные мероприятия правительства, направленные на сдерживание частника и укрупнение обобществленного сектора, приводили к дестабилизации рынка. На всем протяжении 1920-х гг. частному капиталу приходилось решать задачи выживания, а не развития. В этих условиях потенциал рыночных отношений не был реализован.

Главное противоречие нэпа, которое определило его свёртывание, – противоречие между многоукладной экономикой и партией, узурпировавшей все политические решения. Нэп мог развиваться как особый способ модернизации

всей системы народного хозяйства при условии раскрытия потенциала рыночных отношений. Однако методы преодоления экономических кризисов, обусловленные монополизацией правящей партией всей политической сферы, привели к свертыванию системы нэпа как варианта постепенной модернизации общественно-экономической системы.

Список источников и литературы

1. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. Валютное регулирование в период нэпа. М., 1998.
2. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927.
3. Ильиных В.А. Хлебозаготовительная компания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996.
4. Ильиных В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири. Новосибирск, 1996.
5. Государственный архив Алтайского края. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 47.
6. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
7. Советская Сибирь. 1929. 15 марта.

Санкин Евгений Валерьевич, кандидат исторических наук
МБОУ СОШ № 25 (г. Сургут)
zsankin@yandex.ru
Зиновьев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск)
vpz@tsu.ru

РЫБООБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: Рассматривается малоизученная история промышленности Сибири, связанная с обработкой и хранением рыбы. В низовьях Оби ловили ценные сорта рыбы (осетр, стерлядь, муксун, нельма, сырок), которая вывозилась в соленом виде, а с начала XX в. – в консервированном. В среднем течении и верховьях Оби и Иртыша преобладала ловля озерной соровой рыбы – язя, чебака, щуки, окуня, ельца, карася. Озерная рыбалка поставляла мороженую рыбу для простонародья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, рыболовство, рыбообрабатывающая промышленность.

Торговля рыбой и формирование рыбообрабатывающей промышленности в Западной Сибири в XIX – начале XX в. изучены слабо, историография вопроса невелика [1, 2, 3 ,4 ,5, 6], т.к. под рыбопромышленностью обычно понималась рыбодобыча, на обработку рыбы и рыботорговлю историки внимания обращали мало [7, 8, 9, 10, 11], поэтому осталась потребность выяснить, что собой представляла продукция товарного рыболовства. В статье дается обобщенный очерк рыботорговли и рыбообработки в Западной Сибири в XIX – начале XX в.

Основными рыбными продуктами Западной Сибири в XIX – начале XX в. была соленая и свежемороженая рыба. При этом, если географически разместить приготовление рыбных продуктов, то получится, что север Тобольской губернии был поставщиком в основном соленой рыбы, а Нарымский край и Барабинский район – свежемороженой. Однако только этим рыбная продукция не ограничивалась. Также практиковалось приготовление разнообразной сухой рыбы, копченой, консервированной, но масштабы заготовки такой продукции были невелики.

По наблюдению современников, практически весь улов Тобольского севера подвергался засаливанию. Соленая рыба подразделялась на крепкосоленую (стоповую) и малосольную. Стоповая рыба приготавливалась следующим образом: рыба распарывалась с живота, вынимались все внутренности, и сильно засаливалась, после чего укладывалась в чаны под гнет на 6-7 дней. По истечении времени рыба вынималась и промывалась в образовавшемся рассоле, после чего складывалась отдельно в стопы. Такая рыба, пролежавшая в стопах до осени, оказывалась очень соленой, и потребителю нужно было ее обязательно вымачивать. Малосольная рыба приготавливалась из высших сортов рыбы и отличалась от стоповой лишь тем, что засаливалась она в бочках с меньшим количеством использования соли и сразу закупоривалась. Малосольную рыбу начинали готовить намного позже, чем стоповую, чтобы рыба не успела испортиться до продажи. Рыбопромышленники не были заинтересованы в заготовке малосолов, хотя качество такой рыбы было гораздо выше. Рыба, приготовленная таким способом, не пользовалась особым спросом. Во-первых, малосольная стоила дороже стоповой рыбы, а во-вторых, она не являлась для покупателя надежным продуктом заготовок на зиму. А.Н. Варпаховский отмечал, что на уральских заводах и в Пермской губернии малосольная рыба вовсе «игнорируется» [7, с. 14]. Таким образом, крепкое соление рыбы являлось самым надежным способом предохранения от ее порчи.

С другой стороны, современники отмечали, что качество соленой рыбы по некоторым причинам было очень плохим. Например, добываемая полуневодчиками рыба не сразу доставлялась к месту засола, а по мере наполнения лодки, где подвергалась разложению. Иногда рыба к месту засола прибывала лишь через

10-12 часов, где еще могла пролежать сутки за недостатком соли или засольщика. Плохо засоленная рыба в жаркую погоду начинала гнить и портиться. Плохо промывались чаны и баржи, что также влияло на качество рыбной продукции.

Соление рыбы происходила в специальных сараях – «засольне». Как правило, эти сараи состояли из двух отделений, в одном из которых стояли чаны и солилась рыба, в другом она складывалась в стопы. Врачебные отчеты и доклады окружных исправников наглядно демонстрируют антисанитарные условия переработки рыбы в «засольне». В документах отмечалось, что в амбарах для засола рыбы было грязно и неопрятно, а отбросы от переработки рыбы сбрасывались рядом с помещением. Стопы складывались прямо на землю. После таких ярких замечаний губернское управление обязывала рыбопромышленников нанимать специальных уборщиков, оборудовать пол в засольне для стоповой рыбы, а жир топить вдали от жилых помещений. Контроль за исполнением постановления ложился на плечи окружных исправников, полицейских, волостных и инородных управлений [12, ф. 352, оп. 1, д. 309, л. 21-22об.]. Тобольская администрация была заинтересована в развитии промышленного рыболовства на севере губернии, в частности, и в повышении культуры переработки рыбы. Власти осознавали, что местные рыбные продукты довольно низкого качества, а сбыт наиболее ценных пород рыб весьма ограничен.

Ценность рыбных продуктов зависела и от качества употребляемой соли. На рыбных промыслах использовалась коряковская соль, добываемая в Семипалатинской области. Эта соль была слишком крупной и низкого качества. Она плохо подходила для приготовления малосольной рыбы, икры и других рыбных продуктов.

Другим наиболее распространенным способом являлось приготовление сухой рыбы. Из рыбы преимущественно готовили два сухих товара – это «юрок» и «поземы». Юрок готовили следующим образом: сначала рыба очищалась от чешуи, потом от головы делался надрез, и срезалось мясо с позвоночной кости до хвоста, а на внутренней стороне делались поперечные разрезы. Таким образом, срезанное мясо с обоих боков фиксировалось кожей, и в таком виде рыба вывешивалась на просушку. Для приготовления юрка шел в основном сырок, соль не использовалась. Этот способ приготовления был распространен преимущественно среди коренного населения. Готовился юрок во время вонзя, т.е. весной, и широко пользовался спросом у рыбопромышленников до начала неводного лова на песках. Изготовление «поземов» несколько отличалась от юрка тем, что рыба разрезалась со спины, при этом брюхо оставалось неразрезанным. Поземы заготавливали летом, и для сушки требовалось немного больше времени, чем для юрка. Также различали и жареные поземы, которые после сушки поджаривались. Один из современников, выделяя поземы из общей массы рыбных продуктов, писал, что «одни только поземы, приготовленные из муксуна и нельмы, довольно вкусны» [13, с. 29].

В целом в начале XX в. из 700 тысяч пудов вывозимой рыбы летом с Тобольского севера 91% составляла соленая рыба, 5,5% – сухая и 0,5% приходилось на жир, икру и осетровый клей [14].

Также следует упомянуть о приготовлении сосьвинской сельди, одного из немногих рыбных продуктов, который получил широкое признание среди покупателей. Сама сельдь водилась только в реке Сосьве и ловилась с середины июля до середины августа. Эта рыба давно была известна коренным жителям бассейна реки Сосьвы и была для них важнейшим пищевым продуктом, который они заготавливали на зиму, приготавливая из нее «юколу» (сушеную рыбу). Начало промыслового лова сельди положил золотопромышленник Сибиряков, который предложил за нее цену 3 рубля за пуд. После этого лов сосьвинской сельди приобрел промышленные масштабы. Н.Л. Скалозубов отмечал, что прибрежные коренные жители теперь сельдь ловят на продажу, а на «юколу» употребляют язя [15, с. 363]. Сосьвинскую сельдь определенным способом мариновали и коптили. Сельдь была мелкая. Например, два ведра сельди в 500 штук весили около одного пуда. Промысел сосьвинской сельди стимулировал и развитие другого подсобного промысла. Для удобства транспортировки маринованной сельди и сохранения качества заготавливались специальные осиновые бочонки вместительностью от 7 фунтов до 3 пудов, вместе с которыми сельдь и реализовывалась. Такие бочонки заготавливали крестьяне и горожане Березова, и стоили от 30 копеек за пуд емкости. В 1899 г. в г. Тобольске было заготовлено сосьвинской сельди более 6 тысячи пудов на 21 тысячу рублей по стоимости [2, с. 237].

Намного ценней была свежемороженая рыба. Основными поставщиками свежей рыбы в Западной Сибири были Нарымский край и Барабинский озерный район. В Нарымском крае на песках для сохранения свежей рыбы использовались сады – небольшие озера с проточной водой, куда пересаживалась вся пойманная рыба. С наступлением первых заморозков рыбу вылавливали неводом и замораживали, после чего гужевым способом отправляли на рынок. Ценность свежемороженой рыбы высших сортов превышала стоповую в 2-3 раза.

Подобные сады устраивались и в Березовском округе, но не ниже самого Березова. Основными поставщиками мороженой рыбы в этом районе являлись крестьяне и коренные жители. Но масштабы поставки свежей рыбы по сравнению со стоповой были невелики.

Другая ситуация сложилась в Нарымском крае, где около 70% всей вывозимой рыбы составляла свежемороженая. По сведениям рыбопромышленника К.С. Прянишникова, в конце XIX в. из Нарымского края в среднем вывозилось около 40 тысяч пудов соленой рыбы и 90 тысяч пудов свежемороженой [16, с. 226]. Это объясняется относительной близостью рынков сбыта и вследствие этого не слишком дорогой транспортировкой.

Вывоз свежемороженой рыбы из Барабинского района составлял почти 100%. Зимняя стужа не требовала от рыбаков дополнительных затрат на организацию садка или покупку соли. Объемы продаж свежемороженой рыбы

в Барабинском районе особенно выросли в конце XIX в., на что повлияло строительство железной дороги (см. табл. 2). За десять лет вывоз свежемороженой рыбы из Барабинского района увеличился более чем в 4 раза – с 95,4 тысячи пудов в 1898 г. до 404,9 тысячи пудов в 1908 г. При этом процент вывозимой соленой рыбы был довольно низким.

Таблица 2

Вывоз рыбы из Барабинского района по Сибирской железной дороге (тысяч пудов) [4, с. 63-64]

Сорт рыбы	**Годы**										
	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Свежая	95,4	78,3	158,4	279	160,5	92,6	90,2	143,1	371,6	394,9	404,9
Соленая	6,1	7	24	-	5	-	-	-	18	22	7
Итого	101,5	85,3	182,4	279	165,5	92,6	90,2	143,1	389,6	416,9	411,9

Производство второстепенных продуктов – икры (осетровой, сырковой, язевой, щучьей), рыбьего жира, осетрового клея – имело незначительные объемы. В 1848 г. привоз в Тобольск этих продуктов составил около 700 пудов на 2000 рублей [17, с. 152]. В 1912 г. производство икры, жира и клея составили 4 тысячи пудов на 22,3 тысячи рублей [12, ф. 417, оп. 1, д. 371, л. 6об.-7, 10-10об., 23], причем около 85-90% стоимости приходилось на рыбий жир.

Вышеописанные способы приготовления рыбных продуктов являлись одними из основных в рыбопромышленности на протяжении XIX – начала XX вв. При этом само качество рыбных продуктов было низким, а ассортимент скудным. Еще в первой четверти XIX в. П.А. Словцов писал: «Какое изобилие в рыбе всякого рода, но уметь солить ее совсем не наше дело» [18, с. 55]. Между тем в первой половине XIX в. центральные периодические издания знакомили российских промышленников с иностранным опытом переработки рыбы и приготовления рыбных товаров [19]. Подобные публикации были адресованы, прежде всего, рыбопромышленникам, но до Сибири такие рецепты не доходили. С другой стороны, предприниматели не были заинтересованы в освоении новых способов переработки и, тем более, вложении в перерабатывающую отрасль больших капиталов. Примитивно приготовленная рыба и так находила большой спрос на рынках Западной Сибири и Урала.

Ситуация начала постепенно изменяться в пореформенное время, когда на рынок Западной Сибири стали активно проникать каспийские, а потом и дальневосточные рыбные деликатесы. В конце XIX в. в Тобольске свободно продавалась керченская сельдь, кизлярский лосось, печорская семга, ревельская килька и др. [20, 1898, № 237, 257, 272]. Половину продукции составляли астраханские балыки и сельди, а другую половину – дальневосточная продукция (кета, горбуша, балыки и различные консервы) [21, л. 11]. Это, в свою очередь,

стимулировало местных рыбопромышленников вкладывать средства на освоение новых способов переработки рыбы.

Специализация торговцев на продаже рыбы сложилась в Западной Сибири давно. Из тобольских, тюменских, туринских и березовских предпринимателей рыбопромышленниками и торговцами были Дьяконовы, Шильниковы, Брагины, Сухановы, Бронниковы, Плехановы, Плотниковы, Калмыковы, Коньгины, Медведевы, Трапезниковы, Зыряновы, Дворниковы и др. Всего вниз по Оби ходило до 30 судов, и в начале XIX в. они провозили до 100 тысяч пудов рыбы на 150–200 тысяч рублей.

В Нарымском крае крупнейшими рыбопромышленниками и торговцами были Родюковы, Прянишниковы, Батурины, Петлины, Чайгины, Валгусовы. Здесь добывалось 40–70 тысяч пудов товарной рыбы в год с вывозом в Томск, Ирбит.

Важным районом товарной рыбодобычи были Барабинские озера. В 1820-х годах здесь добывалось до 130 тысяч пудов товарной рыбы на 150–170 тысяч рублей. В 1850-е гг. первенство по добыче рыбы в Сибири было у Тарско-Ишимских озер, где добывалось до 640 тысяч пудов рыбы в год с продажей половины добычи на 200 тысяч рублей.

В Восточной Сибири товарный промысел был развит на Байкале (до 300 тысяч пудов), в забайкальских озерах – Гусином, Еравинских, Баунтовских, Шакшинском (37 тысяч пудов). Всего в Сибири в первой половине XIX в. добывалось до 1,3 млн пудов озерной и свыше 200 тысяч пудов речной рыбы. В течение XIX в. благодаря пароходству товарный промысел распространился на низовья Енисея и Лены, а также на Тазовскую губу. В конце XIX – начале XX в. в Сибири добывалось 1,5–2 млн пудов товарной рыбы на 5,24 млн рублей (Ленско-Колымский – 0,03 млн пудов на 0,04 млн рублей; Байкальский – соответственно 0,25 на 1,4; Енисейский – 0,3 на 0,8; Обской – 0,5 на 2,0; Барабинский – 0,4 на 1,0). Количество занятого на рыбных промыслах населения, по данным переписи 1897 г., равнялось 72 тысячам человек, постоянными же наемными рабочими из них числились только 2,5 тысячи человек.

Рыба продавалась в соленом, сушеном и мороженом виде. На рынок она поставлялась крестьянами-промышленниками, рыбопромышленниками-капиталистами и торговцами-перекупщиками. Из Сибири рыба продавалась в основном на Урал; мороженая рыба барабинского улова доходила до Москвы; деликатесные сорта обской рыбы поставлялись и в столичные рестораны (нельма, стерлядь, осетр, сиговые, сосьвинская сельдь). Вывоз рыбы из Сибири составлял 726 тысяч пудов (1913 г.) и 945 тысяч пудов (1916 г.); ввоз – 1,8 млн и 950 тысяч пудов соответственно. В основном Сибирь потребляла соленую сельдь, консервы и лососевые с Дальнего Востока и Каспия.

Для продажи рыбы в крупных городах существовали специальные торговые ряды. Так, в Томске рыбный ряд насчитывал 34 лавки. Право на торговлю в них давалось с торгов на каждое лето по специальным условиям, зимой число лавок сокращалось до 13. Лавки должны были строиться на средства торговца-арендатора одинаковыми двумя ровными рядами размером 5 на 6 ар-

шин, содержаться в чистоте и опрятности и предназначались только для рыбной торговли. По условиям аренды «в устроенных лавках строго воспрещалось: курение табаку, всякие картежные игры, грубое или неприличное обращение с покупателями и тем более произнесение неприличных слов или ругательств, равно пение песен, игра на гармонях и других каких бы ни было инструментах вообще». Торговцу запрещалась оптовая скупка с лодок поставщиков рыбы до 12 часов дня и с 4 до 8 часов вечера, чтобы дать возможность горожанам покупать рыбу с лодок и возов дешевле, чем в лавках. При нарушении правил арендная плата (100 руб.) не возвращалась, а торговец лишался права на аренду места. Оптовые же сделки облагались сбором в пользу города, а беспошлинная торговля строго каралась. Стоимость рыбы росла в течение XIX в. мало и составляла 0,4-2,5 рубля за пуд в зависимости от сорта: более заметно росли цены на деликатесные породы рыбы – осетровые и лососевые, на городских рынках они стоили от 5 до 15 рублей за пуд.

Доходность рыбных промыслов была различной и зависела от сезона, уровня воды и пр. Прибыльность нижнеобских промыслов составляла в начале XIX в. 10-25 тысяч руб. в год при объеме продажи в 85-100 тысяч пудов. Крестьянские артели на озере Чаны при объеме добычи в 650 тысяч рублей получили 488 тысяч рублей чистой прибыли (в 1912 г.), т.е. больше, чем от маслоделия [3; 5; 11].

Одна из главных проблем малой доходности рыбопромышленности региона заключалась в отсутствии в Сибири традиций и навыков заготовки балыка и рыбных консервов. Квалифицированных специалистов по обработке и приготовлению рыбных продуктов не было. Поэтому крупные рыбопромышленники стали приглашать специальных рыбных мастеров из европейской части России, которые обходились недешево. Например, у купцов Бронникова и Новицкого в конце XIX в. на промыслах уже работали приглашенные специалисты по балычному делу и засолке рыбы [20, 1897, № 27]. Средние и мелкие рыбопромышленники не могли себе позволить таких мастеров.

Для подготовки специализированных кадров по переработке рыбы в селе Самарово в 1897 г. по инициативе местного рыбопромышленника В.Т. Земцова и окружного исправника Павлинова была открыта первая рыбопромышленная школа в Западной Сибири. Школа состояла в ведении Министерства государственных имуществ и земледелия, а содержалась на средства В.Т. Земцова. Главная задача школы заключалась в «обучении местного населения, находящие в рыбных промыслах единственный источник существования, улучшенным способом приготовления рыбных товаров путем ежегодного выпуска мастеров, подготовленных из детей местного населения» [20, 1897, № 69]. Стоит подробнее остановиться на некоторых аспектах организации рыбопромышленной школы.

Педагогический штат школы состоял первоначально из приглашенных специалистов по приготовлению рыбных продуктов. В него вошли мастер по засолу и копчению рыбы, мастер по приготовлению икры и балыков, мастер по рыбным и мясным консервам, мастер по приготовлению сельди ревельским

способом, а также специалист по изготовлению жестяных изделий и слесарному делу. Общее жалование специалистов составило 2280 рублей в год [2, с. 239; 20, 1900, № 52].

В школу набирали только грамотных детей из сельских начальных училищ. В первый и в последующие годы обучалось по 10 человек в возрасте от 15 до 18 лет. Учащиеся получали стипендию в размере 5 рублей в месяц. Срок обучения равнялся двум годам, во время которого ученикам нужно было освоить теоретические и практические занятия следующего направления: применение химии к консервированию рыбы, технические приемы упаковки рыбы во льду, обработка рыбы химическим путем для экспорта в свежем виде, изготовление посуды для консервов и самих консервов, горячие и холодное копчение и различные приемы засолки рыбы [20, 1897, № 72].

Главное здание школы, где протекал весь учебный процесс, располагалось около самаровской пристани. Его размеры составляли 30 аршин в длину, 10 в ширину и 4 в высоту. В нем размещалось три отделения по консервному, паяльному и балычному делу. Отдельно располагались корпуса для коптильни, подготовительных работ и для учеников и мастеров. При школе был также оборудован ледник [2, с. 238].

Расходы на организацию рыбопромышленной школы у В.Т. Земцова составили 7053 рубля 53 копейки, куда вошла стоимость постройки корпусов, покупка инвентаря, жалование мастеров, стипендия учащихся, расходы на отопление и освещение, покупка необходимого сырья и др. [20, 1900, № 52].

За первый год существования учебного заведения было приготовлено 5222 фунтовых и полуфунтовых банок консервов на общую сумму 1951 рубль 50 копеек [2, с. 239]. В «Сибирской торговой газете» отмечалось, что консервы и балыки, приготовленные школой, оставляли желать лучшего [20, 1897, № 26]. Но постепенно качество изготовляемых этой школой рыбных продуктов и консервов улучшалось. В 1899 г. в Российском обществе рыболовства и рыбопромышленности была проведена экспертиза консервов школы В.Т. Земцова, за что ученики и руководитель были награждены бронзовой медалью [20, 1900, № 3].

Сама школа просуществовала всего три с половиной года и была закрыта в связи со смертью В.Т. Земцова. Старший сын Земцова перевез все школьное оборудование в Сургут, где открыл «Консервное заведение Е.В. Земцова», которое вскоре обанкротилось. Тем не менее рыбопромышленная школа была ярким явлением в общественной жизни Западной Сибири. Вся общественность наблюдала за неудачами и успехами школы, а само открытие школы стало сенсационным материалом для местных и центральных газет и журналов.

Важным этапом в развитии рыбопромышленности стало появление в пореформенный период рыбоконсервного производства. Первые попытки налаживания рыбоперерабатывающего производства принадлежат датчанам, которые в 1870-е гг. в городе Тобольске организовали небольшое производство

консервов, но вскоре вынуждены были продать это заведение купцу третьей гильдии С.М. Трусову. Из-за дороговизны рыбы и сезонности ее добычи новый владелец предприятия выпускал небольшие объемы продукции. В начале 1890-х гг. в городе наладил свое производство консервов Г.Б. Перетц, но вскоре счел его невыгодным [22, с. 294]. Доходность рыбоперерабатывающего производства снижалась вдалеке от мест добычи рыбы.

Первое большое рыбоконсервное производство появилось в 1898 г. и принадлежало Торговому дому «М. Плотников и С-я». Оно располагалось в ста верстах ниже Березова в Питлярских юртах на пяти десятинах земельной площади, которые Плотников арендовал за 50 рублей в год [20, 1900, № 179]. Первоначально на фабрике работало 32 человека, среди них 1 мастер, 2 помощника и 29 рабочих. Из-за невозможности добыть вблизи Питляра нужного количества рыбы в 1900 г. был открыт еще один филиал ниже Обдорска на рыбопромышленном песке Самутнельском. На обоих предприятиях в 1902 г. было приготовлено 250 тысяч коробок консервов на общую сумму 125 тысяч рублей [2, с. 240-241]. В 1903 г. производство консервов сократилось из-за пожара на одной из фабрик Плотникова. В огне были уничтожены амбары, кладовые, казармы, машины, инструменты и готовая продукция. В общей сложности ущерб составил 30 тысяч рублей [23, с. 178-179]. Несмотря на это, в последующие годы производство консервов продолжало увеличиваться, и в 1907–1908 гг. оно составляло около 3% стоимости всех рыбопродуктов Обского Севера. В 1914 г. фабричных консервов было изготовлено 625 тысяч коробок на 312 500 рублей [12, ф. 417, оп. 1, д. 373, л. 10-10об.], что составило 5,7% от стоимости всех рыбных товаров. Но через три года производство консервов резко стало сокращаться, и к 1917 г. выпускалось только 130 тысяч коробок [24, л. 56об.; 25, с. 145]. Сокращение производства можно объяснить Первой мировой войной, когда начались проблемы с неводным материалом, сократился общий улов рыбы и резко выросли цены на продукты питания и в частности на рыбу.

Свое консервное заведение в 1901 г. открыл Е.Т. Новицкий. Но из-за отсутствия нужного числа специалистов консервного дела и необходимого для этого оборудования предприятие выпускало по 10 тысяч коробок консервов в год [2, с. 241].

По сведениям статистического комитета, в Тобольской губернии в 1915 г. насчитывалось 75 фабрик с числом рабочих более 20 человек, общей численностью 5195 рабочих. Из них 5 или 6,6% были рыбоконсервными, принадлежащими Торговому дому «М. Плотников и С-я» общей численностью 155 рабочих, или 3% от всех занятых на фабриках. Четыре фабрики находились непосредственно на промыслах в низовьях Оби и работали сезонно, а одна в Тобольске, где осенью, зимой и весной заготавливали коробки, консервировали различные овощи и приготавливали консервы из дичи и мороженой рыбы [12, ф. 417, оп. 1, д. 515, л. 78-80об.].

На фабриках Плотникова консервы изготовлялись в основном из ценных пород рыб – осетра, нельмы, муксуна, сырка. Качество консервов было высоким, что подтверждается золотой медалью, которую фирма Плотникова получила в 1902 г. на международной выставке в Петербурге за качество приготовления рыбных консервов [2, с. 241]. Плотниковские консервы хорошо были известны на рынках Петербурга и Москвы [26, л. 60об.]. Деликатесная направленность консервов увеличивала их стоимость, особенно в европейской части России, и поэтому они не выдерживали конкуренцию с дешевыми каспийскими и черноморскими консервами. Тем не менее в Сибири спрос на консервы был неограниченным, и они с легкостью раскупались на рынках.

Надо сказать, что технология приготовления рыбных консервов по сравнению с солением была намного сложнее. Самаровский лесничий А.А. Дунин-Горкавич оставил подробное описание приготовления рыбных консервов из мороженого осетра [2, с. 239-240]. Сначала осетр очищался, вынимались потроха, и удалялась голова. После чего его разрезали вдоль и делили на равные части, которые заливали кипятком и выдерживали на плите для того, чтобы очистить от кожи. Потом осетрину разрезали на мелкие куски и засаливали в слабосоленом растворе. После этого куски обжаривали на масле или запекали в духовке. Далее осетрина остывала, ее укладывали в коробки с соусом, после чего их запаивали и в специальных металлических корзинах варили в котле с водой. Приведенный пример приготовления рыбных консервов показывает, что рыбоконсервное производство в конце XIX – начале XX в. было основано на ручном труде, без применения каких-либо автоматических машин.

Плотниковское консервное производство хронически испытывало нехватку сырья из-за относительно малой добычи рыбы его фирмой. Поэтому была организована масштабная скупка рыбы ценных пород у местного населения по довольно высоким ценам. Так, в начале XX в. консервная фабрика и ее отделение скупали осетра и нельму по 4 рубля за пуд, а муксуна по 30 копеек за штуку. Другие же купцы-рыбопромышленники давали за рыбу от 2 до 2,5 рубля за пуд и от 10 до 17 копеек соответственно. Для этих же целей фирма Плотникова приобрела шхуну «Мария» в 35 лошадиных сил [2, с. 239-240]. Тем самым фабричное производство дополнительно стимулировало занятия рыбным промыслом окрестное население и приносило ему заработок.

В целом владельцы рыбоконсервных заведений стремились наладить производство на местах вылова рыбы или ее скупки – в Обдорске, Березово, Самарово. Наблюдалось увеличение как число фабрик, так и объемов выпускаемой продукции. Тем не менее рыбоконсервное производство было еще слабо распространено в Западной Сибири в дореволюционный период. Авторы двухтомника «Азиатская Россия» отмечали, что консервная продукции Тобольского севера составляла 3% от общего количества рыбных товаров [27, с. 337].

Таким образом, модернизационные процессы в перерабатывающей отрасли сибирской рыбопромышленности начинают просматриваться лишь в конце

XIX в. Рыбопромышленники медленно осваивали новые способы приготовления рыбных продуктов, довольствуясь гарантированным сбытом стоповой и свежемороженой рыбы, которая составляла около 90% всей продукции. Сильно сказывалась и нехватка специалистов в области переработки и приготовления рыбной продукции. Консервное производство в рассматриваемый период только начало развиваться и в Западной Сибири было представлено еле заметно. На его долю приходилось не более 6% стоимости всей рыбной продукции. Консервы вместе с второстепенными продуктами (икра, клей, жир) дали в 1914 г. не более 400 тысяч рублей валового дохода. Сырьевую базу рыбоконсервного производства в Западной Сибири следует оценить как скромную по масштабу, слабо оснащенную технически и организационно.

Список источников и литературы

1. Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. 143 с.
2. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. 376 с.
3. Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Тюмень, 2002. 200 с.
4. Скориков А.С. Озерное рыболовство в Барабинском районе // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. II. Вып. 8. 87 с.
5. Малинин М. Рыбопромышленность в Сибири (по документам Сибпродкома и Сибземуправления) // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 182-185.
6. Зиновьев В.П. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX вв. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск, 1991. С. 62-81.
7. Варпаховский Н.А. Несколько слов о рыбах бассейна реки Оби и местных способах приготовления рыбных товаров. Тобольск, 1896. 21 с.
8. Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1978.
9. Санкин Е.В. Рыбоконсервные заведения Тобольского Севера в конце XIX – начале XX вв. // Наука и инновации XXI века: мат-лы VI открытой окружной конференции молодых ученых (Сургут, 24-25 ноября 2005 г.). Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. С. 287-288.
10. Санкин Е.В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2008. 188 с.
11. Зиновьев В.П. Рыботорговля // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции. Новосибирск: Акад. изд-во ГЕО, 2013. Т. 2. М – Я.
12. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

13. Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Березовского округа Тобольской губернии // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень, 2004. Вып. 4. С. 7-56.
14. Сибирская жизнь. 1908. № 26.
15. Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 359-390.
16. Прянишников К.С. Очерки Нарымского края // Сибирский Торгово-промышленный и справочный календарь. Томск, 1898. С. 219-227.
17. Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск: Литограф, 1997. 303 с.
18. Словцов П.А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. 256 с.
19. Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1825. № 3. С. 85-86.
20. Сибирская Торговая газета.
21. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 354. Оп. 1. Д. 48а.
22. Очерки истории Югры. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. 399 с.
23. Сибирский листок: 1901-1907. Тюмень, 2003. С. 178-179.
24. ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1491.
25. Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 1995. 239 с.
26. ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1443.
27. Азиатская Россия. СПб.: Издание Переселенческого упр. Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 2. 709 с.

Меженина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
MOW77@mail.ru

РОЛЬ МЕЩАНСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ МЫЛОВАРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация: В статье анализируется мыловаренная деятельность мещан Российской империи дореформенного периода и, в частности, в городах Юго-Западной Сибири. Затронуты такие вопросы, как особенности производства промышленных изделий, их качество, прибыльность заведений, количество наемных рабочих. Авторы констатируют, что промышленность мещан находилась на низкой стадии развития: это были небольшие кустарные предприятия, где производство велось примитивным способом.

Ключевые слова: Сибирь, Томская губерния, город, мещане, мыловаренная промышленность.

В XVIII-XIX вв. в Российской империи начинает развиваться промышленность, которая чаще всего представляла собой кустарное производство. После промышленного переворота в России отечественные исследователи основное внимание уделяли фабричному производству как ядру индустриального общества. Однако сегодня на волне постиндустриального развития популярным становится мелкосерийное производство, поэтому изучение традиций отечественного ремесла, мелких промышленных производств является попрежнему актуальным в российской исторической науке.

Кустарный промысел обладает рядом характерных черт. Это обычно хозяйство в рамках одной семьи. Оно может быть не только основным занятием, но и побочным, выступающим в качестве дополнительного дохода к сельскохозяйственной деятельности, при этом глава предприятия сам на нем работает. По мнению исследователей, даже в конце XIX в. кустарничество, несмотря на развитие фабрик, представляло собой типичную организацию русской промышленности [1, с. 56].

Развивались в России разные виды мелкой промышленности, многие из них имели место еще в допетровской Руси. Но были и те, которые в XVIII столетии только официально появились. К такому виду промысла можно отнести мыловарение. Наибольшее распространение оно получило лишь в XIX в. Обширных сведений о мыловаренном производстве не имелось, поскольку «простое» мыло в домашнем хозяйстве изготавливали на Руси давно, и поэтому до середины XVIII в. статистика отсутствовала.

Мыловаренная промышленность, с одной стороны, рассматривалась как мелкое производство для потребностей местного населения, не вовлеченное в российский товарооборот. С другой стороны, выделялись центры мыловаренного производства, работавшие на внешний и внутренний рынок. Например, к ним относились Московская, Нижегородская и Казанская губернии.

Подъем уровня культуры и рост народонаселения в стране приводил к постепенному росту спроса на эту продукцию. Причем в XIX в. мыло начали даже экспортировать, правда, в основном простое, хозяйственное. Дорогое туалетное мыло при этом завозили чаще всего из Европы для представителей привилегированных слоёв населения. К концу XIX в. в России насчитывалось около 500 мыловаренных предприятий, на которых трудилось более 5000 человек [2, с. 143].

Вкладывать средства в организацию мыловаренных заводов предпочитали купцы и мещане. Если купцам это право давалось и ранее, то мещане получили его благодаря Городовому Положению 1785 г. [3, с. 367]. Впоследствии государство начало достаточно жестко регламентировать предпринимательскую деятельность мещан. Например, это касалось количества наемных работников. Если их число превышало 16, то мещанин обязан был покупать гильдейское свидетельство. Мещан в 1825 г. разделили на «посадских» и «торгующих». Первые могли нанимать до трех работников, если их число увеличи-

валось, то полагалось покупать свидетельства «торгующих» мещан [4, л. 13]. Впрочем, необходимости в увеличении работников и не было. Так, на мыловарнях Белгорода, по мнению Д.С. Гребеннюкова, невысокий доход в 300-1200 пудов мыла в год не требовал найма рабочих и необходимости в закупке дополнительных котлов, достаточно было одного [5, с. 84].

Те мещане, которые имели подобные заводы, несомненно, были отнесены к обеспеченным горожанам.

Во многих крупных городах Российской империи с высокодоходными купеческими капиталами соседствовали вполне прибыльные мещанские предприятия. Так, в Нижнем Новгороде мещанину Чернишникову принадлежал не только мыловаренный, но и кожевенный, канатопрядильный заводы, мещанам Котейникову и Клищенкову наряду с мыловарением приносили прибыль два кирпичных завода [6, с. 72]. Таким образом, мещане продолжали оставаться основными конкурентами купечеству в различных сферах промышленного производства. Конкурентную борьбу в неравных условиях между мещанами и купцами в Смоленске в конце XVIII – первой половине XIX в. отечественный исследователь народонаселения Смоленской губернии А.А. Следнева называет «почти привычным» явлением [7, с. 20].

Как и в Центральной России, в городах Западной Сибири в разных отраслях промышленности мещане соперничали с купцами. Были среди них и владельцы мыловаренных производств. Высокие доходы в этой отрасли встречались редко, чаще среди купцов. Например, в источниках упоминается завод купца Н.И. Верещагина в Томской губернии, который производил 1400 пудов мыла в год [8, с. 64]. Предприятия мещан были небольшие, на них основным оборудованием был котел (иногда два), и трудились на них один-два работника.

Очень часто предприятия находились во дворе мещанского дома, вследствие чего частная и публичная жизнь мещанина были тесно переплетены. Такие же сведения приводят исследователи и по Центральной России. Так, в Казани во дворе дома мещанки Ивойловой находились сразу два мыловаренных завода [9, с. 93].

В Томской губернии мыловаренное производство было сосредоточено в столице региона. Источники упоминают мыловаренный завод томского купца П. Ф. Шумилова, который располагался «в каменном здании на особой заимке на берегу Ушайки» и в 1812 г. производил 500 пудов мыла в год. Это покрывало почти четверть потребностей горожан в данном товаре [10, л. 30]. Доходность таких заводов среди мещан в начале XIX в. была аналогичная (400-500 руб. в год), но имела динамику к сокращению. Можно предположить, что мещане-мыловары в этот период давали недостоверные сведения о своем производстве, но наиболее вероятно, что такая картина была связана с ростом численности купцов, простым переходом мещан в купечество или, наоборот, разорением мещан-мыловаров. Уменьшение численности мещанских мылова-

ренных предприятий в середине XIX в., возможно, связано с тем, что в пореформенное время начался бурный рост химической промышленности, поэтому при изготовлении мыла начали использовать новые технологии. Известно, что в Томске открыли свое дело мещане И. Таланов и М. Селиванов. Их предприятия на тот момент производили мыла до 2000 пудов в год с доходностью в 6000 рублей [11, л. 8]. Если в начале XIX в. на мыловарнях Томска производили в основном «простое» мыло, то к середине столетия состав мыла был усовершенствован, и современники в своих отчетах стали упоминать мыло «ядровое» – более нежное, качественное. При производстве мыла использовали чаще всего осиновую золу, поваренную соль, известь и «скотское сало». Разница в цене между сортами мыла была, вероятно, существенной. Например, по сведениям Д.С. Гребеннюкова, в Курской губернии дорогое мыло стоило 38 рублей 20 копеек, а дешевое – 3 рубля 20 копеек [5, с. 83].

В остальных городах Томской губернии мещане также содержали мыловаренные предприятия. Так, в Кузнецке находилось 3-5 «станов» мещан Витовкиных, М. Захарьева и П. Ананьина. При этом доходность их была очень низкая (55-140 руб. в год). Численность населения самого Кузнецка в дореформенный период была невелика, поэтому изготовление мыла до 40 изделий в год вполне удовлетворяла местный рынок. В Барнауле мыловаренное производство было во владении горнозаводского начальства, в связи с этим его мещанское общество не имело подобного промысла. Однако встречались на юге Западной Сибири и крупные промышленные заведения. В Семипалатинске мыловаренный завод мещанина П. Суворова в 1838 г. имел доход в 720 рублей.

В целом к середине XIX столетия в Томской губернии насчитывалось 38 мыловаренных заводов, т.е. по сравнению с началом века объем производства вырос в 7,9 раза, а их число в 3 раза. Для сравнения: в соседней Тобольской губернии имелось 34 завода [12, с. 64-65]. Однако и в Западной Сибири, и в Центральной части Российской империи в мыловаренной промышленности по-прежнему сохранялись элементы мелкого товарного производства, присущие кустарной промышленности. Какого-либо серьезного развития мыловаренная промышленность не получила, в Западной Сибири наиболее развитой оставалась кожевенная промышленность, что объясняется наличием хороших запасов сырья на ее обширных территориях. Доход от выделки кож был значительно выше мыловарения. Например, у мещанина И. Щепетильникова кожевенная продукция приносила в год 2664 рубля, а мыловаренная – 420 рублей. Тогда выделанные кожи пользовались повышенным спросом среди не очень взыскательного населения провинциальных городов. Этого нельзя сказать о мыловарении, поэтому сбыт мыла среди местного населения был ограниченным. Простые жители сибирских сел и городов использовали для стирки средство, которое сами готовили из животных жиров, так называемое «подмылье».

Таким образом, мыловаренное производство не получило достаточного распространения среди хозяйственной деятельности мещан и в Томской губернии, да и в России в целом, поэтому в дореформенный период в этой отрасли число мыловаров-мещан редко превышало десяток человек. Причем такой масштаб был характерен только для крупных городов Российской империи. В остальном мыловаренное производство пока оставалось на стадии кустарного промысла.

Список источников и литературы

1. Новиков Е.А. К вопросу об историографии кустарной промышленности в России // Вестник КГУ. Серия: Исторические науки и археология. 2017. № 3. С. 56-58.

2. Воронова А.А. «Мыльная история» Нижневолжского края: история кустарного мыловаренного промысла в XIX – начале XX вв. // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (23). С. 143-145.

3. Городовое положение от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. 1784-1788. Ст. 90. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 18.07.2022).

4. Государственный архив Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3386.

5. Гребеннюков Д.С. Купеческая промышленность в Центрально-Черноземном регионе в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (на примере Курской губернии) // Научные ведомости. Серия: История. 2013. № 1 (144). С. 82-89.

6. Иванов М.А. Торгово-промышленная деятельность нижегородского гильдейского купечества в 1824-1863 годы // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 68-76.

7. Следнева А.А. Землевладение и распоряжение имуществом дворянства Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 19-21.

8. Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. 304 с.

9. Бессонова Т.В. Дом как структура повседневности казанских мещан первой половины XIX в. // Научные ведомости. Серия: История. 2015. № 1 (198). Вып. 33. С. 90-96.

10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 660.

11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 292.

12. Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. 772 с.

Цинцадзе Нина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент
Тамбовский госуниверситет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов)
NinaTsintsadze2010@ya.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОЦЕНКА РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье представлены особенности государственной оценки ресурсного потенциала Сибири в условиях модернизации позднеимперской России. Отмечено, что власть проявляла интерес к природным ресурсам региона и стремилась усилить государственный контроль над ними посредством активного хозяйственного освоения, а также природоохраны и природовосстановления. Последнее было затруднено кадровым и финансовым дефицитом, укоренившимся в общественном сознании расточительным отношением к природным богатствам Сибири.

Ключевые слова: государственная власть, модернизация, природные ресурсы, природопользование, охрана природы, Сибирь, экологическая история.

Реализация аграрной реформы П.А Столыпина и строительство Транссибирской железной дороги повысили внимание царского правительства к развитию Сибири. Особым объектом интереса власти были богатейшие природные ресурсы региона. Целью нашего исследования стало выявление особенностей государственной оценки ресурсного потенциала Сибири в условиях модернизации позднеимперской России. Источниковой основой для изучения послужили адресованные императору отчеты руководителей Министерства земледелия и государственных имуществ (далее – МЗиГИ), позже – Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ) о поездках в Сибирь.

Первая поездка в Сибирь министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова состоялась осенью 1895 г. Ее целями были ознакомление с условиями поземельного устройства переселенцев из Европейской России, особенностями управления лесными и горными богатствами региона, развития сельского хозяйства и кустарной промышленности [1, с. 1]. Одной из задач правительства в Сибири, по мнению министра, было урегулирование земельных отношений между старожилами и новопоселенцами путем выдачи старожилам «владенных документов» на их наделы. Важной частью поземельного устройства было регламентирование лесопользования, прекращение хищнического лесоистребления, ведь «беспощадное истребление лесов» грозило «совершенным обезлесением обширных пространств». Промедление могло привести к печальным последствиям, которые наблюдались в южных округах Тобольской и Томской губерний, где «не осталось и следа от прежних лесов». Ужесточение лесоохранительных мер, по замыслу министра, сохранило бы леса от чрезмерного использования [1, с. 4-5].

А.С. Ермолов сообщал о высоких темпах переселения в Сибирь из европейской части страны, что сокращало площадь удобных для землепашества земель. Так, в Минусинском округе Енисейской губернии уже возникало малоземелье. Министр констатировал: «Таким образом, почти безпредельныя, на первый взгляд, пространства Сибири, на самом деле далеко не представляют собою неисчерпаемаго земельнаго фонда». Для расширения удобной для сельского хозяйства и проживания территории планировалось осушение болот, обводнение степей и иные мелиоративные мероприятия, разведка новых участков, постепенное заселение тайги [1, с. 9-11, 15, 24].

Особую тревогу у высокопоставленного чиновника вызывали высокие темпы уничтожения лесов в Сибири. Одной из причин этого, как он считал, было отсутствие государственного контроля лесопользования. Не лимитированная государством эксплуатация лесов, наличие громадных их запасов сформировали у жителей Сибири практику бесхозяйственного отношения к лесам. Часты были лесные пожары, происходившие вследствие выжигания или опаливания сенокосных угодий с целью уничтожения сухого бурьяна. В связи с этим к концу XIX в. остро встал вопрос сохранения лесных богатств региона. Для этого следовало организовать рациональное использование лесов, осуществлять лесовосстановление, создавать новые лесничества, увеличивать штат лесной стражи. Министр подчеркивал не только хозяйственное, но и климатическое значение лесов [1, с. 38-42].

Большие надежды ведомство возлагало на разведку и разработку новых месторождений каменного угля, металлов и руд. Ожидалось, что строительство Транссиба или, как его называли тогда, Великого Сибирского пути, будет стимулировать развитие горнодобывающей промышленности в Сибири, природные богатства которой еще «дремали» [1, с. 46-53]. Железнодорожное соединение восточной и западной частей страны, по убеждению государственного деятеля, совершило бы «коренной переворот в экономической жизни Сибири». Развитие сельского хозяйства, промышленности, активное заселение области могли значительно «оживить» ее [2, с. 1]. Важным признавалось развитие пчеловодства, рыболовства и «звериного промысла». При этом рыбный промысел и охота, которые, по мнению министра, велись хищнически и примитивно, нуждались в государственном регулировании [2, с. 28-29, 31-34].

Вторую поездку в Сибирь А.С. Ермолов совершил летом 1898 г. Министр сообщал, что в регионе проводились мелиоративные мероприятия, расширялась сеть агрономической помощи населению, распространялось сельскохозяйственное образование и др. Он вновь акцентировал внимание государя на необходимости упорядочения лесного хозяйства, усиления контроля над казенными лесами Сибири [3, с. 34-39]. Проведенное исследование рыбных запасов и практики рыболовства подтвердило целесообразность установления государственного рыбоводного надзора, расширения штата специалистов-техников, которые содействовали бы надлежащему использованию рыбных богатств края [3, с. 13-14].

Вдоль строящегося Транссиба были открыты новые месторождения каменного угля и железной руды, о чем министр с радостью сообщал императору. Продолжались поиски соляных залежей, стимулирование развития соляной промышленности. Однако активнее шла золотодобыча, приносившая «крупные барыши», отчего частные лица вкладывались в нее охотнее, чем в соляной промысел. Отдельное внимание ведомство стало уделять минеральным водам, обнаруженным в Минусинском округе Енисейской губернии и Забайкальской области [3, с. 39-49]. Привлечение иностранных предпринимателей, в особенности англичан и бельгийцев, затруднялось тем, что те, побывав в Сибири, разочаровывались в ее неустроенности, процветавшей там спекуляции со стороны местных дельцов [3, с. 50].

По меткому выражению П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, Сибирь «богата всем, кроме людей» [4, с. 3], поэтому в первое десятилетие XX в. ГУЗиЗ сосредоточилось на организации перетока людских ресурсов из густонаселенной Европейской России в малозаселенную и обширную азиатскую часть империи. Помимо того, что это снижало уровень аграрного перенаселения и смягчало социальную напряженность в староосвоенных регионах страны, такая политика обеспечивала рабочей силой Сибирь, государственные мероприятия по разведке и освоению ее природных ресурсов. Согласно мнению А.В. Кривошеина, переселенцы представляли «оплот государственности на окраинах», обеспечивали крепость границ империи, способствовали «подъему жизнедеятельности окраин, вовлечению их в общий хозяйственный оборот страны» [4, с. 18].

Параллельно с переселением в Сибирь продолжались работы по мелиорации пригодных для земледелия участков земли. На эти цели правительство выделяло крестьянам специальные ссуды. Не меньшую обеспокоенность у ГУЗиЗ вызывала экстенсивная практика земледелия. Для того чтобы не допустить истощения сибирских земель, правительство расширяло меры агрономической помощи и просвещения. Главноуправляющий землеустройством и земледелием считал, что активное заселение региона могло двояко отразиться на состоянии его лесного хозяйства. С одной стороны, лесов было много, поэтому их частичное хозяйственное использование не могло нанести лесам Сибири большой вред. С другой стороны, слишком большая свобода в их эксплуатации грозила сокращением площади ценного природного ресурса, поэтому он предлагал усилить государственный контроль и надзор за лесами, продолжить составлять планы лесных территорий, увеличить количество лесной стражи, лесничеств [4, с. 35-37, 39-44, 54-55, 87]. Эти предложения были поддержаны императором, который утвердил одобренный в 1909 г. Государственной Думой план лесоустроительных работ, рассчитанный до 1928 г. [5, с. 27-29].

А.В. Кривошеин был убежден в том, что недостаток капиталов, квалифицированных рабочих, узость внутреннего рынка сбыта сдерживали темпы развития сибирской обрабатывающей промышленности. Сибирь для мировой экономики, по представлению чиновника, была сырьевым регионом, откуда на

экспорт вывозились природные ресурсы. При этом ее запасы были слишком велики и мало использованы [4, с. 117-118].

Таким образом, восточная часть Российской империи рассматривалась руководителями МЗиГИ/ГУЗиЗ как огромный резервный район, богатый природными ресурсами. Чиновники отмечали отсутствие точных сведений о запасах сибирских природных богатств, их неравномерное распределение на громадной территории, труднодоступность, неразвитую транспортную инфраструктуру региона, малую экономическую привлекательность для частных инвесторов. Всё это препятствовало хозяйственному освоению края. Наряду с экономической целесообразностью вовлечения природных ресурсов Сибири в промышленный и экспортный оборот, министры центрального ведомства осознавали пагубность интенсивного ресурсопользования. Хлынувший поток переселенцев из Центральной России привел к чрезмерной антропогенной нагрузке на ограниченное количество удобных для земледелия районов Сибири. Привезенный в Сибирь из Европейской России экстенсивный способ хозяйствования привел к тем же негативным последствиям, от которых земледельцы сбежали в Сибирь: частые засухи, малоземелье, истощение почв, быстрое лесоистребление и др. Государство понимало, что мелиорация была необходима и в Сибири.

При этом в большей степени власть волновал слабый государственный контроль над эксплуатацией лесных, рыбных, пушных, минеральных богатств Сибири. А.С. Ермолов и А.В. Кривошеин предлагали расширить государственное присутствие в регионе посредством активного хозяйственного освоения края, а также природоохраны и природовосстановления. Однако последнее было затруднено кадровым и финансовым дефицитом, укоренившимся в общественном сознании расточительным и невежественным отношением к природным богатствам Сибири.

Список источников и литературы

1. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. 53 с.

2. Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. 123 с.

3. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 г. СПб., 1899. 59 с.

4. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб., 1910. 168 с.

5. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. 46 с.

Тяпкин Михаил Олегович, доктор исторических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
tyapkin@rambler.ru

«ЖЕЛАЯ БЫТЬ НЕСКОЛЬКО ПОЛЕЗНЫМ ДЛЯ ВСЕОБЩЕЙ НАРОДНОЙ ПОЛЬЗЫ…»: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО МЕЩАНИНА П.Ф. РЕВНИВЫХ О БОРЬБЕ С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ

Аннотация: В статье рассматривается содержание письма, авторство которого принадлежит тобольскому мещанину Петру Федоровичу Ревнивых. Письмо было написано в августе 1870 г. и направлено министру государственных имуществ. В нем содержится описание ситуации, сложившейся в Западной Сибири с лесными пожарами, называются их причины, а также даются рекомендации по их предупреждению. Текст письма отличает стройность и ясность изложения, уверенное владение материалом и четко прослеживаемая гражданская позиция. Ответом стала благодарность, выраженная министром государственных имуществ П.Ф. Ревнивых, в ответном письме.

Ключевые слова: Петр Федорович Ревнивых, Западная Сибирь, Тобольская губерния, палы, лесной пожар, охрана лесов.

С началом очередного пожароопасного периода, который наступает после стаивания снега и установления теплой погоды, средства массовой информации наполняются сообщениями о лесных пожарах. Каждый год в нашей стране, обладающей колоссальными лесными ресурсами, эта ситуация повторяется с пугающей регулярностью. Весенние лесные пожары почти всегда происходят по вине человека, его хозяйственной, а точнее, бесхозяйственной и даже противозаконной, деятельности и по причине отсутствия должного уважения к природе.

Не стоит, однако думать, что это проблема сегодняшнего дня. К сожалению, она имеет глубокие исторические корни, уходящие далеко в ментальные глубины экологического сознания и традиции ведения сельского хозяйства. Материал, на котором построена статья, – лучшее тому подтверждение.

Письмо тобольского мещанина Петра Федоровича Ревнивых было обнаружено нами в фондах Российского государственного исторического архива (фонд Лесного департамента) в деле, озаглавленном «Проект жителя города Тобольска Ревнивых о прекращении лесных пожаров» [1]. Письмо, даже после беглого просмотра, сразу привлекло к себе внимание. Более детальное знакомство подтвердило, что этот материал представляет несомненную исследовательскую ценность.

Прежде чем обратиться к содержанию письма, несколько слов о его авторе. Поиски в открытых источниках сети Интернет позволили выяснить, что П.Ф. Ревнивых (кстати, довольно распространенная фамилия в Тобольске) оставил о себе документальные «следы» не только в виде упомянутого письма.

Судя по всему, он обладал активной жизненной и гражданской позицией, о чем свидетельствует, в частности, газетная публикация в газете «Тобольские губернские ведомости» за 1870 г. [2, с. 104]. Это была не краткая газетная заметка, а полноценная статья, в которой автором был поднят насущный вопрос развития дорожной инфраструктуры и связанный с этим рост благосостояния населения Западной Сибири. Публикация стала одним из элементов развернувшейся в конце 1860-х – начале 1870-х гг. в региональной и центральной прессе дискуссии об устройстве Сибирско-Уральской железной дороги.

Необходимость постройки железной дороги, которая должна была связать Урал и Западную Сибирь, была для всех очевидна, а варианты её прокладки активно обсуждались специалистами и представителями общественности, в т.ч. на страницах региональных периодических массовых изданий.

Отвергая тюменское, ирбитское, курганское и прочие направления, П.Ф. Ревнивых предлагал провести железную дорогу из Перми через реку Тавду в Тобольск, что, по его мнению, должно было способствовать «достижению всеобщей пользы и увеличению казенных доходов». В пользу своего предложения П.Ф. Ревнивых приводил одиннадцать аргументов, которые основывались на знании реалий социально-экономического развития севера Западной Сибири, в т.ч. торговых взаимоотношений и логистических цепочек движения продовольственных и промышленных товаров в регионе.

Несмотря на то, что проект П.Ф. Ревнивых по прокладке железной дороги через Тобольск не получил поддержки и дальнейшего практического воплощения, само его наличие, наряду с большим количеством предложений других неравнодушных к будущему региона сибиряков, способствовало привлечению более пристального внимания правительства к проблеме строительства Великого Сибирского пути.

В том же ключе заботы о пользе Отечества и родного края изложено письмо П.Ф. Ревнивых министру государственных имуществ, датированное 26 августа 1870 г.

Вероятно, письмо написано не самим Петром Федоровичем, т.к. его подпись сделана теми же чернилами, что и основной текст письма, но явно другой рукой. Письмо выполнено на плотной бумаге желтоватого цвета, чернилами, которые с течением времени приобрели коричневый оттенок. В деле также сохранился конверт, на котором проставлены почтовые штемпели, которые указывают на то, что письмо было отправлено из Тобольска 26 августа 1870 г. и получено в Санкт-Петербурге 9 сентября, а на следующий день поступило в канцелярию министра государственных имуществ.

Напомним, что с 1862 по 1872 г. должность министра государственных имуществ Российской империи исполнял Александр Алексеевич Зеленой, который в период Крымской войны командовал Тобольским пехотным полком, принимавшим участие в обороне Севастополя (такая вот незримая и непредсказуемая связь между министром и тобольским мещанином).

Побудительным мотивом к написанию письма стало желание Петра Федоровича «быть несколько полезным для всеобщей народной пользы». Своим письмом он хотел донести до министра болезненную проблему уничтожения сибирских лесов пожарами, справиться с которой центральные и местные власти в рассматриваемый период не могли, т.к. не имели в своем распоряжении необходимых сил и средств, а система лесоуправления и лесоохраны Западной Сибири находилась в предзачаточном состоянии.

В небольшой вводной части письма его автор просит министра «уделить несколько минут времени» для прочтения письма, не оставить без внимания ту информацию, которая в нем содержится и «усчастливить меня Вашим уведомлением и тем доставить удовольствие более трудиться» [1, л. 1-1об.].

Переходя к изложению сути, П.Ф. Ревнивых предлагает свое понимание причин и условий возникновения и значительного распространения лесных пожаров в Западной Сибири. Наконец, предлагает четыре вполне конкретных способа борьбы с ними. На наш взгляд, тобольский мещанин в своих оценках современной ему ситуации оказался прав. Совершенно верно им были определены и указаны причины лесных пожаров, а некоторые предложения позднее нашли практическое воплощение и доказали свою жизнеспособность.

В частности, Петр Федорович отмечал, что «в Западной и Восточной Сибири почти каждое лето в лесах и борах свирепствуют большие пожары, истребляющие на большие пространства сосновые и кедровые леса, а также селения, в особенности же начались в нынешнее лето таковые пожары в недальнем расстоянии от города Тобольска за реками Иртышем и Тоболом с половины мая месяца по случаю ведренной и жаркой погоды, продолжались и по настоящее время, так что от дыма их и город находится как под густым туманом даже и лучи солнца не каждый день освещают оный» [1, л. 2]. Напомним, что письмо было написано в конце августа, исходя из чего можно сделать неутешительный вывод о не прекращающихся в течение нескольких месяцев лесных пожарах.

Природно-климатические условия Западной Сибири в совокупности с хозяйственными традициями местного населения и его малой плотностью приводили к тому, что крупные пожары случались в Сибири с периодичностью один-два раза в десятилетие. Такими были, например, лесные пожары весны-лета 1915 г., продолжавшиеся несколько месяцев и охватившие огромную площадь более 1,8 млн кв. км (восточная часть Тобольской, почти вся северная и восточная половина Томской губернии, Енисейская губерния, северная и западная части Иркутской губернии и юго-западная половина Якутской области) [3, с. 122].

В среднем один раз в столетие в Сибири возникали пожары, принимавшие характер катастрофы. С пожарами, подобными тому, который произошел в конце XVIII в. на юге Западной Сибири, человеку справиться было невозможно, и оставалось лишь надеяться на благоприятное стечение обстоятельств [4, с. 12].

Среди причин возникновения лесных пожаров П.Ф. Ревнивых справедливо отмечает «беспечность самих крестьян», под которой он понимает небрежное обращение местного населения с огнем в лесах. Здесь он попадает, что называ-

ется, «в точку». Представители лесной администрации практически в один голос говорили о том, что «немаловажную роль в деле распространения огня играет присущее крестьянину вообще, а сибиряку в особенности, индифферентное и беспечное отношение к сохранению леса. Такое отношение местного жителя к лесу создалось, с одной стороны, благодаря окружавшему его до последнего времени былому лесному богатству, воспитавшего его на началах малобережливого, расточительного отношения к последнему, а с другой стороны, благодаря отсутствию вообще сознания громадного значения леса» [5, л. 98об.].

Сибирские агротехнические традиции оправдывали необходимость пускания так называемых «палов», т.е. выжигания весной сухой прошлогодней травы на полях и лугах. П.Ф. Ревнивых пишет далее: «Судя по видимым случаям, что происхождение пожаров бывает более от беспечности самих крестьян, потому что они в начале весны, пуская по полям и покосам палы, не погасив огня, уходят спокойно домой или на другие работы, огонь оставляют на произвол ветра; вследствие чего огонь, повинуясь воле ветра, постепенно достигает до лесов и распространяется тут по сухой тундре и моху, поднимается до верши высокого леса, обнимает большую часть бора и по ветру спешит до ближайшего селения, которое в несколько часов обращается в пепел. Жители бегают, суетятся, подобно муравьям, но что они могут тогда сделать, когда огонь, несмотря на ничтожное их сопротивление, достигает своей цели, а оставшийся в лесу, распространяется по бору и делается уже неприступным» [1, л. 2об.]. Данные официальных отчетов лесного ведомства однозначно указывают на то, что большинство пожаров в Азиатской России приходилось на весенние месяцы [6, с. 19].

Второй важнейшей причиной возникновения лесных пожаров, связанной с хозяйственной деятельностью местного населения, автор письма называет неосторожное обращение с огнем во время собирания грибов и ягод в лесах. По тексту письма: «Когда в лесах созреют грибы и ягоды, плодившиеся на тундроватых и моховатых местах, собиратели оных разного сословия и возраста горожане и поселяне разводят там огни для варения пищи и охранения себя от оводу, курева, по выходе из бору оставляют непотушенными угли, которые после выхода их ветром раздувает, почему загорается мох и сухая тундра и в момент обращается в сильное пламя и таким же образом, как выше сказано, действие огня усиливается и истребляет на большое пространство строевые сосновые леса и плодовитые кедры, от которых остаются одни обгорелые пни» [1, л. 2об.-3]. В качестве подтверждения своих слов П.Ф. Ревнивых приводит пример гибели тридцати трех домов с хозяйственными постройками в деревне Елань, располагавшейся в 40 верстах от Тобольска, в июне 1870 г. Пожар начался в лесу от того самого «курева», оставленного собирателями ягод, а затем перекинулся на близлежащую деревню.

Описав наиболее частые причины лесных пожаров, автор письма переходит к формулировке рекомендаций по преодолению сложившейся неблагоприятной ситуации.

Демонстрируя «государственный подход» к решению проблемы, П.Ф. Ревнивых предлагает учредить особое лесное управление, «определив лесничих, и в помощники к ним выбрать из среды крестьян взамен общественной службы в каждом селении и деревне надзирателей и сим последним в непременную поставить обязанность, чтобы они ни под каким предлогом и ни в какое время по полям и покосам пускать палы не дозволяли» [1, л. 3]. В момент написания письма в Западной Сибири специализированного лесного управления не существовало, а леса находились в ведении губернских казенных палат, а также волостной и сельской администрации. Существовавшая примитивная система лесоуправления вызывала обоснованную критику автора письма, который справедливо отмечал, что «местное начальство, хотя и принимает меры, предписывая волостным правлениям выбирать на этот предмет из среды крестьян полесовщиков и пожарных старост, но, к сожалению, достичь чего-либо лучшего от этих сторожей без ближайшего над ними надзора едва ли возможно потому, что беспечность последних, сопряженная с леностью, удерживает их выполнять начальственные предписания» [1, л. 3об.].

П.Ф. Ревнивых не ограничивается рекомендацией о введении лесного управления, но предлагает свое решение самого «больного» вопроса – финансирования его деятельности. Показывая, как и в случае со статьей на железнодорожную тему, знание местных экономических реалий, тобольский мещанин предложил обложить пароходовладельцев на Иртыше и Оби специальным налогом в размере 20 копеек с сажени дров, что позволило бы ожидать поступления суммы в размере 14 тысяч рублей, которой «кажется будет достаточно на расходы для отдельного лесного правления и на жалование чиновникам, а для пароходовладельцев акциз этот тягости не составит» [1, л. 5].

Надо сказать, что предложения П.Ф. Ревнивых не были «гласом вопиющего в пустыне». Мысль о необходимости формирования в Западной Сибири специализированного лесного управления уже назрела и активно обсуждалась в административных кругах и на страницах периодических изданий, однако ее реализация растянулась почти на пятнадцать лет.

Еще одним вполне конкретным предложением тобольского мещанина стало установление запрета сборщикам грибов и ягод и всем находящимся в лесу людям разводить огонь, а охотникам использовать кудельные, тряпочные и бумажные пыжи. При разведении костров «в случае ночлега для варения пищи» соблюдать противопожарные требования: выбирать место вблизи с водоемами, а при покидании места ночлега заливать огонь водой или засыпать землей. Нельзя сказать, что эти требования содержали в себе что-либо «революционное», напротив, они были известны давно и уже с начала XVIII в. содержались в самых разных нормативных актах, регулировавших вопросы пожарной безопасности в лесах.

Смысл данных предложений, на наш взгляд, заключался в том, чтобы правительство обратило внимание на формирование системы контроля за исполнением этих предписаний. В частности, П.Ф. Ревнивых предлагал, чтобы от-

правлявшиеся в лес сообщали представителю сельской администрации о том, кто, куда и зачем направляется (для установления за ними соответствующего надзора). Да, безусловно, подобного рода предложения были трудно осуществимы, но по причине отсутствия профессиональной лесной стражи являлись одним из немногих способов соблюдения противопожарного режима в лесах.

Таковы были предложения, изложенные в письме тобольского мещанина П.Ф. Ревнивых министру государственных имуществ. Надо признать, что сибиряк абсолютно точно отметил все «болевые точки» еще только зарождавшейся лесной отрасли Западной Сибири, а именно отсутствие централизованного лесного управления и особенности хозяйственного уклада местного населения. Предложения не были оторваны от действительности и носили вполне практический характер. Видимо, так же рассудил и министр, поскольку по его поручению 28 сентября 1870 г. Лесной департамент подготовил П.Ф. Ревнивых ответ, адресованный Тобольскому городскому полицейскому управлению. В ответном письме было отмечено, что министр государственных имуществ объявил П.Ф. Ревнивых благодарность «за готовность его содействовать сохранению лесов» и уведомил, что «означенные предположения будут приняты министерством во внимание при обсуждении вопроса о мерах к предупреждению лесных пожаров» [1, л. 6об.].

Дело на этом заканчивается. В нем больше не содержится каких-либо документов, позволивших бы судить о дальнейшей судьбе предложений тобольского мещанина, неравнодушного к благосостоянию родного края и Отечества. Однако его правоту и дальновидность подтверждает то обстоятельство, что дальнейшее развитие лесного хозяйства в Западной Сибири пошло по пути формирования централизованного лесного управления и складывания лесоохранного механизма, перед которым была поставлена задача борьбы с лесными пожарами.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 3. Д. 26661.

2. Ревнивых П. Об устройстве железной дороги в западный край Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1870. № 22.

3. Шостакович В.Б. Лесные пожары в Сибири в 1915 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. Т. XLVII. Очерки по землеведению Восточной Сибири. Иркутск, 1924. С. 119-126.

4. Фрейдин И.Г. Богата ли Сибирь ценными лесами? СПб., 1900.

5. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-185. Оп. 1. Д. 264.

6. Отчет по лесному управлению Министерства земледелия и государственных имуществ за 1901 г. СПб., 1902.

Румянцев Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный университет (г. Томск)
petroom@mail.ru

ПРОЕКТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ А.П. ХРУЩОВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ

Аннотация: На основе архивных документов исследуется проект генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова по реформированию жандармских управлений для усиления надзора за находившимися в крае политическими ссыльными. Сделан вывод о том, что руководство жандармского ведомства отказалось от предложения Хрущова по причине больших затрат на его реализацию и боязни усиления генерал-губернаторской власти в регионе и ослабления влияния жандармов.

Ключевые слова: Западно-Сибирское генерал-губернаторство, XIX в., реформа, Корпус жандармов, А.П. Хрущов, ссыльные, политический надзор.

Александр Петрович Хрущов (генерал-губернатор Западной Сибири с 1866 г.) свои ежегодные отчеты царю о положении дел во вверенном ему крае наполнял всевозможными проектами и предложениями, например, о необходимости строительства железной дороги, о мерах по развитию промышленности и торговли и т.п. Однако в первую очередь его интересовало спокойствие управляемого им региона, на огромном пространстве которого размещались в большом количестве политические ссыльные. Предотвращение возможного выступления со стороны ссыльного элемента и являлось главным предметом забот Хрущова на генерал-губернаторском посту [1, с. 81-82]. Большие надежды в этом вопросе он возлагал на сотрудников жандармского ведомства, находившихся в сибирских губерниях.

Численность жандармских управлений регулировалась штатными расписаниями, установленными Положением о Корпусе жандармов 1836 г. Согласно этому документу, в Тобольской, Томской губерниях и Омской области, входивших в то время в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства, располагалось управление жандармского штаб-офицера, состоящего из самого штаб-офицера, его адъютанта, двух писарей и пяти денщиков. Также в указанных субъектах находилось по одной жандармской губернской команде с общей численностью 34 чина в каждой [2, с. 339, 341]. Такого количества жандармов было явно недостаточно для реализации замысла Хрущова.

Уже в своем первом ежегодном генерал-губернаторском отчете за 1866 г. Хрущов ходатайствовал об учреждении жандармских полицейских управлений в тех местностях Западной Сибири, где проживают политические преступники, а также для «наблюдения вообще за местным населением, значи-

тельная часть которого, не имея домообзаводства и ведя бродячую жизнь, способна быть послушным орудием нарушителей общественного порядка». По замыслу генерал-губернатора, полицейские жандармские управления своим надзором должны были охватить всю территорию региона. Состав этих управлений следовало пропорционально привязать к количеству ссыльных, проживающих в сибирских городах и их округах. Согласно предложению Хрущова, в Западной Сибири следовало создать 11 жандармских управлений, размещенных следующим образом: 1) в Тобольске и его округе (в составе начальника управления, вахмистра и 32 унтер-офицеров); 2) в Тюмени и Туринске и их округах (начальник управления, вахмистр и 26 унтер-офицеров); 3) в Ялуторовске и Кургане и их округах (начальник управления, вахмистр и 16 унтер-офицеров); 4) в Петропавловске, Ишиме и его округе (начальник управления, вахмистр и 26 унтер-офицеров); 5) в Омске и его округе (начальник управления, вахмистр и 32 унтер-офицера); 6) в Таре и его округе (начальник управления, вахмистр и 26 унтер-офицеров); 7) в Томске, его округе с Нарымом (начальник управления, вахмистр и 32 унтер-офицера); 8) в Каинске и его округе с Колыванью (начальник управления, вахмистр и 26 унтер-офицеров); 9) в Мариинске и его округе (начальник управления, вахмистр и 26 унтер-офицеров); 10) в Кузнецке, Бийске и Барнауле (начальник управления, вахмистр и 6 унтер-офицеров); 11) в Семипалатинске и Усть-Каменогорске по такому же числу чинов. Таким образом, для всех планируемых управлений потребуется 11 офицеров, 11 вахмистров и 254 унтер-офицера [3, л. 1, 2, 12-14].

Западносибирский генерал-губернатор предложил комплектовать эти управления за счет нижних чинов, находящихся при полиции в указанных городах Западной Сибири и осуществляющих надзор за политическим ссыльными. Также он допускал возможность комплектования управлений по распоряжению Штаба Корпуса жандармов как из находящихся на службе нижних чинов, так и из отставных. Нижних чинов следовало распределять по населенных пунктам в сельской местности по соглашению с местными губернаторами и начальником 8-го жандармского округа с последующим обязательным утверждением со стороны генерал-губернатора Западной Сибири.

По предложению Хрущова, в наблюдательном отношении жандармским чинам следовало исполнять все предписания западносибирского генерал-губернатора, донося о результатах выполненных таких поручений как генерал-губернатору, так и своему начальству. Остальные поручения, исходящие от генерал-губернатора, жандармские чины должны были исполнять по предписанию своего ближайшего начальства, т.е. губернского жандармского штаб-офицера. К основным обязанностям, возложенным на чинов Корпуса жандармов, Хрущов хотел добавить следующие: «1-е. Иметь бдительный надзор за политическими и государственными преступниками; следить за тем, исполняются ли меры, указанные правительством по водворению и улучшению быта означенных лиц и соответствуют ли результаты предположенной цели.

2-е. Иметь негласный надзор за всеми лицами, которые по образу мыслей и по влиянию на умы других, могут быть вредны в политическом отношении; и также иметь в виду всегда выгнанных со службы чиновников и других подозрительных лиц, которые ради корысти, и пользуясь неведением народа, подстрекают его к разным кляузам, отвлекающих начальство от прямых своих обязанностей и вводящих народ в непроизвольные расходы.

3-е. Обращать особое внимание на всех лиц, не имеющих оседлости и средств к жизни, как на элемент вредный для края и изыскивать средства к устранению влияния их на прочее население.

4-е. Не допускать в местностях, вверенных их надзору, образования тайных обществ, а также появления агентов с целью вредить Правительству» [3, л. 15-16].

Таким образом, по замыслу Хрущова, уездные жандармские управления должны стать органом, с помощью которого генерал-губернатор Западной Сибири мог бы иметь самые достоверные сведения о «направлении умов населения и неуклонном исполнении местной администрацией своих должностных обязанностей». Губернаторская власть, городская и земская полиция будут обязаны оказывать уездным жандармским управлениям во всем полное содействие. Также полезность уездных жандармских полицейских управлений, по мнению Хрущова, будет заключаться в проведении их начальниками на местах дознаний по разным делам и доносам, по которым обычно всякий раз командируются чиновники особых поручений, что влечет за собой значительный расход казны [3, л. 16-16об.].

В правительственных кругах началось обсуждение проекта Хрущова. В сентябре 1867 г. шеф жандармов П.А. Шувалов сообщил, что он вполне разделяет мнение Хрущова о необходимости учреждения уездных жандармских управлений во вверенном ему крае, однако он предлагает повременить с реализацией этой меры до окончательного утверждения административного устройства Киргизской степи. В качестве причины для отказа реализации предложения Хрущова руководитель жандармского ведомства указывал на большие финансовые затраты на создание и ежегодное содержание новых жандармских управлений. Так, согласно приведенному самим же Хрущовым расчету, ежегодное штатное жалованье 11 начальникам управлений без учета жалованья за чин составит 7150 рублей (400 рублей добавочного жалованья и 250 рублей столовых денег), а содержание нижних чинов обойдется в 40 300 рублей серебром (11 вахмистров по 200 рублей и 254 унтер-офицера по 150 рублей). Сверх того, каждому начальнику уездного жандармского управления следовало каждый год производить дополнительные расходы: на разъезды и содержание экипажа по 700 рублей, на наем писца – 120 рублей, канцелярские расходы – 50 рублей, экстренные расходы – 300 рублей, а всего на 11 начальников управлений дополнительных расходов приходилось бы 12 870 рублей серебром [3, л. 17, 20-20об]. По расчетам же Штаба Корпуса жандар-

мов следовало, что для реализации предложения Хрущова необходимо будет дополнить существующие уже к тому времени в Сибири жандармские штаты 8 офицерами и 197 унтер-офицерами. Всем им единовременно потребуется выплатить 30 259 рублей 15 копеек (первым – 12 255 рублей 32 копейки, вторым – 18 003 рубля 83 копейки), а ежегодное их денежное содержание составит 45 450 рублей 93 копейки (15 568 рублей и 29 882 рубля 93 копейки соответственно) [4, л. 40].

В январе 1868 г. шеф жандармов П.А. Шувалов сообщил министру внутренних дел П.А. Валуеву, что по причине преобразования в предыдущем году Корпуса жандармов на территории Западной Сибири произошло формирование нескольких наблюдательных жандармских пунктов, поэтому со своей стороны он не считает необходимым дальнейшее усиление в регионе жандармского надзора, пока со временем не будет в различных местностях выявлена необходимость в таковой мере [4, л. 44-44об.].

Однако истинная причина отказа от реализации проекта Хрущова, на наш взгляд, заключалась в другом. В ноябре 1863 г. для недопущения распространения польского восстания в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской губерниях были учреждены 55 уездных жандармских команд с общей численностью 1760 строевых чинов (по одному начальнику и вахмистру, а также по 30 унтер-офицеров в каждой команде). Если в инспекторском отношении эти команды состояли в ведении начальника 4-го жандармского округа, то в служебном отношении они находились в распоряжении виленского военного, гродненского, ковенского и минского генерал-губернатора. Он же определял ближайшие обязанности чинов этих команд, составляя для них специальную инструкцию. Комплектование офицерского состава этих команд осуществлялось начальством Корпуса жандармов, но с обязательным согласием на то генерал-губернатора [5, с. 249-250, 350]. В связи с подавлением восстания поляков и наведением порядка на западных территориях Российской империи необходимость иметь уездные жандармские команды в указанных губерниях отпала и с января 1866 г. началось постепенное сокращение количества команд. Хрущов не мог не знать о существовании и деятельности жандармских команд в указанных местностях, т.к. он принимал участие в подавлении польского восстания, а в июне 1864 г. занял пост помощника командующего войсками Виленского военного округа (в его состав входили все шесть северо-западных губерний), а уже с этой должности 28 октября 1866 г. он был назначен генерал-губернатором и командующим войсками Западной Сибири [6, с. 444]. Из делопроизводственной переписки установлено, что жандармское руководство было не согласно с тем фактом, что планируемые уездные жандармские управления в Западной Сибири будут подчинены в первую очередь местному генерал-губернатору, как предлагалось Хрущовым, что, несомненно, усилило бы власть последнего, а жандармских чинов поставило бы в зависимое положение от генерал-губернатора [7, л. 37].

Таким образом, предложение генерал-губернатора Хрущова об усилении жандармского надзора в Западной Сибири не получило поддержку в первую очередь из-за опасения усиления генерал-губернаторской власти в регионе и больших расходов, связанных с реализацией этого замысла.

Список источников и литературы

1. Ремнев А.В. Генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов и его омский дневник // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1994. № 3. С. 81-87.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. (ПСЗРИ-2). № 9355. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1837.
3. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7544.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 1104.
5. ПСЗРИ-2. № 40321. Т. 38. Ч. 2. Штаты и табели. СПб., 1865.
6. Хрущов Александр Петрович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1901. Т. 21. С. 442-444.
7. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1131.

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
demtchikev@mail.ru
Липский Степан Алексеевич
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
stenka.lipsky@yandex.ru

1917 ГОД В ЛЕНЬКОВСКОЙ ВОЛОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Аннотация: В статье предпринимается попытка охарактеризовать общественно-политическую обстановку в Леньковской волости с февраля по декабрь 1917 г. на основе воспоминаний ее жителей. Свидетельства современников расширяют и конкретизируют осмысление причин формирования одного из мощнейших очагов крестьянского повстанческого движения на западе Алтайской губернии в годы Гражданской войны. Показано, как общественно-политические настроения крестьянства повлияли на формирование повстанческих отрядов в регионе.

Ключевые слова: Февральская революция, Леньковская волость, Октябрьская революция, крестьянство, революционные настроения.

1917 год – год, переломивший ход российской истории и судьбы миллионов людей. За один год случилось две революции, за которыми последовали сложные социально-политические процессы в обществе, Гражданская война, становление нового государства.

События 1917 г. не обошли стороной и Леньковскую волость Барнаульского уезда Томской губернии (с 17 июня 1917 г. Славгородского уезда Алтайской губернии). Территория волости охватывала значительную часть Благовещенского, Суетского и частично Завьяловского и Родинского районов современного Алтайского края. В годы Гражданской войны территория волости стала одним из крупных очагов формирования повстанческого движения в Кулундинской степи, а также местом баталий между сторонниками Колчака и повстанцами.

Известно, что жители Барнаула узнали о событиях в Петрограде 5 марта [1, с. 12]. До сел же эта новость дошла с опозданием. Точную дату, когда о революции узнали в Леньковской волости, определить не предоставляется возможным. Однако можно предположить, что это произошло во второй декаде марта 1917 г. [1, с. 15]. Жизнь волостного села шла неспешно. Согласно воспоминаниям жителя села К.А. Мурзинцева, леньковцы в марте 1917 г. будто чувствовали грядущие перемены. В народе чувствовалась некая неопределенность и усталость от этой неопределенности[1]. Ранней весной 1917 г. в Леньки и другие села стали возвращаться солдаты, информировавшие крестьян о событиях в Петрограде. Солдаты, подогретые большевистской пропагандой, формировали революционную почву среди крестьян.

Весть о революции и отречении царя радостно воспринимали участники Первой русской революции. Рядовое же население Леньковской волости встретило новость о данных событиях весьма неоднородно. В крестьянской среде наблюдался раскол. Значительная часть крестьянства говорила о свержении царя с некой робостью и сожалением.

Однако волостная элита будто бы ждала данного события и всячески пыталась взять власть в свои руки или же противостоять идеям революции, как это можно было наблюдать в селе Глубоком [2, с. 10]. Противостояние «верхов и низов» вызвало различные публичные споры между сторонниками и противниками революции.

Часть «высшего слоя» населения волости в лице дьякона, торговцев, леньковского попа А.Д. Старокадомского и других симпатизировала Керенскому. Воспользовавшись моментом, они взяли власть в свои руки, учредив волостной Временный исполнительный комитет[2]. Схожие органы власти учрежда-

[1] Воспоминания Мурзинцева Куприяна Аверьяновича, участника Гражданской войны, о жизни церковной знати, под заголовком «Накануне». Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

[2] Воспоминания Мурзинцева К.А. «Сельский сход» о сельском сходе. Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

лись по всем другим населенным пунктам волости. Но крестьяне в большинстве своем противились новой власти, которая не спешила решать земельные проблемы. Наблюдалось некое двоевластие. «Временщики», или, как их называли в народе, «поповские комитеты», создавали на местах своеобразные микроорганы – сельские комитеты из 5-7 человек[1]. Таким образом волостная власть, вероятно, стремилась найти компромисс с народом. Однако на фоне незаинтересованности в разделении земель со стороны «временщиков» это вызвало обратную реакцию – становление крестьянских советов, что особенно ярко прослеживается поздней весной и в начале лета 1917 г.[2] В старожильческих селах были случаи радикализации, когда крестьяне самовольно захватывали землю. В населенных пунктах, где преобладали переселенцы, реальная власть была в руках крестьянских советов или же случалось слияние временщиков и крестьян, например, в Алексеевке. Среди ярых сторонников легитимной власти – «поповских комитетов» – стоит выделить старообрядцев Благовещенского. На Леньковщине, как и на территории всего Алтая, волостные земельные комитеты, сформированные в середине лета 1917 г., не могли усмирить деревню. Данные комитеты были попыткой объединения крестьянских советов и волостной власти под эгидой одной организации, однако в них не было единства. С момента создания ВИК и на протяжении весны-лета 1917 г. наблюдался рост бюрократии и крестьянского недовольства, усиливалось давление волостных органов власти на местные. Так, волостной Леньковский старшина требовал взыскать недоимки за 1916 г. с жителей ряда сел и деревень[3]. Некоторые источники указывают на то, что поселки сохраняли должность сельского старосты при крестьянском совете и занимались самоличным переделом земли, что указывает на проявление крестьянской самоорганизации в земельных вопросах [3, с. 3].

Неоднородность общественных настроений показывают события мая 1917 г. Согласно записям Мурзинцева и воспоминаниям леньковцев, 1 мая 1917 г. в Леньках на базарной площади водрузили на балке красное полотнище. Некий матрос Балтийского флота, Николай Трунин, вел среди крестьян агитацию от лица большевиков. Его многие слушали, но в то же время многие и не понимали. Выступление матроса закончилась тем, что по наступлении темноты было проведено шествие по леньковским улицам, во время которого, согласно воспоминаниям, исполнялась «Варшавянка»[4].

---

[1] Воспоминания Мурзинцева К.А. «Сельский сход» о сельском сходе. Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

[2] Воспоминания Мурзинцева К.А. «Классовая борьба разгорается» о классовой борьбе. Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

[3] Воспоминания Мурзинцева К.А. «Сельский сход» о сельском сходе. Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

[4] Воспоминания Мурзинцева К.А. «1 Мая» о проведении праздника 1 Мая. Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

Итогом стала еще большая общественно-политическая деструкция, которая вылилась в появление лагеря сторонников большевиков, состоявшего из бывших солдат, матросов и политически активных жителей, лагеря сторонников Временного правительства, большая часть из которых в дальнейшем сотрудничала с Колчаком. Солидная часть крестьянства не доверяла А. Керенскому, но в то же время и некоторые идеи большевиков были ей чужды[1]. Данную группу можно было назвать, скорее, сторонниками эсеров. Кроме того, крестьянству Леньковской волости были присущи черты анархической вольности, что ставит под сомнение некоторые выводы советской историографии [4, с. 147].

Препятствием на пути к социальному единению жителей волости, по мнению сельчан, был высокий уровень пьянства и самогоноварения. Представители власти – «поповские комитеты» – закрывали глаза на самогоноварение, чем усугубляли ситуацию. Борьбу с обильным пьянством начал сам революционно настроенный народ. К пьяницам применялись различные санкции: штрафы и общественные работы. Борьба революционного народа приносила свои плоды, однако после ряда мер, предпринятых членами Временного правительства и введения тюремного заключения за производство самогона, деревня снова стала пить, т.к. предпочтительнее было отсидеть два месяца, нежели платить штраф. Стоит заметить, что схожая ситуация наблюдались в Завьяловской, Родинской и других близлежащих волостях. Данное явление тормозило социальное единение революционно настроенного крестьянства.

Еще одной проблемой на пути к единению революционного крестьянства были взаимоотношения внутри крестьянской среды. Сохранялась проблема «чалдонов» и «ходоков» по причине их культурного своеобразия [5, с. 46]. Старожилы изначально наотрез отказывались принимать «ходоков». Порой они открыто ненавидели переселенцев, что можно было наблюдать как на бытовом уровне, так и в политических отношениях.

Восстановить картину событий Октябрьской революции не представляется возможным за неимением каких-либо прямых источников, свидетельствующих о ходе протекания и становления власти Советов на территории Леньковской волости. Имеется лишь ряд косвенных источников, которые позволяют судить, что она была установлена в волости не позднее января 1918 г. Леньковская волость – не единственное место, где власть Советов была организована столь поздно. По всему Славгородскому уезду становление советской власти растянулось с декабря 1917 по февраль-март 1918 г. Вероятно, это связано с сильными позициями эсеров в Славгородском и Каменском уездах. Однако, несмотря на то, что мы не можем восстановить ход и реакцию населения на становление новой власти, мы знаем персоналии, которые так или иначе с этим связаны. Зимой 1917–1918 гг. в Ново-Тюменцево из Петрограда приехал Яков Иванович

[1] Воспоминания Мурзинцева К.А. «О сибирской деревне». Оригинал представлен в экспозиции районного Благовещенского краеведческого музея.

Тюменцев, привезший с собой политические книги [6, с. 95-96]. Ф.И. Фоменко, Г.И. Заболотский, Серебряков, Пушкин и другие являлись лидерами крестьянских подпольных ячеек в селах Леньковской волости. Они сыграли значительную роль в становлении власти Советов в январе-мае 1918 г. и возглавляли крестьянские повстанческие отряды во время Гражданской войны.

Таким образом, по воспоминаниям современников событий 1917 г., говоривших о настроениях крестьян, выстраивается четкая картина нарастания недовольства политикой новой власти, которая всячески оттягивала решение насущных вопросов. Политическая картина на Леньковщине выглядит весьма пестро. Сторонников монархизма почти нет, официальная власть в основном придерживается курса Временного правительства с некими местными чертами. В крестьянской среде преимущественно середняки, в меньшей мере бедняки и зажиточные крестьяне симпатизировали идеям большевизма и крестьянского анархизма.

В противовес «временщикам» создавались крестьянские советы и комитеты на местах, а уже в ответ на них появлялись волостные земельные комитеты, пытавшиеся усмирить революционный пыл крестьянства Леньковщины. «Временщиков» и волостной земельный комитет поддерживали в старожильческих и старообрядческих селах.

Пьянство и социальная рознь крестьянства тормозили революционные настроения, а способствовало их развитию желание и необходимость решения аграрного и социальных вопросов. Все это в совокупности формировало активное общественно-политическое революционное настроение населения Леньковщины, которое, в свою очередь, способствовало созданию одного из мощных очагов повстанческого движения на западе Алтая.

Список источников и литературы

1. История Алтая: в 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века). Барнаул, 2019. 484 с.

2. Королев Г. История села Глубокое Завьяловского района Алтайского края. Завьялово, 1967. 149 с.

3. ГААК. Ф. П. 19. Оп. 3. № 328. Л. 3.

4. Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета: история и археология. 2005. С. 143-150.

5. Разгон В.Н., Пожарская К.А. «Самоходы» против чалдонов: адаптация столыпинских переселенцев на Алтае // Родина: История и археология. 2012. № 4. С. 44-48.

6. ГААК. Ф. Р-643. Оп. 5. № 2.

Суверов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
suverovev69@mail.ru

ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА СОТРУДНИКАМИ НКВД В ГОРОДЕ ТОМСКЕ (1944–1945 гг.) С ПОМОЩЬЮ ПАТРУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В период Великой Отечественной войны произошло ослабление государственного аппарата, уменьшилась численность опытных сотрудников, при этом увеличилась нагрузка на весь личный состав правоохранительного блока. Общественный порядок в Томске поддерживался с помощью патрулирования. Милиционеры и другие сотрудники НКВД были объединены в мобильные группы, которые задерживали подозрительных граждан, предотвращали преступления, контролировали правила ношения формы одежды и фиксировали нарушения субординации.

Ключевые слова: милиция, патрулирование, Томск, Народный Комиссариат внутренних дел, правопорядок.

После образования Томской области 13 августа 1944 г., вышедшей из состава Новосибирской области, началось формирование самостоятельного управления Народного Комиссариата внутренних дел (УНКВД) по Томской области, с входившими в ее состав подразделениями.

С начала военных действий наружная служба милиции была переведена на двухсменный режим работы по двенадцать часов. Отпуска были отменены, в ряде случаев милиционеры переводились на казарменное положение [1, с. 149].

Сложная криминальная обстановка в стране и регионе требовала от руководителей УНКВД по Томской области экстренных мер по обеспечению общественной безопасности в населенных пунктах, в т.ч. и в областном центре. Соблюдение порядка находилось на контроле у начальника областного главка. Порядок поддерживался личным составом органов внутренних дел на стационарных постах в наиболее важных частях города, а также с помощью мобильных групп, патрулирующих по определенным маршрутам. Сотрудники оперативно пресекали преступные деяния, задержанных граждан доставляли в отделения милиции [2, л. 26, 26об.], где устанавливалась их личность, при необходимости составлялись административные протоколы, возбуждались уголовные дела.

Так, в один из дней 1945 г., к находившимся на постах милиционерам Пономареву и Шейниковой обратилась за содействием гражданка Мартыненко, у которой на улице преступники сорвали берет. Милиционеры задержали преступников. Пономареву и Шейниковой была объявлена благодарность [3, л. 14].

Несение службы по охране общественного порядка, прежде всего, возлагалось на личный состав отдельного строевого дивизиона УНКВД по Томской области. Во время патрулирования сотрудники НКВД задерживали дезертиров Красной армии и промышленности, расхитителей социалистической собственности, проверяли документы у подозрительных граждан [4].

Приказ УНКВД по Томской области от 25 ноября 1944 г. № 75 «Объявляется штат отдельного строевого дивизиона» определил его численность [5, л. 85].

Таблица 3

Штатное расписание отдельного строевого дивизиона

Наименование должностей	**Количество единиц**
1. Командир дивизиона	1
2. Зам. командира дивизиона по политчасти	1
3. Командир взвода	4
4. Командир отделения	10
5. Милиционер городской	70
6. Милиционер конный, городской	10
7. Милиционер конвойный, городской	32
8. Бухгалтер	1
Итого	129

Специально из числа сотрудников данного дивизиона направлялись патрули (в составе четырех милиционеров) под руководством командира отделения товарища Петина для выявления и направлению в специализирующие организации беспризорных и безнадзорных детей [6, л. 75].

Для усиления отдельного строевого дивизиона к патрулированию привлекались и другие сотрудники правоохранительных органов. Так, на основании приказа УНКВД по Томской области от 19 ноября 1945 г. № 584 «О мероприятиях по борьбе с преступностью в городе Томске» начальнику тюрьмы № 1 лейтенанту Башлыкову было предписано выделить для патрулирования трех надзирателей и начальнику отдела пожарной охраны капитану Карасеву из личного состава трех человек. Они были обеспечены зимним обмундированием и оружием, с 21 ноября 1945 г. переданы в подчинение управлению милиции УНКВД по Томской области до особого распоряжения, размещены в казарме, для них было организовано в столовой 3-разовое питание [7, л. 179].

Формировались комендантские патрули для контроля за правильностью ношения форменного обмундирования сотрудниками НКВД, отдания воинского приветствия и соблюдения субординации в гарнизоне. Патрульные задер-

живали сотрудников НКВД, одетых в служебную форму и находившихся на рынках, базарах, ресторанах без служебной надобности [8, л. 74].

Посильную помощь в обеспечении общественного порядка (в т.ч. и патрулирование совместно с милицией) на территории города оказывали добровольные формирования из местных жителей – так называемые бригады содействия милиции. Только в 1943 г. в их рядах в стране насчитывалось 118 тысяч человек [9, л. 76].

Таким образом, после образования самостоятельного УНКВД по Томской области в 1944 г. удалось не только сохранить, но и усилить меры по охране общественного порядка в городе Томске. Во время патрулирования сотрудники НКВД предотвращали преступления различной степени тяжести, задерживали правонарушителей. Спецпатрули выявляли и доставляли в специализированные учреждения беспризорных и безнадзорных детей, осуществляли контроль за соблюдением служебной дисциплины сотрудниками НКВД. Серьезную помощь милиционерам оказывали и сотрудники из других подразделений (пожарной охраны, исправительно-трудовых учреждений и т.д.), а также активисты из числа местных жителей.

Список источников и литературы

1. Суверов С.Е. Органы внутренних дел Павловского района Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. науч. работ. Могилев, 2016. С. 149-150.

2. Архив информационного центра Управления министерства внутренних дел (ИЦ УМВД) России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.

3. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37.

4. Гашенко В.А., Свиридов И.В. Обеспечение общественной безопасности и правопорядка в Новосибирске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2007. Т. 3. № 1. С. 9-16.

5. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.

6. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35.

7. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 36.

8. Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35.

9. История советской милиции. Том 2. Советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1977. 339 с.

Румянцева Екатерина Николаевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск)
katerum3007@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО НОТАРИАТА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Аннотация: На основании широкого круга исторических источников рассмотрены организация, условия работы и существующие проблемы томского государственного нотариата во второй половине 1980-х гг., порядок и особенности организации деятельности томских государственных нотариусов в связи с проводимой государством политикой перехода на частичный хозрасчет, основные последствия преобразований для функционирования нотариата Томской области в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: перестройка, история государственного нотариата, государственный нотариус, томский нотариат, частичный хозрасчет.

В условиях социально-экономических перемен 1980-х гг. повысился спрос населения на оказание нотариальных услуг и стремительно росла роль советского нотариата.

В 1980-е гг. на территории Томской области нотариальную функцию осуществляли:

– государственные нотариусы в штате государственных нотариальных контор;

– в населенных пунктах Томской области, где нотариальные конторы отсутствовали, исполнительные комитеты районных, городских, поселковых, сельских Советов народных депутатов в лице председателя, заместителя председателя, секретаря;

– иные должностные лица в законодательно закрепленных случаях. Например, завещания граждан, находящихся на излечении в больницах, других стационарных лечебно-профилактических учреждениях … могли удостоверяться главными врачами, их заместителями по медицинской части или дежурными врачами этих больниц, лечебных учреждений, санаториев, а также директорами и главными врачами указанных домов для престарелых и инвалидов [1, ст. 17].

Нотариат Томской области находился в ведении отдела юстиции Томского областного исполнительного комитета, оставаясь в его подчинении до начала 1992 г.

В середине 1980-х гг. в Томской области насчитывалось 15 государственных нотариальных контор, к 1922 г.– уже 22 госнотконторы, в т.ч. в г. Том-

ске – 4. Росло и число государственных нотариусов с 20 (1985 г.) до 37 (1992 г.) [2, л. 12; 3, л. 12; 4, л. 9; 5, л. 8].

На Первую областную государственную нотариальную контору, расположенную в г. Томске, помимо основных нотариальных действий (удостоверение сделок (договоры, завещания, доверенности и др.), принятие мер к охране наследственного имущества, наложение запрета отчуждения жилого дома и др.) возлагались обязанности по совершению наиболее сложных нотариальных действий. Вместе с тем Первая госнотконтора являлась методическим центром Томского отдела юстиции, на ее базе работал постоянно действующий семинар, проводились ежегодно совещания с нотариусами области, организовались производственная практика и стажировка молодых нотариусов [6, л. 24-34].

В 1980-е гг. государственная политика была направлена на улучшение условий и качества нотариальной работы. Например, в октябре 1985 г. Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов подписал приказ № 18 «О мерах по дальнейшему улучшению работы с кадрами нотариата и повышению уровня нотариального обслуживания населения, предприятий, учреждений и организаций», содержащий меры по повышению организованности, дисциплины и ответственности кадров нотариата за порученное дело, а также обеспечение чистоты их состава [7, с. 34]. Было рекомендовано усилить спрос с руководителей отделов юстиции и государственных нотариальных контор за попустительство к фактам нарушения государственными нотариусами социалистической законности, служебной дисциплины и профессиональной этики [8, л. 12]. В 1986 г. Борис Васильевич предложил исключить практику зачисления на должности государственных нотариусов лиц, не имеющих высшего юридического образования [8, л. 13].

Несмотря на активное поддержание государством улучшения качества нотариальной работы, к середине 1980-х гг. в томском нотариате оставалось немало нерешенных проблем: слабая материально-техническая база, низкая заработная плата, неравномерная нагрузка государственных нотариальных контор и т.д. Так, для полного обновления условий работы госнотконтор требовались колоссальные денежные ассигнования, которыми государство не располагало. В свою очередь увеличение доходности государственных нотариальных контор не могло повлиять на рост финансирования по улучшению материально-технических условий работы в нотариальных конторах и на уровень оплаты нотариусов.

В первые годы перестройки для выхода из сложившегося во многих отраслях экономики кризиса и улучшения финансового, материально-технического положения государственных предприятий руководством страны было проведено реформирование существующей государственной системы, в т.ч. перевод на частичный хозрасчет и предоставление большей самостоятельности организациям. В 1987 г. принят Закон СССР «О государственном

предприятии (объединении)», согласно которому предприятия постепенно переходили на самостоятельность в сфере хозяйственного ведения и распоряжения прибылью [9].

Данные преобразования затронули и государственный нотариат. В феврале 1988 г. Министерством юстиции СССР в пяти регионах страны (Москва, Московская, Ярославская, Ивановская и Тверская (тогда еще Калининская) области) проводился экономический эксперимент по переводу отдельных нотариальных контор на новые условия работы. Суть эксперимента заключалась в следующем: государственным нотариусам предоставлялась возможность получать дополнительный заработок за счет оплаты технических услуг и составления проектов документов. Полученный доход позволил частично улучшить материально-техническую базу государственных нотариальных контор. Эксперимент был признан удачным и впоследствии лег в основу при переходе иных государственных нотариальных контор на частичный хозрасчет.

5 августа 1988 г. принят еще один нормативно-правовой акт – постановление Совета Министров СССР № 972 «О мерах по коренной перестройке сферы платных услуг населению», согласно которому новые условия работы государственных нотариальных контор обеспечивали наиболее полное удовлетворение потребностей населения в платных правовых услугах на основе совершенствования деятельности нотариальных органов, развития творческой инициативы и усиления материальной заинтересованности их работников [10].

В Томской области государственные нотариусы переход на частичный хозрасчет встретили с энтузиазмом. 22 февраля 1990 г. общее собрание государственных нотариусов Томской области приняло решение об утверждении Положения о порядке и условиях проведения экономического эксперимента по переводу государственных нотариальных контор области на новые условия работы по оказанию услуг правового характера и Положения о премировании работников нотариальных контор. Новые условия деятельности томских государственных нотариальных контор реализовывались путем получения доходов от предоставления платных услуг правового характера населению, предприятиям и организациям в соответствии с установленными тарифами [11, л. 2]. Средства, полученные от граждан за оказание услуг правового характера, на основании совместного решения руководства отдела юстиции Томского облисполкома и Совета нотариусов использовались в следующем размере:

1) 5% в бюджет от всей суммы дохода;
2) 5% в централизованный фонд;
3) 40% в фонд оплаты по труду;
4) 2,8% в фонд отчислений на социальное страхование в размере 7% фонда оплаты по труду;
5) 42,2% в фонды производственно-технического (30%) и социального развития (12,2%) [11, л. 3-4].

Средства фонда производственно-технического развития направлялись на финансирование затрат по приобретению оборудования, организационно-технических средств и других товарно-материальных ценностей, не входящих в сметы строек, затраты по внедрению новых видов правовых услуг и юридической помощи и т.д.

Средства фонда социального развития могли быть использованы на проведение оздоровительных мероприятий, в т.ч. на приобретение путевок на отдых и лечение, проведение культурно-просветительных и физкультурных мероприятий, предоставление безвозмездной материальной помощи для первоначального взноса собственных средств на кооперативное в индивидуальное жилищное строительство и другие цели.

В это же время, 22 февраля 1990 г., для организации работы по правовому обслуживанию граждан нотариусы создали Совет нотариусов Томской области, в полномочия которого входили такие функции, как контроль за выполнением решений собраний государственных нотариусов области; решение вопросов совершенствования управления и организационной структуры нотариальных контор, обеспечения соответствия оплаты труда работников их личному вкладу и справедливого распределения социальных благ; решение вопросов подготовки и повышения квалификации нотариусов, контроль за соблюдением производственной, финансовой и трудовой дисциплины в нотариальных конторах и принятие мер по ее укреплению и т.д. [11, л. 8-9].

После указанных преобразований в госнотконторах повысился уровень оказания государственными нотариусами правовых услуг населению. Как результат, количество нотариальных действий в Томской области выросло в разы: если в 1987 г. было совершено 54 737 нотариальных действий, то в 1992 г. – 155 259 [12, л. 1-1об.; 13, л. 1об.]. Увеличению нотариальных действий способствовало принятие Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [14], благодаря которому возник вторичный рынок жилья и стремительный рост обращений граждан к государственным нотариусам для обеспечения законности совершаемой сделки. Постоянный рост нотариальных действий происходил не только за счет прогрессивных изменений в экономике страны, но и благодаря притоку населения в быстроразвивающиеся районы нефтедобывающего комплекса и лесной промышленности Томской области [15, л. 4].

В начале 1990-х гг. отмечались и другие улучшения в осуществлении нотариальной деятельности в Томской области: госнотконторы размещались в пригодных для выполнения нотариальной функции помещениях с хорошей материально-технической базой (наличие печатных машинок, бумаги, бланков, удостоверительных штампов и т.д.).

Таким образом, переход на частичный хозрасчет и принятые Положения в Томской области ознаменовали собой начало переходного этапа к становлению Томского нотариата на совершенно новых, негосударственных (частных)

началах. Данные изменения не только подняли качество оказания нотариальных услуг населению на новый профессиональный уровень, улучшили материально-техническую базу работы государственных нотариальных контор в Томской области, но и повысили уровни оплаты труда и жизни государственных нотариусов, а также способствовали сплоченности государственных нотариусов в решении насущных проблем благодаря созданию определенного института самоуправления – Совета государственных нотариусов Томской области.

Список источников и литературы

1. О государственном нотариате: закон РСФСР от 2 августа 1974 г. № 852 // Свод законов РСФСР. 1998. Т. 8. С. 67.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 72.
3. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 91.
4. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 168.
5. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 219.
6. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 52.
7. Государственный нотариат: сб. нормативных актов / сост. Р.И. Виноградова, Р.М. Низовский; под общ. ред. М.П. Вышинского. М.: Юрид. лит., 1989. 478 с.
8. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 167.
9. О государственном предприятии (объединении): закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 385.
10. О мерах по коренной перестройке сферы платных услуг населению: постановление Совмина СССР от 5 августа 1988 г. № 972 // Свод законов СССР. 1990. Т. 8. С. 504-516.
11. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 231.
12. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 190.
13. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 265.
14. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.
15. ГАТО. Ф. Р.-1871. Оп. 1. Д. 142.